

"Мы из Конторы"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Андрей Ильин

Мы из Конторы

(Обет молчания — 10)

Предисловие

Есть ноты, а есть — ноты!..

Ноты, по которым играют — безобидны.

Ноты, которыми обмениваются, влекут за собой дипломатические скандалы, отставки и войны. Бывает, что и мировые.

Эта нота была не музыкальной, была — дипломатической. Нам — от них!

Одна из развитых европейских стран протестовала против того, что им стало известно о контактах российских спецслужб с представителями ряда террористических организаций, действующих на их территории. Что недопустимо с точки зрения европейского общежития, морали и принципов невмешательства и добрососедства.

Вообще-то да — контакты были.

Но наши от них открестились. Самым решительным образом!

Потому что на их ноты у нас есть свои ноты!

Как в той пословице про винты и капканы!

Суток не прошло, как российский МИД выступил с резким заявлением относительно того, что Россия всегда выступала против любых взаимодействий с террористами всех мастей, неуклонно соблюдая все взятые на себя обязательства относительно невмешательства и добрососедства. В то время как некоторые развитые капиталистические страны и их ближайшие союзники были неоднократно замечены в контактах с лидерами террористических организаций как левого, так и правого толка и широко использовали их в своей борьбе против Советского Союза, а после — России.

На чем обмен нотами был закончен.

Дело — замято и забыто.

Но скоро получило самое неожиданное продолжение...

Глава 1

Дом был двухэтажный, обшарпанный, по самые окна вросший в раскаленный асфальт. Таких в Москве сколько угодно. Лет двести назад он был вполне приличным купеческим особняком, а ныне весь покосился и обветшал, краска на стенах выцвела до цвета грязного «хаки», штукатурка облупилась и осыпалась, железо на крыше проржавело, оборванные водосточные трубы прогнулись от дряхлости. Отчего, видно, особняк назывался теперь строением шесть дробь один.

Что это за дом, никто знать не знал, хоть над входом висела неприметная и ничего не

говорящая вывеска: «Второй участок инженерно-коммуникационных сооружений Управления Гидропромреконструкции Мосжилкомхоза Центрального округа».

Ниже рукой малолетних хулиганов было выведено неприличное слово, покрашенное поверх краской, отчего оно стало лишь заметней.

Входная дверь была из того еще, из прошлого, века — была деревянной и обитой поверх драным дерматином.

Если ее открыть и зайти внутрь, то словно лет на двадцать назад переносился — на стене висели плакаты по технике безопасности и стенд «наших передовиков» с пустыми дырками вместо фотографий.

Дальше пройти было невозможно, потому что поперек коридора стоял крашенный стол с лампой и черно-белым телевизором «Рекорд», в который глядел пенсионер в засаленном пиджаке модного покроя пятьдесят третьего года.

Вдруг хлопнула входная дверь.

Простучали шаги.

— Эй, куда тебе?

— К начальнику.

— Нету его. И никого нету!..

Начальство охранник не жаловал, ибо имел свое, особое относительно учреждения, которое охранял, мнение. Которое выражалось одним словом — бардак с добавлением множества нецензурных выражений.

Работа у охранника была непыльная — за весь день мимо него, дай бог, два-три человека проходили. Все остальные просачивались через черный ход или через слесарку, где дрыхла бригада дежурных слесарей, которые никогда никуда не выезжали.

— Тогда заместителя начальника.

— И его нету!

— А кто есть?

— Кажись, главный инженер имеется. Туда, направо по коридору, против туалету.

В кабинете главного инженера царил запустение. И даже компьютера не было видно, а стоял древний, которым сто лет не пользовались, арифмометр. Сам главный инженер был плешив и напуган своей жизнью.

— Чего вам?

Проситель прошел к столу и плюхнулся на жалобно скрипнувший стул, печально оглядываясь по сторонам.

— Грязно у вас тут. И бедно! — вздохнул он. — Надобно бы зданию ремонтец дать. Ну там, фасад подновить, то да се — пяток этажей надстроить, гаражец подземный трехуровневый,

евроремонтик, мебелишку из Италии. Мы бы могли взяться...

— Кто — вы?

— Ну, считай, спонсоры.

— Нам не требуется ремонт, — покачал головой главный инженер.

— Чего? — не поняв, переспросил посетитель.

— Нам не требуется ремонт! — повторил хозяин кабинета.

— Ну ты че, в натуре, не сечешь — да? Мебель, то-се, гараж, в гараже «мерс» «шестисотый»... твой.

— Но у нас уже есть дежурная машина.

— Какая такая машина?

— «Уазик».

— Не, нуты че?.. Ты не понял — «мерс»-«шестерка», то-се, оклад пять тысяч в месяц. Зелени. Ну там квартира, если надо, дача.

— Я же говорю, не требуется.

— Ты че?.. У тебя же строение, в натуре, ветхое, ему все равно под снос.

— Да вы что — у него стены метровые, оно двести лет простояло и еще двести простоит.

— Ну ты точно не въезжаешь!.. Хошь, я завтра заключение архитектора принесу, что у тебя кирпич потрескался, перекрытия сгнили и фундамент осел? А еще санэпидемстанцию пришло и пожарников.

— У нас уже был архитектор. И санэпидемстанция с пожарными. Вот, можете полюбопытствовать, их заключения.

И ведь верно — были заключения!

Из коих следовало, что особняк, простоявший двести лет, имел износ ноль целых девяносто девять сотых процента, что фундамент подобен крепостью пирамиде Хеопса, а балки деревянных перекрытий легко выдержат бал африканских бегемотов. Пожарники уверяли, что наружная электрическая проводка двадцать седьмого года соответствует всем пожарным ГОСТам, а санитарные врачи сообщали, что в доме нет мышей, крыс, тараканов, радиации и бацилл, что весь он стерилен, как одноразовая хирургическая салфетка, и пребывание в нем способствует укреплению здоровья, а из кранов течет минеральная водичка почище, чем в Баден-Бадене.

Посетитель обалдело глядел в бумаги с печатями.

— И еще у нас имеется документ, удостоверяющий, что это здание является памятником архитектуры и мировым культурным достоянием, охраняемым государством и ЮНЕСКО.

— Ты где все это взял? — спросил посетитель. Имея в виду, за сколько.

— Там, — кивнул главный инженер.

На чем посетителю пора было уходить.

Но он не ушел.

— Ты че, дядя, а ежели все ж таки у тебя случится здесь пожар?

Или не здесь — а у тебя на даче?

Или в квартире?

— Почему случится? — не понял инженер.

— У тебя че — «ящика» дома нет, — поразился посетитель. — Что, ты не знаешь, что Москва в пожарном отношении теперь самый опасный город? Ежели нет — будет — домашний кинотеатр «Филиппс» два метра диагональ с колонками.

Ты давай, дядя, мозгой пошевели — на хрена тебе головешка-то? Ты лучше «мерс» возьми, чтоб телок на нем катать. Телки тоже с нас!

А то совсем поганно получается — в стране строительный бум, а ты тут своей избой, как гнилой зуб, торчишь! Позоришь, понимаешь, столицу Родины своим гнусным видом. Неладно! Надобно, дядя, подтягивать свое бескультурье.

Усек?

Заместитель согласно кивнул.

— Тогда я завтра приду!

И ушел.

И надо же так случиться, что почти тут же во «Втором участке инженерно-коммуникационных сооружений Управления Гидропромреконструкции Мосжилкомхоза Центрального района» случился вызов на аварию, — видно, что-то где-то прорвало, или хлынуло, или закапало, потому что опухшие от пересыпа слесаря, натянув спецовки и похватав «шарманки» с инструментами, попрыгали в свой раздолбанный «уазик» и куда-то поехали.

Но уехали недалеко.

Из-за того, что, разворачиваясь на ближайшем перекрестке, «уазик» въехал в бок навороченного «Лексуса» своим бампером, втолкнув ему дверцу в салон.

Гром получился оглушительный.

Из сопровождающего «Лексус» джипа повыскакивали долговязые охранники, из «уазика» высыпали слесаря в засаленных робах. И все уставились на искореженный бок «Лексуса».

— Ну вы попали! — покачали головами слесаря, указывая на помятый бампер, наполовину вошедший в «Лексус». — Минимум на штуку. Рублей. Счас таких бамперов не выпускают. Вон как его перекорезило — теперь кувалдой придется править и кузбаслаком красить.

Охранники обалдело глядели на «Лексус» и на слесарей.

— Чего-чего?! — переспросили они. — Чего вы базарите?

— Мы говорим — влетели вы на всю катушку, — повторили слесаря. — Встали тут, где мы ехали! К обочине прижиматься надо было!

От такой наглости охранники чуть слюной не захлебнулись.

И поперли было на слесарей.

Но те не отступили ни на шаг. А напротив, сомкнув ряды, пошли в атаку, стуча охранников по физиономиям своими натруженными руками. Отчего охранники валились как снопы.

А как они полегли на асфальт, ремонтники, склонившись над ними, сказали:

— Штука с вас! До завтра денег не будет — пеняйте на себя! Найдете нас — там.

И указали на «уазик», на борту которого было написано «Аварийная».

А чуть ниже, мелкими буквами: «Второй участок инженерно-коммуникационных сетей Гидропромреконструкции Мосжилкомхоза Центрального округа» и адрес.

И, сев в свой «уазик» и в джип охраны, — уехали.

— Так это че — наезд? — удивились охранники, как пришли в себя. Примерно через час. И не все.

Когда они явились пред грозны очи главаря и сказали ему, что им наваляли какие-то дежурные слесаря, которые к тому же у них джипарь и пушки отобрали, тот сильно осерчал и объявил всеобщую мобилизацию, поставив под ружье даже женский обслуживавший их персонал.

Наметилась большая война...

Которая не состоялась. Потому что утром главарь позвонил по мобиле из травматологического отделения больницы и дал общий отбой. И дал тысячу рублей, попросив отнести ее по известному адресу.

— Ну их, — сказал он — Эти слесаря такие беспредельщики!

Хотя никакими беспредельщиками те не были. Впрочем, как и слесарями. А кем тогда?..

А кто их знает... В том числе они сами.

Все они пришли кто из «Альфы», кто из спецназа, нанимал их плешивый дядька, жаловавшийся на частые наезды бандитов и оттого предложивший устроиться к нему дежурными слесарями, пообещав хороший оклад и редкие вызовы.

Что и от кого они охраняют, «слесаря» даже не знали, но зато хорошо знали слово «фас», по которому срывались с места, укладывая мордами на асфальт всякого, на кого указывал хозяин.

Которого в глаза не видели, получая приказы от одного из замов. А тот...

Глава 2

Кладовщику «Второго участка инженерно-коммуникационных сооружений Управления Гидропромреконструкции Мосжилкомхоза Центрального округа» позвонили.

Позвонил президент.

России.

Ну, вернее, не сам позвонил, а его Доверенное Лицо.

Кладовщик сидел в своем складе, где был собран и разложен на стеллажах всякий стащенный из ближайших помоек хлам, и поэтому ответил сразу.

— Да, — сказал он.

Да...

Да...

Нет, вы не туда попали. Набирайте правильно номер.

После чего запер свой склад на ключку и пошел прогуляться. К ближнему телефону-автомату. К тому ехал два часа, перепрыгивая из автобусов в троллейбусы, из троллейбусов в трамваи и обратно в автобусы. При этом он смотрел, нет ли за ним «хвоста». Видно, кладовщика, на подотчете у которого состоял никому не нужный хлам, одолевала мания величия. И еще преследования.

Нет, все было в порядке, слезки не было.

Кладовщик остановился пред телефоном-автоматом, набрал номер и сказал:

— Мне бы Степан Семеновича услышать.

— Здесь таких нет, — ответили ему — Вы ошиблись номером.

Ничего он не ошибся. Хоть Степана Семеновича на том конце провода, верно, не было. И не должно было быть. Просто Степан Семенович не был человеком, а был кодом, который что-то означал. Или совсем другое, если бы кладовщик, к примеру, попросил к трубке не Степана Семеновича, а Зинаиду Марковну.

Собственно говоря, из-за этих лишь редких звонков весь тот участок и существовал. И еще из-за того, что прежний президент, возомнивший себя умником, приказал, чтобы подведомственная ему госслужба, пусть даже с приставкой «спец», перестала играть в дурацкие конспирации, а, следуя новым демократическим веяниям, обрела название и постоянный адрес. Отчего тут же и возник «Второй участок инженерно-коммуникационных сооружений Управления Гидропромреконструкции Мосжилкомхоза Центрального округа».

Хотя кто сказал, что у госучреждения обязательно должен быть адрес?

Отец-основатель Конторы, Иосиф Виссарионыч, тот сказал иначе — сказал:

— Не много ли стал на себя брать уважаемый Лаврентий Павлович? Не случится ли у него головокружения от успехов? А?..

Чекисты — верные слуги партии и народа, зорко приглядывающие за врагами Советской

власти. Но кто приглядывает за ними?

А верно?.. А ну как карающий меч, развернувшись, ударит исподтишка в незащищенную спину вождя?

Нет, не верил Иосиф своим соратникам, постоянно подозревая среди них заговоры и измены. И не без основания. Нет, не обойтись ему было без своей, лично ему подчиненной спецслужбы, которой надлежало вынюхивать и выведывать, чем дышит и какие козни строит против вождя высшая партийная и армейская верхушка. Никак не обойтись!

— Пусть будет организация без вывески и адреса, чтобы никто, ни единая душа о ней не знала, а та знала все про всех и все докладывала генсеку!

Но коли так, коли ей предстояло следить за наркоманами, то подчинять ее наркоматам, равно как финансировать через Минфин, было нельзя. А следовало вывести «за рамки».

Так появилась Контора — как противовес могущественному НКВД, как служба для особых поручений при Генеральном секретаре, а после президенте России, подотчетная только и лично Первому Лицу государства.

С тех пор много воды и крови людской утекло... За полвека в жизни Конторы случались разные времена — бывали лучше, бывали хуже, бывали хуже некуда, бывали даже хуже, чем «хуже некуда».

Теперь было — так себе.

А вернее сказать — никак... Ныне в «царском» фаворе была госбезопасность, которая преданно служила Хозяину, а тот тем же отвечал ей, отчего «Второй участок Управления Гидропромреконструкции Мосжилкомхоза» пребывал почти в забвении. И вызов к Степану Семеновичу был скорее исключением, чем правилом.

Но коли приглашение было получено, то проигнорировать его было невозможно. «Степан Семеновичу» отказывать как-то не принято...

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Обмен рукопожатиями.

«Степан Семенович» с интересом взглянул на невзрачного, ничем не примечательного, какого-то совершенно не героического на вид представителя тайной службы. Увидишь такого в толпе — и не заметишь, а заметив, тут же забудешь.

— Рад вас видеть...

Пауза...

Ну пусть будет Михаил Михайлович.

— Михаил Михайлович.

— Простите, ваша должность?..

Обычно перед президентом лежит распечатанная на принтере справка, где заботливые референты заранее перечисляют все должности, звания и регалии посетителя, дабы Хозяин мог щегольнуть перед ним, продемонстрировав, что помнит и ценит преданных ему людей.

Но не в этот раз.

На этот раз встреча проходила без референтов и прочей обслуги.

— Так какую вы занимаете должность?

— Заместителя начальника, — ответил посетитель. «Заместителя? — поморщился „Степан Семенович“. — Мне что, начальника прислать не могли?»

— ЖЭУ номер семь, — добавил посетитель.

— При чем здесь ЖЭУ? — не понял Первый.

— В настоящий момент я числюсь в ЖЭУ номер семь на должности заместителя начальника.

Ах, ну да, у этих ведь все не как у людей — все шиворот-навыворот. И вид совершенно гражданский, и выправка отсутствует, и должности какие-то странные...

Впрочем, на этот раз без них, кажется, не обойтись!..

«Степан Семенович» вздохнул и сказал:

— Я пригласил вас по весьма щекотливому делу, которое не могу доверить никому другому...

Глава 3

Сегодня был хороший день. Сегодня у Николая Петровича был отгул — вчера он заступил на дежурство, сегодня утром сдал пост и до завтрашнего вечера был совершенно свободен. Он снял свой черный с эмблемой секьюрити комбинезон, переоделся в гражданский костюм и пошел домой. По дороге ему нужно было зайти в магазин, чтобы прикупить картошки, хлеба и сахара...

Николай Петрович был мужчиной средних лет, не самой выдающейся, но все равно приятной наружности и трудился охранником в ЧП на продбазе. Работал он там уже почитай год и весь этот год сожительствовал с Анной Михайловной Мызык, которая числилась в том же складе старшим товароведом.

Анна Михайловна была бездетной перезрелой дамой, которая служила на поприще торговли, всю жизнь проводя в подсобках, оклеенных цветными фотографиями, вырванными из журналов, на холодных складах, где пахло колбасой, капустой и стиральным порошком. Ей было сорок лет, двадцать пять из которых она мечтала о встрече с принцем и с кем-то даже встречалась, но каждый раз это оказывались не принцы, а всякие разные подлецы и мерзавцы. Но не теперь. Теперь, как ей казалось, ей повезло, потому что она встретила мужчину своей мечты и, живя с ним год, справедливо считала себя замужней дамой, хотя и не была расписана. Ну и что, что не была — другие вон имеют штамп в паспорте, а живут друг с дружкой как кошка с собакой. А ее Коленька хоть и не был ей законным супругом, да зато жил с нею душа в душу, так что она нарадоваться на него не могла — не пил, как иные, деньги в дом приносил все до последней копейки, был хозяйственный, а еще, что немаловажно, не имел никаких родственников, которые могли бы вмешаться в их семейную идиллию, потому что был

он круглый сирота.

Так что лучшего желать было нельзя.

Да и Анна Михайловна Николая Петровича вполне устраивала, так как была домовитая и в душу к нему без спроса не лезла. И хоть многие удивлялись его выбору, ибо Николай Петрович был мужчина видный и, наверное, мог найти себе кого-нибудь помоложе, да только он никого не искал. И то верно — молоденькие девицы, они, конечно, смазливей, да только с ними хлопот куда как больше. Молоденьких дурочек жизнь еще не была, не колотила, и все им чего-то хочется — то танцулек, то курортов, то нарядов новых, а Анна Михайловна была дамой степенной, несуетной и нелюбопытной, дома у нее было чисто, а на плите всегда стоял свежесваренный борщ. Да и внешностью она была ничего себе, и возрастом в самом соку, когда есть еще на что поглядеть и за что подержаться.

Так они и жили, довольные друг другом.

Конечно, у супруга Анны Петровны имели место некоторые странности — не без этого, — к примеру, он терпеть не мог разговоров о своем прошлом, ничего и никогда не рассказывая. Если кто-то спрашивал, какой вуз он окончил, где работал или служил, он лишь отмахивался да отшучивался. Или тяжело вздыхал.

Иногда Анна Михайловна дивилась тому, что, живя с ним год, почти ничего о нем не знает. Порой подозревала худшее: что в своем прошлом он сидел в тюрьме или, того не лучше, — имел семью! Может быть, даже две! Но спросить о том напрямую побаивалась, а строить догадки было делом пустым. Коли человек не хочет копаться в своем прошлом, то зачем его неволить...

И вообще, надобно сказать, Николай Петрович был по натуре своей молчалив, если не сказать угрюм, компаний не водил, болтать попусту не любил и вместо того, чтобы обсуждать итоги последнего футбольного матча или пропадать в гараже, предпочитал заниматься по хозяйству, мастера какую-нибудь полочку. И слава богу!

Он делал полочку, прибавал ее к стене, глядел на нее, поправлял при надобности и шел в ванную мыть руки, а после за стол есть или к телевизору глядеть вечерние новости.

Наверное, это и есть тихое семейное счастье...

Потому как никаких иных вредных привычек у супруга Анны Михайловны не наблюдалось. Кроме, может быть, еще одной... Была у Николая Петровича слабость — обожал он местную прессу, каждую субботу покупая газеты бесплатных объявлений и с удовольствием просматривая их.

— Хм... — говорил он, качая головой. — Занятно.

Или:

— Ну дают!..

Или:

— Во народ, чего только не удумают!.. Ну придурки...

После чего, довольный собой и жизнью, откладывал газету и шел завтракать.

Но увлечение газетами — это тебе не водкой или посторонними девками. Подумаешь — газета, пускай себе читает!..

Вот и теперь была суббота, и Николай Петрович отправился в киоск Роспечати.

Он надел ношенный, но вполне еще приличный костюм и шагнул к двери.

— Нам ничего не нужно? — спросил он.

— Купи спичек, — крикнула ему вдогонку Анна Михайловна. — У нас последний коробок остался. И соль...

— Ладно, — ответил супруг, снимая с вешалки плащ.

И пошел...

И все было как всегда, и никто подумать не мог, что этот день будет последним днем семейного счастья Анны Михайловны.

Глава 4

Дело было и впрямь весьма и весьма щекотливое. Потому что было связано с приборкой. То есть нужно было прибрать. Не здесь. И не за собой, а за другими...

На что желающих не находилось!

Это раньше, когда был «союз нерушимый», которого с его экономикой, ракетами и ориентированной на оборону плановой экономикой весь противоположный лагерь как черт ладана боялся, такие дела проходили без сучка без задоринки. Тогда на уборщика пахал весь Союз от Москвы до самых до окраин — работали центральные НИИ, предлагавшие новейшие технические разработки, спецслужбы, сочинявшие легенды и биографии, МИД и печатные органы ЦК КПСС, обеспечивавшие шумовое прикрытие, и без счета других организаций, отвечавших за коридоры, страховки, каналы связи, пути эвакуации и пр. Тогда, даже если уборщик «палился», его всем миром вытаскивали с чужих нар, пугая Запад нотами протеста, дружескими визитами Тихоокеанского и Северного флотов и перспективой термоядерной войны в ближайший вторник.

Ныне все иначе.

Ныне никто никого с нар не вытаскивает, на шпионов не меняет и ордена за исполнение особых заданий не дает, отчего охотников на опасные авантюры находится мало.

Если их, конечно, спрашивают.

Михаила Михайловича не спросили.

— Надеюсь, вам все ясно?

— Так точно! — по-военному четко ответил представитель Конторы.

Чего уж тут не понять — на Контору вновь вешают дурно пахнущее дело, от которого другие государевы службы отвернулись. И приказ оттого дали не письменный, а, как водится, устный, чтобы всегда можно было от него откреститься, если ситуация выйдет из-под контроля.

Но хоть это не письменный приказ, а все равно приказ, который следует не обсуждать, а исполнять.

— Мне необходима информация по объекту, — сказал Михаил Михайлович.

— Да, конечно, — кивнул Первый, передавая ему CD-диск. — Здесь вы найдете все, что вас может интересовать...

На «сидюшнике» был подбор официальных, из личного дела, фотографий и из семейного альбома, где объект позировал стоя и сидя в одиночку и в кругу родных, и был видеофрагмент, где он же был изображен на природе, на фоне грядок с граблями, на волейбольной площадке и «крупняком» во весь экран, утирающим пот со лба, смеющимся прямо в объектив и что-то оживленно рассказывающим.

Это крайне важно, что, кроме фото, имелись видеозаписи, дающие представление о характерных для объекта манерах — о том, как он говорит, движется, гримасничает, жестикулирует, ходит, смеется... По ним человека возможно узнать, даже если он изменил свою внешность.

И было несколько снимков, где объект был сфотографирован в военной форме — в полевом камуфляже с автоматом наперевес и парадном мундире с полковничьими погонами и орденскими планками на груди.

В этом-то и было все дело. В погонах... Потому что объект был полковником ГРУ со всеми возможными выслугами и секретными допусками. И почти было стал уже генералом, да вдруг сбежал за границу, попросив там политического убежища и рассказав о всех известных ему секретах, чем нанес престижу и обороноспособности Родины серьезный урон.

За что его следовало примерно наказать. Но сделать это на законных основаниях было невозможно, так как ныне предатель находился вне досягаемости российского правосудия, под защитой чужих законов.

А наказать ох как хотелось! Да и следовало, чтоб другим неповадно было Родину за фунты и доллары продавать.

Это ведь лишь кажется, что переметнувшиеся на сторону врага предатели в чужих краях процветают, тратя свои тридцать сребреников на машины, рестораны, дам и виллы. На самом деле, коли дать себе труд просмотреть списки беглецов, то скоро выяснится, что долгожителей среди них нет, — все они кто в дорожно-транспортное происшествие попал, кто случайно из окна выпал, кто несвежим сэндвичем до смерти поперхнулся. И хоть о тех происшествиях в прессе не пишут, все, кому следует, о них узнают, к себе судьбу предателей примеривая.

Всегда так было.

И, наверное, должно быть.

И никакие идеологии здесь ни при чем. Понятия о чести и долге — при чем. Негоже своих чужим сдавать, пусть даже из самых благородных побуждений. Даже в детской компании, коли своих «заложись», и то непременно по сопатке схлопочешь.

Вот и теперь надобно бы «по сопатке»!

Только как до нее добраться?

Иностранной резидентуры у Конторы нет, так как она создана исключительно под решение российских задач, являясь, по сути, своей, внутренней, разведкой. А теперь придется действовать не тут, а там — в незнакомой, насквозь враждебной обстановке без какого-либо прикрытия.

Кого на такое дело послать?

Из действующих резидентов?..

Из выведенных в резерв?..

Из их кураторов?..

Кого же?..

Пожалуй, кого-нибудь из резервистов...

— И последнее, — задрал палец вверх Первый. — За обеспечение операции будет отвечать Федеральная служба безопасности...

А вот это уже удар под дых. Значит, их человек будет свою головушку в петлю совать, а за ним из ближайших кустов приглядывать бравые ребята в одинакового покроя пиджаках? Чтобы он в последнее мгновение не сдрейфил и не сбежал?..

Выходит, не верит им Первый, коли вешает на хвост своих людей из безопасности! И коли выгорит дело, те ребята просверлят на погонах новые дырки, поделив с ними успех, а сорвется — за все ответит исполнитель! Сполна!..

Вот, значит, какой получается расклад?..

Глава 5

На улице было довольно противно. Шел дождь, и было довольно прохладно.

Николай Петрович поглубже втянул голову в воротник и посеменил к ближайшему киоску, где намеревался купить столь любимые им газеты.

Ах да, еще спички и соль! Надо будет зайти в соседний продмаг...

Дорогу озабоченному покупками Николаю Петровичу преградили три неясные тени. Они встали поперек тротуара, весело переговариваясь и поглядывая на одинокого прохожего.

— Эй, дядя, у тебя закурить есть?

— А не рано? — также весело ответил Николай Петрович.

Курильщикам было от силы лет по четырнадцать, хоть были они каждый под два метра ростом.

— Чего? — не поняли подростки. — Чего ты сказал?

Кажется, подростки были настроены агрессивно.

— Я сказал, что не курю, — примирительно ответил Николай Петрович. — Всей бы душой, но увы.

И попытался пройти дальше.

Но у него ничего не вышло.

— А коли нет сигарет — купи! — посоветовали малолетние хулиганы. — Деньги-то у тебя есть?

Деньги — были.

Николай Петрович с надеждой оглянулся по сторонам. Но поблизости никого не было — всех разогнал разошедшийся дождь. Хоть бы милиционер какой заваливающий появился...

Но блюстители тоже отсутствовали.

— Ну так че? — нетерпеливо спросили подростки.

Делать было нечего, и Николай Петрович, вздохнув, полез за кошельком. Расстегнул его и, покопавшись, вытащил оттуда мятую купюру.

— Столько хватит? — протянул он пятьдесят рублей подросткам.

Те презрительно взглянули на деньги и на него.

— Ты чего, дядя, с Луны упал? Мы ту дрянь, что в ваших магазинах продают, не курим. Нам больше надо.

Нам все надо.

Давай!

И потянулись к кошельку.

«Дать бы им сейчас как следует, да руки-ноги переломать, чтоб впредь неповадно было»... — подумал Николай Петрович.

Но не дал. Не успел.

Потому что ближайший подросток пнул его носком ботинка в колено — да больно так, отчего Николай Петрович, вскрикнув, согнулся, подавшись корпусом вперед. Второй удар, на этот раз кулаком, пришелся ему в лицо.

Николай Петрович охнул и, раскинув руки в стороны, шлепнулся на асфальт, ударившись о него затылком. Кошелек, вывалившись из его руки, отлетел куда-то в сторону. Но кошелек уже мало интересовал подростков, которые, почуяв свою силу и безнаказанность, все более входили в раж, куражась и избивая беззащитного прохожего. Они поднимали его за грудки, вздымая на ноги, и с силой били в лицо. А после, когда он падал, пинали куда ни попадя, словно вымещая на нем какие-то свои на этот мир обиды. Николай Петрович пытался уходить из-под ударов и прикрываться руками, но это у него получалось плохо.

«Дураки, ну какие же дураки! — думал он. — Ведь забьют же до смерти».

И верно, забили бы, кабы в стороне истерично не закричала какая-то женщина.

— Помогите-е! Сюда! Убивают!..

Подростки замерли, испуганно оглянулись на крик и, подняв кошелек, побежали к ближайшей подворотне.

Николай Петрович лежал на асфальте без чувств, и на него капал утихающий дождик, смывая с лица кровь. Розовые ручейки весело бежали по тротуару, стекая в решетку сливной канализации.

От него, от дождя, потерпевший и пришел в себя.

Он вздохнул, закашлялся, провел рукой по лицу, почуяв, как ладонь вмиг стала красной и липкой.

Подбежавшая женщина, та самая, что кричала, склонилась над ним, протягивая носовой платок.

— Вы живы? — спросила она.

— Жив, — коротко ответил Николай Петрович.

И попытался привстать, но громко вскрикнул, опершись на правую руку.

— Кажись, перелом, — сказал он.

Где-то вдалеке слышались сирены. Видно, кто-то из жильцов соседних домов, заметив в окне драку, позвонил в милицию и по ноль три.

Из кареты «Скорой помощи» лениво вышли люди в белых халатах, нехотя взглянули на потерпевшего и предложили ему забраться внутрь машины. Возиться с окровавленным, мокрым и грязным пациентом никому не хотелось.

Кряхтя и охая, Николай Петрович поднялся и, прыгая на одной ноге и цепляясь за медбратьев, кое-как вскарабкался в машину. На носилки его не пустили, посадив на краешек сиденья.

— Ну все, поехали...

В больнице пострадавшему наложили десять швов и гипс на сломанные правую руку и левую ногу и положили в палату, поставив диагноз: сильное сотрясение мозга.

Через несколько часов туда прибежала Анна Михайловна, которая, не дождавшись супруга из магазина, всполошилась и обзвонила все больницы и морги.

Увидев забинтованного, загипсованного и растянутого на койке Коленьку, она всплеснула руками и заплакала. Побитый муж, держась молодцом, как мог успокаивал ее.

Наконец, после долгих уговоров, двух ампул нашатыря и матюков главврача Анна Михайловна пришла в себя и снова заахала и заохала.

— Ай-ай, какая же я дура, ничего с собой не принесла! Ведь, поди, тут нет ничего — ни еды, ни белья постельного!

— Я сейчас, я мигом в магазин сбегаяю. Что тебе нужно?

— Газет, — ответил перебинтованный Николай Петрович.

— Чего? — не поняла супруга.

— Газет, — повторил Николай Петрович. Потому что из-за происков малолетних хулиганов лишился своей обычной субботней порции печатной продукции.

Анна Михайловна недоуменно фыркнула, но просьбу супруга исполнила, через четверть часа явившись с кипой свежих газет.

Николай Петрович попросил подложить под голову подушку и с удовольствием погрузился в занимательное чтение.

Объявления о купле-продаже недвижимости он проигнорировал, так как, по всей видимости, на покупку квартиры у него не было денег. Машины его тоже интересовали мало. А вот на брачных объявлениях он задержался. Этот раздел интересовал его больше других.

Уж не оттого ли, что Анна Михайловна ему наскучила?..

«Жгучая брюнетка тридцати двух лет, рост 160, объем груди и бедер такой же, желает познакомиться...»

Хм... Интересно, как выглядит эта тридцатидвухлетняя, с выдающимся бюстом, брюнеточка?

«Сорокапятилетняя, не имеющая жилищных, материальных и иных проблем дама ищет спутника жизни...»

Эта дама, несмотря на возраст, явно обречена на брак.

Так, что там дальше?..

В следующей рубрике он искал ее. Он — как правило, невысокий, немолодой, не красавец, не атлет, не богач — искал юную, прекрасную, стройную, сексуальную, верную деву...

Губа у мужиков была не дура...

Но одно объявление выбивалось даже из этого наглого ряда.

Хм!..

«Одиноким бедным инвалидом-паралитиком, страдающим припадками эпилепсии, ночным диурезом, импотенцией и приступами немотивированной агрессии, ищет молодую, незамужнюю, с выдающейся внешностью девушку 90-60—90, без вредных привычек и материальных проблем для создания крепкой семьи, по возможности на жилплощади невесты.

Имя.

Телефон».

Сколь ни странно, но это объявление не вызвало у Николая Петровича приступа веселья. И даже улыбки. И даже ухмылки. Более того, он перечел его еще раз:

«Одиноким бедным инвалидом-паралитиком...»

У претендента на юных, фотомоделистых, материально обеспеченных красавиц, готовых выносить из-под припадного жениха судно, не было ни единого шанса на успех. Ну кому

взбредет в голову всерьез заинтересоваться его предложением?

И в том-то и было все дело!..

Николай Петрович удовлетворенно сложил газету и, повернувшись на бок, уснул. Аки младенец...

А ночью в больнице случилось ЧП...

Глава 6

Никого полковник Городец не предавал.

По крайней мере, так он считал. Наверное, совершенно искренне.

Просто однажды в незнакомой компании он изрядно перебрал дармовой водки и стал хвастаться мощью вооруженных сил России перед всякими там блоками НАТО. А так как был он человеком военным и допущенным к разным оборонным секретам, то хвастался не голословно, а вполне убедительно, ссылаясь на тактико-технические характеристики ракет класса земля — земля, которые запросто накрывали одним своим залпом пол-Европы, превращая государства недружелюбной оси в непригодные для дальнейшего проживания территории.

При этом, как выяснило следствие, он использовал нецензурную лексику, поминая матерей глав государств и премьер-министров, и грозил натовскому генералитету кулаком и выставленным из него средним пальцем.

Присутствовавшие на встрече журналисты подначивали патриотично настроенного полковника, на что тот реагировал неадекватно, рисуя на грязных салфетках направления главных ударов продвигающихся к Берлину и Парижу русских танковых колонн.

— Да мы их с их «томагавками»... Да знаешь, где видали...

Там, где «томагавки» никто покуда еще не видал!

— Да пусть только Главнокомандующий даст приказ, и мы их как бог черепаху!

Вообще-то никаких особых тайн полковник не выдавал, так как все эти «секретные» сведения были опубликованы в иностранных журналах, посвященных анализу вооружений иностранных армий. Но одно дело чужая, насквозь враждебная нам пропаганда, и совсем иное — прямая передача информации из уст в уста облеченного званиями и полномочиями должностного лица.

На следующий день падкие до сенсаций журналюки растиражировали ура-патриотическую речь полковника в СМИ, а один, некстати оказавшийся корреспондентом Си-эн-эн, привел ее в зарубежных источниках, которые были некстати процитированы на заседании Европарламента.

Отчего случился скандал.

И пьяная болтовня невоздержанного на язык полковника Городца была признана разглашением гостайны, и делу был дан ход. И хоть полковник, горячась и ругаясь, предъявлял в Военной прокуратуре чужие журналы и ссылки на сайты, где были опубликованы не только

тактико-технические данные, но чертежи и фотографии ракет и карты с обозначением мест их дислокации, его никто уже не слушал.

Впрочем, может быть, полковник и впрямь сболтнул чего лишнего, о чем, по пьяному делу, уже не помнил?

Или военным прокурорам требовались жертвы политических репрессий, дабы доказать свою лояльность новому Хозяину, и упускать возможность отрапортовать об успехах в борьбе с перерожденчеством и инакомыслием в армейских рядах они не намеревались.

Полковника Городца было решено взять под стражу, но прежде конвоя к нему в гости заявился тот самый работающий на чужие голоса журналист.

И без обиняков сказал, что гнить теперь полковнику в заполярных лагерях до конца дней своих, рубя бескрайнюю сибирскую тайгу. И тут же, прежде чем его спустили с лестницы, представил своего приятеля. Который говорил по-русски с легким акцентом.

— Я-я... Так и есть — йес, — подтвердил тот, сообщив, что ему доподлинно известно не только о приказе о скором аресте полковника, но и о вынесенном ему будущим судом суровом приговоре. И даже процитировал соответствующие статьи, ни по одной из которых по законам военного времени меньше расстрела не полагалось.

— Мы хорошо знаем вас и высоко ценим ваш боевой опыт, — доверительно сообщил он. — И потому посчитали своим долгом предупредить вас об опасности.

— Кто вы? — подозрительно спросил полковник.

— Журналисты, — с улыбкой ответил незнакомец.

Полковник хотел было схватиться за грудки и за табельный «Макаров», но вдруг понял, что влип по-крупному. Потому что от этого журналиста за версту несло иностранной разведкой.

— Ах ты! — с угрозой сказал полковник.

— Йес... Я... — согласно кивнул лжежурналист. — Я могу обещать вам политическое убежище в любой из избранных вами стран, интересную работу, достойные условия проживания и счастливую личную жизнь.

— Предателем меня хочешь сделать? — свирепея, спросил полковник.

— Но! — замотал головой журналист. — Найн! Не хочу. Не я хочу... Ваши друзья хотят. И верьте мне — сделают.

Своих «друзей» из Военной прокуратуры полковник знал. Как облупленных. Эти точно в лепешку разобьются, чтобы укатать его за Полярный круг к оленям.

— Прощу понять нас правильно, Мы не просим выдавать ваши секреты, мы лишь хотим использовать ваш богатый опыт в борьбе с мировым злом.

— Это с терроризмом, что ли?

— Йес... С терроризмом. В том числе чеченским. Надеюсь, борьба с чеченскими боевиками в Европе не станет противоречить вашим понятиям о вашей чести?

Тут было о чем подумать.

— Можно сделать один звонок? — попросил полковник Городец.

— Другу? — улыбнулся лжежурналист. Намекая на известную телепередачу. Там, у них, давно известную, потому что нами всего лишь слизанную.

— Ага, другу, — кивнул полковник.

По разговору с другом он понял многое — по тону, по односложным ответам, многозначительным паузам и желанию поскорей свернуть беседу. Из всего этого на первый взгляд совершенно невинного разговора все стало понятно — что карьера полковника закончена, что дни его сочтены, телефон находится на прослушке, а бывшие сослуживцы теперь дают против него признательные показания.

— Ну, что вам посоветовал ваш друг? — вновь участливо до приторности улыбнулся лжежурналист.

— Что надо, то и посоветовал! — грубо ответил полковник. — Тебя, сволочь, не спросили!..

Хотя как раз его, лжежурналиста, и надо было спрашивать, потому что он имел много друзей в Военной прокуратуре и знал куда больше полковника.

Размышлять долго не приходилось.

Полковник Городец подошел к окну и, раздвинув спичкой шторку, выглянул наружу, наметанным взглядом различив возле булочной лоточницу с булками, которые здесь стал бы продавать лишь полный дебил, и заметил не в меру беспокойного молодого человека с цветами напротив своего подъезда, который нетерпеливо смотрел не на часы, а на его окна.

Вот же падлы друзья-товарищи!..

— Через проходной двор, на соседней улице, меня ждет машина с дипломатическими номерами, — нашептывал журналист-искуситель. — Если вы теперь согласитесь пойти со мной, то меньше чем через день вы будете в безопасности в Брюсселе, а после где пожелаете, получив гражданство, политический иммунитет и подъемные суммы в евро или долларах.

Присутствовавший при беседе наш журналюка лишь вздыхал, закатывал глазки и сучил ножками от таких заявлений, готовый продать за четверть обещанного все известные ему тайны, вплоть до своих собственных и своей жены интимных секретов.

— Если вы будете продолжать медлить, то мышеловка захлопнется! — патетически произнес лжежурналист вычитанную в советском детективе фразу.

Она-то и решила исход дела.

— Черт с тобой — банкуй, рожа шпионская! — заявил полковник Городец, хватая свой «тревожный», с бритвой и чистым исподним, чемоданчик.

Операция враждебной нам иностранной разведки по вербовке ценного секретноносца прошла успешно. Для чего потребовалось лишь инициировать в Военной прокуратуре дело и поставить под окнами его квартиры продавщицу хлебобулочных изделий и молодого человека с цветами.

Там, в Брюсселе, полковник Городец получил все обещанное, рассказав все требуемое.

Не добровольно.

Под предлогом случайной простуды его закатали в военный госпиталь, где промыли мозги сывороткой правды, прокачали на полиграфе, подвергли гипнозу и устроили перекрестный допрос. Единственное, о чем полковник смог умолчать, это о том, что в бытность свою курсантом общевоинского военного училища он украл у своего сокурсника зубную пасту. Впрочем, об этом он как раз мог бы и рассказать...

Так полковник Городец стал предателем и врагом России пусть не под номером один, но три — точно!..

Глава 7

— Да вы что? Что вы такое городите? — не поверил главврач. — Да разве мыслимо такое?..

А случилось все так...

После отбоя и вечерней раздачи лекарств в палате номер семнадцать все уснули. И спали хоть не сладко, но крепко. Даже слишком, потому что, как потом выяснилось, вместо таблеток от колик и температуры больные случайно выпили снотворное.

Выпили и заснули.

Кроме одного, которому не давали покоя боли в сломанной руке и ноге и его дурной характер.

Он лежал тихо, сопя и похрапывая, но не спал.

Не спал час... Два... Три...

Полчетвертого он вздохнул, заворочался и негромко окликнул больных.

— Помогите, мне плохо!

Ему никто не ответил. Все спали беспробудным сном.

Тогда больной встал и, тихо ступая, поплелся к двери. Открыл ее, вышел в коридор и пошлепал по нему в сторону туалета. Его неблизкий, недоступный дизентерийным больным путь проходил мимо медсестринского поста. Где никого не было. Но это совершенно не значило, что ночная медсестра спала, потому что из близкой процедурной доносились сдавленные крики и стоны. Видно, медсестру кто-то давил.

И точно.

Когда не вовремя проснувшийся больной проходил мимо, стоны вдруг стихли и из-за двери высунулась голова медсестры. И голое плечо.

Медсестра испуганно огляделась по сторонам, грозно спросив:

— Больной... вы чего?!

— До ветру я. Живот болит! — пожаловался тот. — Мочи нет!

— У всех у вас болит! Нечего тут ходить! — справедливо возмутилась отвлеченная от процедур сестра. — Хождения после двадцати запрещены. Идите к себе и терпите до утра.

И, обернувшись, сказала в полураскрытую дверь:

— Такие капризные больные пошли... Все им нейдет, все чего-то бродят, куда в морг их не свезешь.

И то верно — лег в больницу — так лежи, чего ходить-то, тем более ночами?

Тут из-за двери высунулось еще одно плечо. Поболе первого. И высунулась всклокоченная голова. Мужская. Охранника.

— Ну ты чего — не понял? — свирепо спросил он. — Если доктор сказал в палату, значит, в палату! Приспичило ему! Иди давай, а не то ты у меня прямо здесь в штаны наложишь!

И высунулся по пояс.

Парень он был крепкий, весь в бицепсах, трицепсах и с квадратиками на животе, отчего был зазываем на посты медсестрами всех отделений.

Больной покорно кивнул и пошаркал обратно.

Он зашел в палату, но в койку не лег, встав подле двери.

Через полчаса он повторил попытку своего перехода в конец коридора. На этот раз он шел совершенно бесшумно, несмотря на то что прыгал на одной ноге. И прошел бы! Но, как назло, в момент, когда он пробирался мимо процедурной, откуда доносилось пыхтение и отчаянный перезвон пробирок, кто-то нажал кнопку вызова, и на посту запищал зуммер.

Вот ведь незадача! Как будто у ночных медсестер дел других нет, как к умирающим больным бегать!

Дверь распахнулась, и из нее выскочила медсестра.

В распахнутом халате на голое тело.

Что на голое — это понятно, неясно, почему в халате. Видно, и верно, в униформе, да больничной, да белой, есть что-то такое привлекательное.

Запахиваясь, медсестра воззрилась на больного, который перегородил ей дорогу.

— Ты чего опять тут? — грозно спросила она.

— В туалет я, — жалобно простонал больной.

Но провести медсестру было не так-то просто — знала она этих, с позволения сказать, пациентов.

— Гриш, — крикнула она, оборачиваясь назад. — Этот козел опять тут. Не иначе, подглядывает! Извращенец.

— Какой? — спросил из-за двери охранник, потому что всех на этом свете, кроме себя, считал козлами.

— Ну тот, что в первый раз был! — пояснила медсестра. — Видать, извращенец. Или хочет главврачу нас заложить.

Из-за двери выскочил крепкий хлопец, которому озимые поля плугом пахать вместо трактора, а не немощных больных охранять.

— Ах же ты, падла! — ласково сказал он. — Шпионить — да? А после доносы писать...

И дело было вовсе не в том, что его застукали на медсестре, а в другом. В том, что тот охранник был поставлен в эту больничку смотрящим, отчего оттуда периодически и бесследно стали пропадать наркосодержащие препараты, причем не без помощи влюбленных в ночного ухажера медсестер.

Так что не главврача боялся охранник.

— Чего у тебя — ножка сломана?.. — поинтересовался он, глядя на гипс. — Ну теперь еще и шея будет!

И вразвалочку подошел к больному.

— Я ничего, я случайно, я только в туалет, — испуганно залепетал тот, припадая спиной к стене.

Но его никто не слушал.

Охранник сграбастал его в охапку и потянул в конец коридора, как раз в туалет, но не для того, чтобы доставить ему облегчение, а чтобы потолковать по-свойски, отучив подглядывать, подслушивать и наушничать!

Он заволок его в туалет, прихлопнул за собой дверь и прижал больного к стене.

— Ну все, падла, счас я тебя буду по стене размазывать!

Быть размазанным по стене сортира было обидно. И негигиенично.

— Я ничего не видел, я случайно, я ничего не скажу! — забормотал больной.

— Конечно, не скажешь, — поддакнул ему охранник. — Потому что не сможешь!

И даванул так, что у его врага глаза на лоб выкатились. Как у вареного рака.

Ох и здоров же, черт! Точно, душу из тела на самые небеса выдавит!

Охранник повозил больного спиной по стене и, перебросив через себя, повалил на грязный пол, намереваясь насесть на него сверху.

Но не смог. Потому что оступился... Очень неловко.

Ну или не оступился, а просто как-то случайно упал. Башкой на кафель. А когда попытался встать, мыча, как обиженный бычок, снова как-то неудачно повернулся, налетев виском на коленку больного. Со всего маху! Да так неосторожно, что утратил сознание, рухнув в кабинку, лицом в унитаз. Отчего случился шум.

Тут уж следовало побыстрее сбегать.

Больной прикрыл дверь и припер ее под ручку случайной шваброй. После чего проскакал к окну, открыл раму и выглянул наружу.

Этаж был пятый. Внизу был асфальт.

Но сбоку по фасаду шла водосточная труба.

К сожалению, не близко...

В дверь застучала медсестра.

— Гриша, Гришенька, не убивай его, — кричала она. — У меня ничего с ним не было! Честное слово!

Но Гришенька ей не отвечал, рассматривая что-то в унитазе.

— Гриша-а!..

Теперь она поднимет своими воплями на ноги все отделение!

И точно, там, за дверью, пока еще глухо, застучали чьи-то шаги.

Все, теперь выход заперт любопытствующими больными. Скоро очнется охранник и бросится в драку... Или призовет на помощь своих приятелей... Или того хуже — милицию...

Ах как нехорошо...

Надо бы торопиться, пока дверь заперта...

Больной вновь проковылял по туалету, вернувшись назад, к примостившемуся на унитазе охраннику. Одним мощным рывком, обрывая петли, выдернул у него из наспех надетых штанов незастегнутый ремень.

Добрый ремень, кожаный... И пряжка литая...

Хорошо, что кожаный и что пряжка литая...

Вскарabкавшись на подоконник, больной из семнадцатой палаты высунулся в окно, вытянул руку и бросил вперед ремень, пытаясь зацепиться пряжкой за выступающую в сторону скобу водосточной трубы. С третьей попытки ему это удалось.

Он дернул ремень раз, другой, третий...

Потянул его на себя что было сил, упираясь в раму...

Пряжка держала.

Теперь все зависело от того, выдержит ли она и скоба нагрузку.

— Гриша, почему ты молчишь, ты убил его? — дурным голосом вопила медсестра, колотясь в дверь, которая вот-вот должна была рухнуть под ее могучим напором.

Больной еще раз выглянул в окно.

Высоковато... Но иного выхода нет.

Единственный выход своими пышными формами перегородила ночная медсестра и прибежавшие ей на помощь больные.

С богом!..

Больной сел на самый край отлива и, перехлестнув через ладонь ремень и вытянув его во всю длину, плавно соскользнул вниз!..

В пятиэтажную, заканчивающуюся асфальтом пропасть!..

Если бы он прыгнул, пряжка точно не выдержала бы мощного, семидесятикилограммового рывка. Но дело в том, что он знал, как нужно прыгать...

Подобно гигантскому маятнику тело качнулось вниз и вбок. Ремень натянулся подобно тетиве лука, пряжка деформировалась и... лопнула. Потому что рассчитана была удерживать штаны на поясе человека, но никак не человека на высоте пятого этажа!

Но в тот момент, когда она лопнула, беглец уже ударился о жесть водосточной трубы, обхватив ее руками. Двумя. В том числе пальцами сломанной руки. Отчего тихо взвыл!

Он схватился за жесть и замер, боясь пошевелиться!

Но он был слишком тяжел для рассчитанной на дожди трубы, и старая, подержавшая жесть, деформируясь и сминаясь, стала выгибаться, скрежеща в сочленениях. Если бы он держался за нее до конца, то постепенно, вместе с ней удаляясь от стены, так бы держась за нее и рухнул вниз, лишившись опоры. Что обычно и происходит, когда люди пытаются использовать в качестве лестницы водосточные трубы, до самого конца не находя в себе сил отпустить единственную удерживающую их от падения опору.

Но он не стал держаться за ломающееся железо, он ослабил хватку и скользнул по жести вниз, ослабив тем нагрузку на тонкий металл.

Он проскочил вниз, до следующего крюка, за который ухватился здоровой рукой, приостанавливая падение.

Он удержался, раздирая пальцы о неровный металл!

Но крюк был старый и был вбит неглубоко, потому что жестяники не предполагали, что, кроме дождевой воды, водосток должен выдерживать вес спящих по ним туда-сюда больных.

Крюк согнулся и, медленно изгибаясь, полез из стены.

Он лез, все более выгибаясь и убыстряя свое движение. И человеку не оставалось ничего другого, как отпустить его раньше, чем он окончательно выскочит из кирпича.

Он разжал пальцы и словно по направляющей заскользил по трубе вниз!

До следующего крюка.

Следующий крюк был прочнее и выдержал нагрузку!

Держась за него, беглец смог осмотреться и различить следующий ниже расположенный крюк, к которому приехал уже без всякого риска.

Через несколько секунд беглец был на земле.

Над ним на стене болталась изогнутая, лопнувшая в одном месте, вырванная из кирпича

водосточная труба.

Беглец пошарил рукой по земле, нащупал камень и очень сильно и точно бросил его в светящийся на единственном столбе фонарь. И ведь попал. С первого раза!

Лампочка лопнула, и стала темно.

Сверкая во тьме белыми бинтами, больной поскакал прочь. На одной здоровой ноге.

Куда?

Зачем?

Чего ему не лежалось в палате номер семнадцать под приглядом среднего медицинского персонала и любящей жены?

Или на него так подействовали брачные объявления граждан? Или он возжелал во что бы то ни стало познакомиться с нищим припадочным паралитиком, который, несмотря на ночное недержание и импотенцию, претендовал исключительно на молоденьких фотомоделей? Для чего? Например, для того, чтобы выведать у него секрет его оптимизма?

А может, итак!..

Утром больница гудела слухами. Которые были один нелепей другого.

Судачили, что будто бы свихнувшийся больной с пятого этажа, у которого были переломаны руки, ноги и в трех местах позвоночник, выпал из окна туалета, желая покончить с собой, но случайно зацепился сперва за охранника, а потом за водосточную трубу, отчего, упав на асфальт, остался жив и в состоянии шока уполз в неизвестном направлении.

Главврач, выглянув в распахнутое окно и правильно оценив витиеватые изгибы водосточной трубы, вызвал к себе ночную медсестру и охранника. Того самого, что нашли прикорнувшим до утра на унитазе.

— Как же так, вы же говорили, что мастер спорта по этой, как ее, по вольной борьбе? — подозрительно спросил главврач.

— Ну... — угрюмо кивнул охранник.

— Как же тогда с вами мог справиться какой-то больной, да еще с переломанными ногами и руками?!

Или вы лгали, что вы борец?

Кабы главврач был бабой, охранник вмиг бы ей все объяснил, продемонстрировав преимущество переднего захвата перед броском через бедро, повалив тут же навзничь и насевав сверху всей массой своего тренированного тела, так чтобы она до самого конца проводимого приема пикнуть не сумела.

Но главврач был мужиком, причем молодым и вреднящим, заслуженно недолюбливавшим охранников за то, что они без спроса «топчут» принадлежащих ему по праву медсестер!

— Отведите его в процедурную, перевяжите и дайте нашатыря, — распорядился главврач.

Охранника увели в процедурную. В ту самую. Те самые медсестры. И положили на ту самую кушетку...

Главврач снова высунулся в окно.

— Пошарьте там, в палате, в передаче, может, там случаем водка есть?

Палату обшарили.

Водку нашли. Десять бутылок. Но принадлежащие совсем другим больным. И к тому же непечатые.

— Может, он это, лунатизм? — высказал робкое предположение врач-практикант.

Какой лунатизм, когда теперь новолуние?..

— Тогда — состояние аффекта? История медицины знает подобные случаи. Я читал. Например, когда старушка во время пожара вынесла из избы полутонный сундук.

— У старушки руки-ноги были, — раздраженно ответил главврач. — А у этого гипс!

Ну-ка дайте сюда его снимки!

Может, с ним лечащий врач чего намудрил?

Но на снимках верно были переломы двух — верхней правой и левой нижней — конечностей.

— Хм!.. — растерянно пробормотал главврач. — Конечно, в состоянии аффекта чего только не бывает, но это как-то уж слишком.

И потом, с чего бы ему в то самое состояние впадать и по трубам лазить, когда через недельку его бы могли без всяких приключений домой выписать?

Странно...

Прибежавшей в больницу Анне Михайловне сообщили, что ее муж, совершив злостное хулиганство в отношении охранника, между прочим мастера спорта по вольной борьбе, сбежал из больницы, спустившись с пятого этажа по ржавой водосточной трубе.

— Как сбежал?.. Куда сбежал?.. — не поняла в первое мгновение Анна Михайловна.

— Вам виднее куда, — ответили ей. — Может, к любовнице. Может, ему так приспичило!

— Да вы что, да вы с ума сошли! — всплеснула руками супруга беглеца. — Нет у него никакой любовницы! Да и как бы он смог по трубе, когда он высоты боится! И хулиганов! А вы говорите — охранника побил... Да ведь слабенький он у меня! Вон его мальчишки чуть не до смерти поколотили! Чего бы он позволил себя малолеткам калечить, когда вы говорите — он такой драчун.

А ведь верно!..

Тогда уж совсем ничего не понять! Трех мальчишкам позволил себя побить, а бугая-охранника одним ударом с ног свалил. А после будто цирковой акробат по водосточной трубе вниз спустился, да притом со сломанными рукой и ногой. А спустившись, ускакал в неизвестном

направлении. На одной ноге!

Чудеса да и только!..

Или верно — состояние аффекта?.. Не исключено, усугубленное принятием алкоголя...

На том и порешили. После чего главврач приказал уволить ночную медсестру и провести в палатах повальные обыски на предмет изъятия незаконного спиртного. И распорядился поставить на окнах туалетов металлические решетки. Потому как дурной пример заразителен.

Сбежавшего больного так и не нашли, хоть все ближайшие кусты облазили. Заявление Анны Михайловны о пропаже мужа в милиции не приняли, сославшись на то, что никакого криминала они в происшествии не усматривают, так как пропавший сбежал сам, возможно, от нее.

А про себя подумали, что, кабы их воля, они от своих жен тоже с удовольствием мотанули бы куда подальше, и тоже хоть даже с риском для жизни...

Так обретшая было свое семейное счастье Анна Михайловна его лишилась. Сама не понимая, почему... Как будто она стерва какая или мегера, чтобы от нее в окно сигать!..

Нет, все-таки верно говорят — все мужики сволочи!

Даже те, что сперва не сволочи, а почти ангелы...

Глава 8

Все вышло глупо и грязно!

Но по-другому не получилось.

Уйти по-английски, тихо и не прощаясь, днем было затруднительно из-за присутствия больных, среднего и старшего медперсонала, но более всего Анны, которая, взяв отпуск, дежурила подле его кровати с утра до позднего вечера, отлучаясь лишь в туалет.

Он решил уйти ночью, дабы иметь несколько резервных часов на то, чтобы замести за собой все следы. И надо же — напоролся на дурака-охранника, которому было нужно больше других! Ну кто мог предполагать, что он окажется в процедурной и что будет настолько агрессивен!

Пришлось уходить грязно. Чтобы уйти, а не залечь на больничной койке с новыми многочисленными переломами.

Непростительная промашка!

Но уйти все равно нужно было. И весьма срочно!

Потому что свидание было назначено на следующий день.

О времени и месте свидания он узнал из объявления. Хотя никакого времени и места там указано не было. Но был указан контактный телефон — 16-22-09. Который не был телефоном. А был знаком.

Что его ждут шестнадцатого числа в двадцать два ноль-ноль, в месте, обозначенном цифрой девять. Что это за место, знали только он и человек, его вызывавший, — больше никто. Места

встреч он определил сам, выбрав подходящие площадки и зашифровав их цифрами.

Номер один — была мужская баня на окраине города, где легко было затеряться среди десятков голых мужиков и пара и трудно было спрятать микрофон. Потому что негде.

Номер два — бассейн.

Номер девять — полузаброшенная дорога за городом в чистом поле, где легко было заметить спонтанную слежку. А иначе как спонтанно туда выйти не могли, лишь увязавшись за ним или его контактом.

В двадцать один пятьдесят он был на месте, пройдя для верности два километра через лес и поле. Сзади никого не было.

Ровно без трех минут десять он вышел на обочину, изображая автостопщика. Вдали показались фары одинокой машины. Почти наверняка нужной ему. Потому что она должна была появиться ровно в это время плюс-минус одна минута...

Машина приближалась, слепя дальним светом фар.

Двадцать два ноль-ноль...

Но тут же из-за пригорка резанули фары другой машины.

По правилам.

Но машина остановилась.

Черт побери!.. Этого только не хватало!..

Машина была не просто машиной, а машиной ДПС, с мигалкой и аршинными на бортах и капоте буквами.

Хреново! Хреновей некуда... Но бежать поздно. Нужно попытаться отбрехаться...

Та машина, что шла сзади, не сбавляя скорости, проскочила мимо. Проскочила в двадцать два ноль один. Уложившись в сроки плюс-минус одна минута...

Остановиться она не могла.

Контакт откладывался на неопределенное время до следующего объявления.

В общем, как говорится, — следите за рекламой.

В прессе.

Ну да ладно — как минимум контактер все видел. А коли видел, значит, предупрежден.

Дверца милицейской машины приоткрылась.

Из нее выглянул мордатый лейтенант.

— Идите сюда! — поманил он пальцем странного, потому что в гипсе, посреди пустой дороги, вдали от всякого жилья, прохожего.

Пришлось подойти, строя невинную физиономию.

— Лейтенант Бандурин, — представился, козырнув, милиционер. — Что вы здесь делаете?

Прохожий растерянно захлопал глазками.

— Я не виноват... Это он остановил, сказал, чтоб все шли до ветру, я пошел, а он не дождался, взял и уехал!

На ходу сочинил «прохожий» похожую на правду легенду.

— Кто он? — строго спросил лейтенант.

— Водитель. Автобуса. Междугородного. Говорит, кому приспичило, ступайте до ветру, а то теперь час не остановлю, хоть лопните совсем. Вот я и пошел...

Пассажир подошел совсем близко. Так близко, что смог заглянуть в машину. В салоне было двое — за рулем лейтенант, позади него, на заднем сиденье, спящий сержант.

Плохо, что двое!

Отвратительно, что двое!..

С одним водителем можно было бы справиться легко. С двумя — вдвое сложнее.

— Главное, сумка там и плащ, а в плаще кошелек с деньгами... Кабы я знал, что уедет, так я бы лучше потерпел, — мел потерянный пассажир. — А теперь чего делать?.. Вот иду на остановку.

— Долго тебе прыгать. На одной-то ноге, — усмехнулся лейтенант, кивая на гипс. — Давно тут стоишь?

— Так минут уж двадцать! — тяжело вздохнул одноногий потерпевший.

— Ладно, садись давай, может, догоним твой автобус, — предложил сердобольный гаишник. — Догоним — с тебя бутылка.

— Так это да, это конечно, это завсегда! Там у меня деньги, в плаще-то. Лишь бы догнать! — обрадовался упустивший автобус пассажир.

Хотя не обрадовался. Потому что никаких денег в оставленном в плаще кошельке не было. Потому что кошелек не было. И плаща... И автобуса...

Лейтенант приглашающе распахнул дверцу.

Потерянный пассажир сел, завозился на сиденье, устраивая загипсованную ногу. А на самом деле осматриваясь.

По всему было похоже, что без драки дело не обойдется. Первым надо вырубить сержанта, что сзади, потому как лейтенант сразу рук от баранки не оторвет — побоится. Потом — лейтенанта, и сразу ключ из замка выдернуть и руль придержать, чтобы с дороги не слететь!..

Ну что — когда?

Теперь — пока нет населенок и дорога пустынна!..

Пассажир расслабился и... собрался для броска подобно сжатой пружине.

Лейтенант повернулся к нему.

— Дальний путь — большие хлопоты, — задумчиво сказал он.

Что-что?.. Дальняя дорога?..

— Очень большие хлопоты! — добавил милиционер.

Это была не просто фраза — это была условная фраза. Придуманная им самим!

Тогда — не понял...

— Чего молчишь? — спросил лейтенант, недовольно глядя на случайного пассажира.

Ну да, конечно!..

Нужно что-то ответить. Вернее, то — что нужно ответить.

И он сказал. Скорее для порядка, чем по необходимости. Потому что и так все было понятно.

Контакт состоялся. Шестнадцатого числа, на площадке, обозначенной цифрой девять, ровно в двадцать два ноль-ноль плюс-минус одна минута!

Контактер был на милицейской машине, в милицейской форме, с лейтенантскими погонами...

А почему бы и нет?.. Форма дает больше возможностей и лучше защищает от случайных неприятностей.

Но почему их двое?..

Пассажир оглянулся.

— А это кто? — спросил он.

Хоть не имел права спрашивать.

— Этого можешь не опасаться, — ответил лейтенант.

Хоть имел полное право не отвечать. Сержант лежал, откинувшись головой на спинку сиденья, безвольно мотая ей в такт движения машины. Не обращать — так не обращать.

— Ну — здравствуй, — сказал куратор.

— Здравствуй, Сергей Юрьевич.

Хоть резидент видел его первый раз в жизни.

И звали его вряд ли Сергей, и отчество его было, конечно, не Юрьевич. Но такова уж специфика их службы — никогда нельзя заранее сказать, с кем ты встретишься в следующий раз, и никогда не узнать, куда делся тот твой прежний куратор, потому что спрашивать об этом и отвечать на этот вопрос не принято.

Но зато можно быть уверенным, что нового куратора будут звать так же, как старого. Что

очень удобно и настраивает на доверительный и почти дружеский лад.

Но дружба — дружбой, а службу не забывай!

— Что это? — спросил куратор, кивнув на гипс.

Потому что никакого гипса быть не должно было.

— Ничего страшного — до свадьбы заживет, — попробовал отшутиться резидент.

Далее должен был последовать вполне ожидаемый вопрос.

— Работе не мешает?

Строить из себя бодрячка, готового скакать на одной ноге куда угодно, хоть на край земли, смысла не имело.

— Смотря какая работа. И когда.

— По мере готовности исполнителя. Но не позднее чем через месяц.

— Тогда все в порядке.

Милицейская машина неспешно ехала по пустынной дороге. О чем-то неясно бубнила настроенная на прием рация, позади мотался, стучаясь о стекло головой, сержант.

Два человека в угнанной милицейской машине вели понятную только им и не предназначенную для чужих ушей беседу. Один говорил, ставя задачу, другой слушал, изредка уточняя детали.

— С резерва тебя снимаем...

Жаль, за этот год он прижился, почти привыкнув к спокойной жизни на «гражданке».

— Работаешь без прикрытия, один, на свой страх и риск...

Ну это понятно — всегда без прикрытия и всегда подставляясь лишь своей одной головой.

— Легенды, документы, средства с тебя...

И это не новость... Контора технического аппарата не имеет — только исполнителей. Зато и провалов, таких, как у коллег во внешней и военной разведке, нет! Коли кто сгорает — так один!

Через несколько километров машина развернулась и поехала в обратном направлении.

— Дополнительную информацию получишь через ящик.

Тоже ясно.

Ящик будет обозначен через объявления в газетах или на досках объявлений в Интернете, шифром, который предложил сам резидент. Места закладки тоже нашел и предложил он.

Все?..

Все!

Большого ему знать пока не положено. Чем меньше знаешь — тем меньше сможешь рассказать врагу в случае провала.

Остановились.

— Я сойду здесь, — сказал лейтенант. — Вести машину сможешь?

— Как-нибудь.

— Тогда доедешь до ближайшего перекрестка, свернешь направо, на трассу, проедешь до стоянки, которая будет через два с половиной километра, и припаркуешь машину на обочине. Там, где я ее взял.

Оттуда напрямую через лес, ориентир — башня элеватора, выйдешь к железнодорожной платформе. Электричка подойдет через двадцать одну минуту, тебе лучше уехать на ней.

— А с этим что? — кивнул резидент на заднее сиденье.

Если куратор скажет ему «прибрать за собой» — он выполнит его приказ. Но куратор не сказал «прибрать». Сказал:

— Оставишь его в машине на переднем сиденье.

— А если он доложит? — все же не сдержался, спросил резидент.

— Ничего он не доложит, очухается через полтора часа и тихо поедет на пост. А если даже доложит, кто поверит его рассказам, что будто бы у него машину отобрали неизвестные, которых он в глаза не видел, преступники, но, отобрав, никак ее не использовали, никуда на ней не уехали и его документов и табельного оружия не тронули!

Никто не поверит! Тем более что он крепко на службе выпил. Я в него на всякий случай полбутылки водки влил!

Так что будет он молчать, язык прикусив, коли не дурак, чтобы не стать всеобщим посмешищем и карьеры своей не попортить...

— Да, верно — не резон ему болтать. Тем паче что не о чем болтать.

— Ну все — до встречи.

— До встречи!

Только когда эта встреча будет? И с кем?

Впрочем, с кем, как раз известно, — с Сергеем Юрьевичем...

Куратор выбрался из машины, шагнул на обочину и сгинул, будто его и не было!

Резидент тронул машину с места, доехал до перекрестка, повернул направо, отсчитал на спидометре два с половиной километра, остановился, вылез из машины, перетащил на переднее сиденье бесчувственное тело сержанта и похромал через лесопосадки на железнодорожную платформу, куда через восемь минут должна была прибыть последняя и

потому совершенно пустая электричка.

Дело было сделано — контакт состоялся, задание получено...

* * *

— Черт побери!..

Сержант Грицько глубоко вздохнул и открыл глаза.

Был он цел и невредим, хотя совершенно себя не помнил. То есть видел циферблат часов, понимал, что прошло полтора часа, но не помнил как!

Точно так же, как и раньше, он сидел в машине на водительском сиденье, навалившись на баранку и уронив на руки голову. Мотор работал, тихо урча на холостом ходу, приборная панель светилась.

Он что — спал? Чего это его так разморило?

И еще в салоне подозрительно пахнет спиртным!

Отчего?..

Или от него?..

Сержант осторожно поднес к лицу сложенную лодочкой ладонь и с силой выдохнул воздух.

Ух ты!.. Точно — от него!

Но как же так?! Он же сегодня не пил. Ни капли! Даже пива! Он ведь находится на службе!

Неужели это после вчерашнего?..

Точно — после вчерашнего! Потому что ничем другим этот запах объяснить невозможно. Вчера была вечеринка, где он изрядно перебрал водочки. Но дак ведь вчера!.. Эк его разобрало, почти сутки спустя — даже в голове шумит!..

Он снова попытался понять, что с ним было.

Вспомнил, как сидел в машине, на том самом месте, где бывает в засаде, подкарауливая и штрафую нарушителей ПДД, всегда и где находится и теперь.

Ну да — сидел.

И сидит!..

И еще ему показалось, будто он слышит чьи-то шаги, после чего что-то несильно кольнуло его в плечо, будто слепень укусил.

Или муха?

Тогда муха цеце, вызывающая сонную болезнь... Потому что он тут же заснул. И проспал... почти два часа!

Какого черта его так развезло?..

Точно — после вчерашнего!

Вот только непонятно, почему на спидометре поменялись цифры. Или ему это лишь кажется? Или он просто запамятовал?..

Чертовщина, точно чертовщина!

Кому скажи — ни за что не поверят!

Но только он никому ничего говорить не будет, чтобы его не приняли за психа. Зачем ему нарываться на насмешки?.. Да и что говорить — сидел себе в машине, уснул, проснулся через полтора часа, на том же месте, пьяным, хоть не пил?..

И больше — не будет! Ну его к ляху, пора с этим делом завязывать!..

Сержант снял фуражку, обтер ладонью глаза и лоб, помотал головой, будто прогоняя сон или наваждение, и тронул машину с места.

Через два часа он сдал дежурство.

Через четыре перестал мучиться сомнениями.

Через день тихо посмеивался сам над собой и над своими страхами.

Через неделю забыл о том, что с ним приключилось. Или, вернее, что ему пригрезилось...

И так все и случилось, как должно было, — и все, чего с сержантом Грицько не было, — быльем поросло...

Глава 9

У резидентов не бывает отпусков.

И отгулов.

И пенсий.

И бюллетеней.

У резидентов есть работа. Одна только работа... И еще консервация. Которая заменяет собой отпуска, отгулы, пенсии и бюллетени.

Которая заменяет жизнь.

Когда говорят, консервация — это не значит, что резидентов будут закатывать в банки. Когда их закатывают в банки, это называется по-другому, называется — зачисткой. Или списанием подчистую. Или окончательным решением...

Консервация — это когда резидентов временно отстраняют от всех дел, выводя из игры до особого приказа. Как бандероль до востребования.

И тогда наступает свобода.

Или ее иллюзия.

Тогда резидент готовит основные и резервные каналы связи, «почтовые ящики», тайники и пароли, которые передает своему куратору, и после чего оседает где-нибудь в средней полосе России в небольшом, но и не в маленьком, чтоб проще было затеряться, городе. Где с удовольствием под водочку или без оной рассказывает желающим о своей трудной человеческой судьбе. Хотя на самом деле рассказывает хорошо придуманную и продуманную легенду, расцвеченную мазками жизненных деталей, почерпнутых из собственной биографии и рассказов случайных попутчиков. Этаким в стиле соцреализма роман во многих частях — детство, отрочество, юность, зрелость, служба, учеба, женитьба... Только в отличие от романистов запутаться в сюжетных линиях, именах и датах резидент не может, а должен выучить их назубок и складно рассказывать, хоть ночью его битой по затылку разбуди, хоть под пытками...

— Родился я недоношенным, мать-то моя инженером на станции работала по электрификации да под праздник сдуру мешок с картошкой в погребе подняла, а отец в ту пору по командировкам мотался, вот я с натуги и выскочил ране времени... И ведь самый чуток не помер! Ей-ей... Акушерка сказала — не жилец он!.. Так теперь я часто думаю — может, лучше бы помер я, так меня жизнь после через коленку ломала!..

Такая вот горькая судьбинушка!..

Которую резидент не просто рассказывает, а под которую обзаводится надежными документами — да не паспортом одним и трудовой книжкой, а всякими разными справками и выписками из ЖЭКов, письмами любимых и армейских дружков и альбомом семейных фотографий. Покойных родственников. Потому что почти всегда он избирает роль воспитывавшегося в детдоме круглого сироты или бездетного вдовца, и притом единственного сына погибших в автокатастрофе родителей. Это чтобы исключить вопросы о близких и просьбы съездить к ним в гости.

— Один я остался на свете одинешенек, как перст!..

А одному жить не сахар...

Отчего выведенный в резерв резидент обзаводится семьей. Что упрощает натурализацию, позволяя легче вжиться в роль и общество. Находит себе какую-нибудь простую русскую одинокую, с такой же, как у него, трудной судьбой, женщину, недолго ухаживает за ней, предлагает руку, сердце и зарплату и переезжает к ней со своим невеликим скарбом.

И тут же устраивается на работу по «специальности», которую сам себе выбрал и нарисовал в трудовой книжке — ну там токарь или пекарь. И, вливаясь в трудовой коллектив, работает ни шатко ни валко — в передовики не лезет, но и от других не отстает, держась крепким середнячком. Пьет, но знает меру, сквернословит, но не больше остальных, ворует, но по чуть-чуть, дебоширит, но в рамках закона, помня, что крайности опасны тем, что привлекают к себе внимание.

И так, в середине, в толпе, в гуще народной, сереньким на сером фоне пропадает, растворяясь среди подобных себе, как капля воды в океане, как снежинка в сугробах, как травинка в лугах...

И живет в полное свое удовольствие, хлебая домашние борщи, нежась в супружеской постельке, обзаводясь телевизорами, шкафами, бытовой техникой, коврами и садовыми участками, где радостно окучивает тяпкой грядки с помидорчиками. И бросать ему эту тихую, мирную, обывательскую жизнь совершенно не хочется! Потому как в отличие от миллионов других не понимающих своего счастья граждан был он прежде всех этих простых удовольствий

лишен.

И живет он так, задыхаясь от нежданно привалившего счастья, месяц или пять, а то и год, радуясь каждой минуте мирного бытия и одного лишь страшась, что не сегодня, так завтра в «почтовом ящике» обнаружится назначенная ему шифровка или в местной газетенке неизвестный злодей тиснет объявление, призывающее его обратно на службу. На чем праздник кончится, сменившись серыми боевыми буднями!

А коли кто вам скажет, что такой боец невидимого фронта, тяготясь мирной жизни, только и делает, что ждет сигнала боевой трубы, стуча о пол копытом и грызя от нетерпения удила, так вы ему не верьте... Разведчики — они тоже люди, тоже человеки, и им тоже малоинтересно на раскаленной сковородке голым седалищем сидеть, а лучше под теплым женским бочком посапывать.

Но... кто бы об их желаниях спрашивал!..

И теперь — не спросили! Как на войне.

Вставай, резидент, в строй вставай и... шагом марш!

Да с марша — в бой!..

Глава 10

Стеклянная дверь раскрылась.

Внутри вошел господин.

Навстречу которому встала приятная во всех отношениях дама. Которая быстро и оценивающе взглянула на господина, прикидывая его платежеспособность.

Ботинки — триста пятьдесят — четыреста.

Брючки — двести пятьдесят.

Пиджачок — пятьсот.

Прическа — минимум сто.

Часы не «Ролекс», но все равно штуки три...

Итого... гость выглядит на пять тысяч. Баксов. Такого в Турцию отправлять — себя не уважать! Такого можно и на Канары с Гавайями развести.

— Устал... Десять лет работал без отпусков и выходных, — пожаловался посетитель. — Хочу отдохнуть.

— Никаких проблем, — понимающе улынулась туроператор.

— Есть, — вздохнул посетитель. — Есть проблемы... Нет загранпаспорта.

— Нет — будет, — успокоила его оператор. — Через два месяца... Что будет вам стоить суший пустяк — двести у.е.

За то, чтобы анкету заполнить и в ОВИР снести.

— Два месяца много.

— Хорошо, месяц, но это будет стоить дороже. Втрое.

— Вы не поняли — я сильно устал, — повторил посетитель. — Десять лет без отпусков и выходных. Я хочу уехать не позже чем через неделю.

Сроки были названы такие, с какими ОВИРу не справиться.

— Можно попробовать. Но это потребует дополнительных расходов...

И туроператор написала цифру с нулями на бумажке.

— Без проблем, — кивнул турист, отбросив бумажку с нулями. — Я хорошо заработал. На лесе.

— Тогда потребуется ваш общегражданский паспорт и...

— У меня нет паспорта, — сказал посетитель.

— А что есть?

— Справка об освобождении. Я же говорю — я устал, десять лет без отпусков. Тыщи кубов леса вот этими самыми руками...

Ну так бы сразу и сказал.

И туроператор перешла на более привычный клиенту язык.

— «Бабки» есть?

— Есть...

— Значит, с «ксивой» проблем не будет! Какую фамилию писать?

— Любую.

— Виза будет греческая.

— Лады. Лишь бы не ханты-мансийская.

— Но лететь придется нашим чартером через Афины. С оплатой полного пансиона в пятизвездочной гостинице.

— Чего так?

— Самолет наш, туристов битком, паспортный контроль ослаблен. Если добираться самому, могут быть неприятности. Согласны?

— Валяй. А «ксива» верная?

— Пока никто не жаловался.

— Лады...

Через день клиент получил новенький, со всеми печатями и греческой визой загранпаспорт.

— Вылет послезавтра в восемь утра. Мы рады, что вы выбрали именно нашу фирму...

«Турист» кивнул, спрятал паспорт и пошел собирать чемоданы. Которых у него не было. Но по идее должны были быть, он ведь на отдых едет...

Он зашел в первый попавшийся на пути магазин, где купил новый чемодан и какие-то трусы, рубахи, халаты, ботинки и ласты. Которыми набил чемодан. Теперь он мог легко сойти за отдыхающего.

Ну вот и все — завтра в путь...

Конторским редко везет попадать за границу, потому как назначены они служить во внутренней разведке, шпионя все больше за своими соотечественниками, а тут вдруг такое счастье подвалило!

Или, напротив, несчастье...

Потому как здесь, на Родине, все ясно и понятно, а что ждет там, за пограничным столбом, поди узнай.

Вернее, поезжай и узнай. Потому что мода переходить границы пешим порядком давно минула. Не те нынче времена, чтобы по контрольно-следовой полосе на брюхе ползать, рискуя на сидящего в секрете Карацупу и его Полкана нарваться. Ныне все замки с границ посбиты и поспилены и через неприступные некогда рубежи проложены благоустроенные трех-, пятизвездочные контрабандные тропы, берущие свое начало в офисах турфирм.

Послезавтра в восемь толпа возбужденно галдящих отдыхающих вывалилась из автобуса. Все были одеты в легкую, предполагающую теплую, солнечную погоду одежду, все тащили чемоданы.

И среди всех был такой же, облаченный в светлые брюки и пеструю рубашу, с чемоданом на колесиках, весело кричащий резидент. Все летели в Грецию. Он — в Германию. Хотя через Грецию.

Все летели загорать, купаться и флиртовать.

Он — работать.

— Отель, конечно, будет на две звезды хуже заявленного, море на сорок километров дальше, а завтрак состоять из одной булочки и полнаперстка кофе, — пугал всех желающих какой-то опытный, потому что со стажем, турист.

Но его здравомыслящий голос никому испортить настроение не мог. Да и сам он, как умел, убеждал себя в лучшем.

— Но зато точно будет солнце и Акрополь. Уж их-то они никуда не денут!

А что еще нужно русскому туристу для счастья — а питаться, в конце концов, можно лапшой из пакетиков.

И резидент подобно всем, как дите малое, радовался тому, что скоро увидит Акрополь, Парфенон и прочие древнегреческие достопримечательности. Хоть ничего этого увидеть ему

было не суждено.

Пограничный контроль прошли быстро.

В таком базаре, когда толпа отдыхающих рвется в самолет, предвкушая скорый отдых, черта лысого можно по паспорту ангела провести.

Сели...

Полетели...

Снова сели. Но уже в Афинах.

Ах какая красота!

Хотя кому как...

Толпа русских туристов, гудя и озираясь по сторонам, повалила к автобусам, по дороге потеряв одного из своих товарищей. Чего никто не заметил.

И хорошо, что не заметил.

Один из купивших двухнедельный тур отдыхающих бочком, бочком отошел от своей группы и затерялся в залах аэровокзала. Свой чемодан он бросил в автоматической камере хранения. Навсегда.

После чего сел недалеко от стойки регистрации, внимательно наблюдая за пассажирами. Более всего он обращал внимание на рейсы, объявляемые в Европу.

Его интересовали пассажиры.

Вернее, даже не они сами, а их манера одеваться, говорить, двигаться, жестикулировать, молчать...

Так, понятно.

И с одеждой тоже...

Эти в отличие от наших одеваются с небрежным изяществом — какая-нибудь мятая, но обязательно из натурального льна или хлопка рубашечка, какие-нибудь в обтяжку джинсы, легкие ботинки и более никаких (в виде золотых цепей и дорогих пиджаков) изысков. Разве только часики тысяч за пятнадцать долларов или сумочка из натуральной крокодиловой кожи.

Такое вот прет-а-порте.

Будем иметь в виду.

Отставший от группы русский турист отправился в ближайший магазин, где, тыкая пальцем, приобрел рубашечку, джинсики и ботинки... Такие, какие видел на улетающих в Европу туристах. Простенькая на вид одежда стоила немало, так как была сшита из натуральных тканей известными производителями. И тоже натуральными, а не китайскими и не польскими, как на российских рынках и в дорогих бутиках тоже.

Переодевшись в кабинке, он взглянул на себя. Критично.

Вроде все так — джинсики, рубашечка в обтяжечку... Все как на них, но только, один черт, невооруженным глазом видно, что никакой в зеркале не иностранец, а свой в доску, от которого за версту несет валенками, русак.

Нет, чтобы не походить на себя, облачиться в чужую одежду маловато будет. Нужно еще уметь ее носить. Вернее, ощущать себя в ней не собой.

Это он еще в первой учебке проходил, где курсантам, чтобы везде сойти за своих, приходилось примерять смокинги, рабочие бушлаты, узбекские халаты, малахай, милицейскую форму и даже женские колготки...

И так все и было — стояли пацаны перед зеркалами и, матерясь и краснея, тянули на себя безразмерные колготки, а инструктор, кроя их по матери, руководил процессом.

— Кто ж их так одевает — это ж не кирзачи и не болотные сапоги! Чего вы их тянете, будто за уши?! А ну — отставить! Скидай амуницию!

И видя, как курсанты сдирают с себя колготки, еще более свирепел.

— Вы что, так вас растак, не бережете казенное обмундирование!.. Чего вы их за носок-то тянете?! Вы что, не видели, как бабы колготки надевают и снимают?

— Не-а, — краснея признавались курсанты.

— Ну вы даете! — жалел курсантов инструктор. — Дай сюда.

И сев, начинал натягивать на свою сорок пятого размера ножищу колготки. Да так натягивал, любовно расправляя и разглаживая тонкую, шелковистую ткань, поводя носком то вправо то влево, что у курсантов дух захватывало и рождались неверные, далекие от службы мысли.

Инструктор натягивал колготки, вставал, игриво поводя коленкой, изгибаясь всем телом и подпрыгивая, подтягивал их повыше и прохаживался туда-сюда, вихляя бедрами.

— Теперь ясно?

— Так точно! — рявкали все, дружно сглотнув слюну.

— Вопросы есть?

— Так точно!

— Задавайте.

— А зачем нам уметь надевать колготки?

— Затем, дурья твоя башка, что, когда ты будешь использовать женскую униформу, тебе придется одевать ее и снимать, как бабам, чтобы она сидела на тебе, как на бабе, и в тебе не опознали мужика.

— Тогда разрешите еще вопрос?

— Ну?

— А зачем наряжаться женщинами?

Инструктор почесал в затылке. Он три курса выпустил, хоть сам точно не знал, зачем. Хотя догадывался.

— Затем, чтобы, к примеру, уйти от погони, или, наоборот, за кем-нибудь проследить, или проникнуть в охраняемый вражеский штаб, потому что девке проникнуть в штаб проще, чем пацану. Ясно?

— А зачем нам проникать в штаб?

— Это не вашего ума дело! Время придет, скажут зачем — может, взорвать его к чертовой матери, может, вывести чего.

— А когда время придет?

На что инструктор только вздыхал и закатывал глаза:

— Когда, когда... Когда война будет, не приведи того господи, и вас за линию фронта зашлют... Вот там-то все это вам, сынки, и пригодится...

А ну, кончай разговорчики!..

Колготки... На... деть!..

Раз-два!

Да куда ж вы так спешите-то, как по тревоге?.. Какие сорок пять секунд? Вы видели, чтобы дамы за сорок пять секунд одевались или раздевались?.. Отставить сорок пять секунд — даю вводную на пятнадцать минут!

Слушай мою команду-у!.. Обмундирование надеть!

Время пошло-о!..

Прав был инструктор — сто раз прав. Не вжившись в одежду, нельзя ее носить — лишь заметней оттого будешь. Напялишь на себя морские клеши с тельником и бушлатом да пойдешь ровненько, тут-то тебя, миленького, и расшифруют. Потому как матросики носят форму иначе — вразвалочку, ногами в стороны разъезжаясь, будто по качающейся палубе идут! И по той походочке настоящего моряка можно хоть в «гражданке» опознать!

В том-то все и дело!

Как те, подле стойки, иностранцы свою одежду носили?

Как ходили?

Как стояли?

Как смотрели?

Как слушали?..

Как садились?..

Вот так... Или так?.. Нет, скорее так...

Свободно и чуть небрежно, без опаски чего-нибудь там помять, или порвать, или испортить, без оглядки на то, кто что видит и что может о них подумать... Расслабленно...

Вот в чем суть! Не носят они одежду... на себе — как мы. Просто одеваются, функционально, так, как им удобно... И идут — как вздумается. У нас — не так. У нас одежду именно НОСЯТ. В России она видовой признак — принадлежности к тому или иному классу, символ достатка, атрибут самовыражения, а кое у кого просто фетиш.

На Западе — просто одежда.

Отсюда и надо плясать.

Надо забыть об одежде, о том, как она сидит, и о себе в ней и просто двигаться, так, как удобно. Как удобно в данное конкретное мгновение. Вот так... Или так... Или так...

Ну, что-то появилось?.. Кажется, да. Тот самый западный шарм...

Из кабинки вышел уже совсем иной, не тот, что туда входил, человек. Вышел более-менее западный среднестатистический мужчина и тоже весь из себя незаметный — среднего возраста, роста, положения, достатка. Свой — среди своих.

Он еще побродил по аэропорту, потолкался в толпе таких же, как он, западных пассажиров, приглядываясь к ним и копируя их, и никто на него уже не обращал никакого внимания.

Вот теперь можно отправляться в дорогу.

Куда?..

В пункт назначения.

Глава 11

Полковник Городец, ныне полноправный гражданин Германии с новой фамилией Baumgartman и старым, привычным ему именем Alexandro, стоя на коленях, возил тряпкой по мраморному полу, вздыхая и тихо матерясь, мыл подъезд. Общий.

А все чертовы немецкие порядки, согласно которым и вывешенному на стене графику квартиросъемщики принуждены драить места общего пользования. Да не просто так, не для проформы, а как следует, с порошком. Вот он и драит, возя тряпкой по ступеням. Конечно, он мог кого-нибудь вместо себя нанять, но труд в Германии недешев. Ладно, как-нибудь сам, опыт есть — он, будучи курсантом, гектары казарменных полов выдраил.

Одна радость, что в Германии на улицах нет такой непролазной грязи, как в России, — все здесь закатано в асфальт и выложено плиткой. И даже там, где проглядывает грунт, — все равно чисто, потому что земля та все больше песочек, сквозь который вода уходит без задержки, как сквозь сито.

Не то что наш, российский, на метр вглубь, чернозем, что раскисает под самым дохлым дождиком, превращаясь в непролазную грязь, в которой вязнут колеса машин и гусеницы танков. В том числе их вермахта! Богата Русь и на землю тоже! Нет такой земли в Европе!..

Послышались шаги. Кто-то поднимался по лестнице.

— Guten Tag, Herr Alexandro, — вежливо поздоровался старичок с нижнего этажа, приветливо

улыбаясь стоящему на коленях полковнику.

Сам весь такой тихий, предупредительный — божий одуванчик, а чуть что, в полицию стучит на включенный в «тихий час» пылесос или залезшую на чужое место на стоянке машину.

Зловредный старикашка. Во время войны, поди, эсэсовцем служил. В концлагере. А теперь жирует на социале.

— Guten Tag, Herr Bertman...

Остановился. Глядит. Опять, видно, ему кто-то чем-то не угодил. И точно! Вишь ли, на его балкон вода капает из горшочков с цветами, которые полковнику себя поливает. Непорядок!..

Пардон, Herr Bertman.

Мерси, что предупредили, а не в суд побежали иск чинить, больше такого не повторится, а те цветочки я к чертовой матери из горшков повыдеру. Очень рад был с вами повидаться...

— Auf Wiedersehen, Herr Alexandro...

И вам того же самого... Чтоб ты сдох!..

Ушел...

Herr Baumgartman довозил пол и, спустившись на первый этаж, вытащил из почтового ящика почту. В ней снова, кроме проспектов ближайших супермаркетов, была чертова уйма писем. Которые не сулили ничего радостного. Некому было писать Herr Alexandro, потому что все те, кто бы мог ему написать, остались там, в России, остались в невозвратном прошлом.

Herr Alexandro сел на кухне и один за другим стал распечатывать конверты.

Так и есть — с него снова требовали деньги. Все, кому не лень...

Ну что за страна такая — крохобор на крохоборе сидит и им же погоняет — за грош всем скопом удавятся! Из-за копеечного долга затевают целые переписки! Послать бы их всех к их немецкой маме!.. Так нет, нельзя — себе дорожке выйдет! Они ведь, паразиты, склок не устраивают, они вежливо извещают, что на неуплаченную вами вовремя сумму начислены пени, а на те пени — другие пени, а на них новые... И так и шлют свои бумажки, а после являются и так же вежливо имущество описывают. А коли ты кому за то в морду дашь, то он вместо того, чтобы ответить как мужик мужику, утрется и побежит на тебя донос писать...

А еще говорили, что в Союзе была бюрократия. Ха-ха!.. Куда ей, убогой, до немецкой, которая в каждую частную дырку свой любопытный нос сует!

Ну вот — и эти туда же!

Местная церковь настоятельно рекомендовала геру Alexandro перечислить на ее счет девятнадцать евро, обещая за это замолвить за него словечко на Страшном суде.

А вот хрен им, а не деньги, — может, он атеист, может, его так в Советской армии воспитали — не верить ни в каких богов, а только в себя, Устав и Коммунистическую партию. Обойдутся!

Это письмо он отправил в пакет с мусором с легким сердцем. В тот пакет, что предназначался для выброса именно бумаги. Потому что упаси бог в пищевые отходы! Тем паче, что он ему в

девятнадцати ойро отказал...

И все ведь здесь так!..

Была у Alexandro собака — завел с тоски, чтобы было с кем живым словом перемолвиться, назвал по-русски, всем назло, Шариком. Да пару раз по старой, российской еще, привычке на улицу погулять выпустил без поводка. За что тут же на штрафы нарвался за потоптанные газоны и проклятья со стороны Общества охраны животных. Да ладно бы только это — так нет, его кобель, подлец такой, успел покрыть какую-то немецкую сучку и обрюхатить ее. Herr Alexandro, конечно, принес свои извинения, но не тут-то было! Хозяин сучки побежал жаловаться в полицию и в местный их райисполком, а после подал в суд. Alexandro, конечно, послал всех куда подальше, заявив, что знать никаких сучек и их хозяев не желает и что кобель его домосед и к тому же импотент. И думал, на том все кончится! Не тут-то было — истец собрал кучу свидетелей, и дюжина немцев на полном серьезе давали показания о том, как его кобель взбирался на потерпевшую от него суку и что при том делал, а подлец адвокат плакал о причиненном здоровью и психике собачки уроне! Так мало того, истец затребовал проведения генетической экспертизы, которая должна была установить факт отцовства. За счет ответчика, естественно.

Так и засудили! И, конечно же, суд радостно повесил на ответчика все связанные с процессом немалые издержки и предложил ему на выбор либо содержать пожизненно родившихся щенков (а ну как их родилась бы дюжина?!), либо оплатить той обрюхаченной суке операцию. Естественно, он предпочел операцию, потому что прожорливые щенки разорили бы его вчистую! Так ведь гад-истец выбрал самую лучшую и дорогущую в округе ветклинику, наркоз и последующую для своей суки послеоперационную и психологическую реабилитацию! Ну и кто после всего этого большая сука — та собачка или ее хозяин?

От проштрафившегося Шарика Herr Alexandro вскорости избавился. Собственноручно. Так милые соседи после интересовались, куда девалась его собачка, и звонили в Общество охраны животных...

Нет, не так он представлял себе жизнь за границей. Иначе представлял. Сплошными праздниками. Которые оказались буднями...

Herr Alexandro распечатал последнее письмо и вздохнул с облегчением. Сегодня он отделался довольно легко — сорока евро. Больше ему делать было нечего — идти некуда и не к кому, а немецкоговорящий «ящик» давно осточертел.

На природу бы съездить, на травке поваляться, шашлычков пожарить, рыбку поудить. Но чтобы рыбку поудить, надо билет рыбака иметь, для чего учиться и экзамены сдавать, говорят, потруднее, чем если на водительские права! И с валяниями на травке не лучше дело обстоит — выехал он разок на природу, так через четверть часа три полицейские машины с мигалками по его душу прибыли...

Остается только спать завалиться или русскую газету почитать.

Но почитать не удалось, потому что в дверь позвонили.

Раз.

И другой.

Кому бы это?.. Опять какой-нибудь коммивояжер или религиозный проповедник? Или, того не

лучше инспектор, пришедший снимать показания счетчиков воды или тепла? Тогда лучше не открывать... Ну их!..

Herr Alexandro осторожно глянул в глазок.

Человек, стоящий подле двери, был ему знаком. Это был его местный куратор. Из немецкой контрразведки. Тот, что отвечал за его безопасность.

Этому-то чего приспичило?

— Guten Tag, Herr Alexandro! — вежливо поздоровался куратор.

И перешел на русский.

— Мы имеем сведения из России, что есть опасность покушения на вашу жизнь.

— На меня? — удивился Herr Alexandro. — Да ладно, кому я нужен?

— Но мы имеем сведения! — настаивал куратор. — Возможно, сюда прибудет человек, который захочет нанести вам вред.

— Я должен буду уехать?

— Nein... нет, вы будете продолжать жить здесь. Мы примем все нужные меры, чтобы защитить вас. Вы можете не беспокоиться за свою жизнь!

— Я не беспокоюсь, — мрачно сказал бывший полковник.

Потому что ни в какие заговоры против себя не верил.

Не такая он значительная фигура, чтобы из-за него устраивать рискованные операции. Просто чудят немцы или какие-то свои цели преследуют. Какие — все равно не скажут.

— Мы хотим просить вас никуда не отлучаться, не гулять, не открывать дверь, если вам звонят незнакомые люди...

А он и раньше не открывал.

— Если вам нужны будут продукты, вы скажете нам, и мы привезем их из супермаркета. Если вы будете замечать что-то опасное или необычное, вам надо немедленно говорить об этом нам. Выходить на балкон и стоять близко к окнам не надо, лучше закрывать их шторами. Мы привезем вам другие шторы...

— Может, вы мне лучше оружие дадите? — предложил Herr Alexandro. — На всякий случай. Если что — я и сам отобьюсь.

— Какое оружие? — не понял куратор.

— Хорошо бы «АКМ». Привычней.

— О... nein, nein! Вы находитесь на территории Германии, мы не можем дать вам оружия. Это запрещено немецким законом! Но мы станем защищать вас. Если кто-то будет искать вас, мы поселим в этой квартире наших людей, которые будут иметь право применить оружие. Вы можете быть спокойны, мы не оставим вас!

— Я спокоен, — ответил Негг Alexandro.

Хотя на самом деле занервничал.

Неужели и впрямь?..

Нет, все равно чушь! И даже жаль, что чушь. Пусть бы пришли...

Он вдруг почувствовал, что его жизнь наполнилась новым смыслом... И риском! Как прежде...

И ладно, и пусть приходят!.. Пусть только сунутся! Он своих бывших коллег знает лучше других, и их методы тоже. Немцев они, может быть, еще обведут вокруг пальца, но только не его! Он так просто не сдастся!

Ну давайте, ребята, давайте, чего ж вы?.. Сойдемся на кулачках да посмотрим, кто кого...

Давайте!..

Идите!..

Торопитесь!

Ну же!..

Глава 12

А никто никуда не торопился — торопливость нужна известно где. И когда. И для чего...

Посланный в Германию чистильщик бродил себе по улицам немецких городов, заходил в супермаркеты и пивнушки, где просиживал часами, прислушиваясь к звучащей со всех сторон чужой речи, заказывал пиво с традиционными сосисками, пил, ел, болел вместе со всеми за их выступающих в Европейском кубке футболистов, посещал сауны, брал напрокат машины, на которых колесил по автобанам, перенимая незнакомую манеру езды...

Нет, не развлекался — работал, вживаясь в чужое общество, чтобы не бросаться в глаза, потому что то, что бросается в глаза, то запоминается, а что запоминается, то рассказывается...

Чтобы быть невидимкой, надо стать как все. Что непросто, так как каждый народ имеет свои особенные привычки.

Например, не бежать на красный цвет светофора, когда на дороге не видно машин. А стоять и ждать, пусть даже чувствуя себя дураком, потому что машин-то нет!..

И платить за проезд в городском транспорте. Машинально. Хотя контролеров не видно.

И не сорить окурками, не сплевывать на тротуар, не пытаться помогать бабушкам подносить вещи... Потому что не принято. А раз не принято, то и тебе не надо!

Или, к примеру, супермаркет. Которым теперь никого не удивишь, потому что они в России на каждом шагу. И все как в Германии — стеллажи, тележки, кассы.

Все — да не все!

А что не так?

Бутылки пластиковые сдают, хоть им цена копейка. А ты не принес и не сдаешь!

Или тележки... Такие же, как дома, с примерно таким же набором продуктов... Но есть одно «но». На первый взгляд незаметное, но существенное. По которому запросто можно вычислить чужака!

В наших тележках продукты навалены кое-как, вперемешку и друг на дружку, одной большой бесформенной, вываливающейся через бортики кучей. А у них?.. У них — иначе! Немецкие продукты в немецкие тележки в немецких супермаркетах укладываются не абы как, не в навал, а по сортам, и все лежат ровными рядками и стоят по стойке смирно. Как солдаты в строю.

Обалдеть!..

Надо бы так же...

И пакет молока встает к пакету молока, макароны ложатся на макароны, а бутылка пива притискивается к бутылке пива.

Да, вот так!..

И еще немцы много продуктов не набирают. Денег у них, что ли, нет?..

И в очереди стоят спокойно, не пихаясь, не бузя и не пытаюсь пролезть вперед.

И так и надо стоять.

А чтобы время не терять — слушать!.. Чужую речь слушать, не ту, что в учебниках, а живую, уличную, потому что без этого — никуда!..

Языков он знал множество, и не потому, что был таким уж полиглотом, а потому, что кто бы его спрашивал о его желаниях? Еще в учебках ему вколотили в голову полтора десятка языков народов СССР. Конечно, не в полном объеме, но на среднем бытовом уровне, достаточном, чтобы он мог понять, что измышляют против него враги. Чтобы уметь перевести фразу, сказанную на казахском:

— Когда я кивну, нападай на него сзади...

Или по-эстонски:

— Надо заманить его в ловушку, а после...

Услышать, понять и тем избежать опасности.

Вот и вколачивали чужие идиомы, причем иной раз в прямом смысле слова. Следуя методу писателя Чехова, который утверждал, что если зайца долго по голове бить, и он спички научится зажигать.

А тут не зайцы какие-нибудь...

Правда, и не спички...

Сперва им крутили сутки или трое бесконечно повторяющиеся фразы на незнакомом языке,

которые звучали абракадаброй. Но не просто, а облеченной в некую рифмованную форму, которую запоминать легче.

Фраза — перевод.

Фраза — перевод.

Фраза — перевод...

С рассвета до темна без перерыва. И ночью тоже!

Фраза — перевод.

А утром, только глаза продрал, как положено, «гимнастика».

— Сесть!

И надобно быстро сесть.

— Лечь!

Падай стремглав ниц.

— Руку вверх!

Тяни руку.

— Ногу поднять!

Вскидывай ногу.

— Дай нож!

И надо из груды сваленных на полу предметов вытянуть именно нож, а не, к примеру, молоток. Да резво так, в хорошем спортивном темпе, чтобы, коли не доходит через голову, дошло через конечности!

А уж после их одевали в национальные одежды и помещали в соответствующие интерьеры, среди «земляков», которые иначе как на родном языке не говорили, и надо было с ними как-то объясняться.

Хочешь есть — скажи.

Пить — обратись.

Приспичило в сортир — попросись.

А нет — хоть штаны пачкай!

И когда ешь — не молчи, а объясняй, что делаешь. Говори вслух:

— Беру вилку... Даю хлеб... Кусаю хлеб... Беру соль... Сыплю соль...

Пока ешь, десять раз повторишь одно и то же слово, которое, хочешь не хочешь, запомнишь.

То есть учишься, как эмигранты, которые не язык учат, а выживают, вынужденно осваивая незнакомые им ранее слова.

Но хуже всего, когда, бывало, сойдутся инструкторы в спортзале и начнут тебя, бедного, мутузить, честно предупреждая об очередном выпаде. Естественно, не по-русски:

— Сейчас ударю справа в ухо.

И ведь точно — бьют справа в ухо, да пребольно. А другой говорит:

— А я, пожалуй, пну сзади под коленку.

И пинает!

Один раз. Потому как в другой раз та же произнесенная вслух фраза отзывается смутной болью в ноге и в памяти курсанта. И переводится, отчего он вовремя отскакивает в сторону.

Как отскочит потом, в реальных боевых...

Или учинят допрос с использованием физических методов воздействия.

— Куда ты шел?

— Где взял пистолет?

— Где был вчера в восемь часов вечера?..

И попробуй не пойми. Или не ответь. Или чего-нибудь перепутай...

Граматику так, конечно, вряд ли освоишь, но понимать наиболее ходовые слова, а через них общий смысл фразы научишься. Да пребыстро!.. Глядишь, через недельку-другую курсант начинал худо-бедно болтать, используя заученные слова...

Вот и теперь новоиспеченный «немец» старался не молчать, а разговаривать, объясняя, что ему нужно:

— Два пива, одну сосиску, при этом пиво пусть будет светлое, а сосиска горячая, и порезать ее на кусочки и полить сверху кетчупом.

Ферштейн?

Найн?..

Ну я же говорю... Пиво — светлое! Сосиска — горячая! И мелко ее резать ножом! На такие кусочки...

— О... Я-я!

Ну, значит, гут. Точнее — зер гут!

А если не гут, если не объяснишься, то будешь пить темное пиво и есть ледяные сосиски...

Так в день тыщу слов услышишь, да не просто, а от носителей языка. Чтобы после, в метро, в автобусе, в автомобиле на ходу, в номере отеля, прокрутить их снова на диктофоне да

попробовать воспроизвести с теми же самыми интонациями и обязательно с жестами и мимикой!

Да как выдастся свободная не минута даже — секунда, поставить кассетку с наиболее ходовыми словами:

— Дай, возьми, скажи, покажи, положи...

И повторить их стократно.

И уже понятно, пусть через слово, о чем речь идет.

И сам, пусть с запинками, можешь объяснить. Хоть всего-то неделя прошла!

И вот уже ходишь, и садишься, и одежду поправляешь, и улицу переходишь, и билет в трамвае компостируешь, и продукты в корзинку складываешь, как они!

И все-таки чего-то еще не хватает.

Того, что имеет всякий настоящий немец и не имеешь ты.

И что надо обязательно заиметь!..

Глава 13

...Это ж надо, как они с этим делом намудрили!

А рост-то им зачем?

И цвет глаз?

А еще говорят про свободу. Какая, к ляху, свобода, когда рост и цвет глаз! И прописка!.. Вот она, родимая, отдельной бумажкой вклеена.

Во дают империалисты проклятые!

А как Союз разваливали, на каждом углу кричали что институт прописки несовместим с принципами западной демократии, что это родимое пятно социализма! Которое надо изжить, желательно, вместе с социализмом!

А у самих-то, у самих!..

Во кинули!.. Как... распоследних лохов!..

Ну да ладно, это, в конце концов, их дело. Хотят пришились своих граждан пропиской к месту — ладно. Но зачем столь серьезный документе пластик закатывать, будто какой проездной билет?

Нет, все-таки наши паспорта посолдней будут. Они — целая многостраничная книжка. Может, оттого, что мы самая читающая нация в мире? А здесь несчастный клочок бумажки. Один! С бумагой у них, что ли, напряженка?

И почему они, коли о сохранности документа заботятся, сами же его поверх пластика узорами разрисовали? Которые, если на них в лупу глянуть, не такие уж простые. И зачем фотографии

ровными квадратиками поверх физиономий исчиркали, без всякой на то вины людей за решетку поместив? Ой, неспроста!

И стоило эти «картонки» в таких количествах набирать?..

Набрал он их в разных городах, в большинстве своем в подземках и в городском транспорте. Спускался под землю, садился в вагон подземки, заполненный в часы пик немецким средним классом. Ехал пару остановок, присматриваясь к пассажирам.

И чего ж они так стоят неосторожно, чего руки на карманах не держат и сумки к себе не прижимают да не смотрят по сторонам? Не учили их, что ли?

А это уж и вовсе ни в какие ворота — кто же сует бумажник в «чужой» карман — в тот самый, что на брюках на филейной части, столь любимый щипачами. В России всяк младенец знает, что то, что лежит в твоём заднем кармане, это не твое... В незабвенной учебке за воровство из заднего кармана ни один инструктор больше тройки не ставил. Потому что такое любому дураку по силам. А вот ты поди попробуй извлечь бумажник из внутреннего кармана с резиной, нашитого на трусы, которые под брюками, да сверх того под опущенным ниже колен и стянутым шнурком пуховиком!

Вот задачка!.. А ведь и с такой справлялись!

— Ты прежде-то чем пятерню ему в трусы запускать, ты башкой своей подумай! — наставляли курсантов инструкторы. — Да придумай, как его заставить пуховик расстегнуть, да разверни поудобней, мордой к стенке, чтоб никто ничего не видал.

— А как? — дивились курсанты.

— А, к примеру, подойди да пуховик ему испачкай, вот он его и скинет и станет где-нибудь в укромном месте чистить да скоблить, а ты уж тут не теряйся! Подходи да будто обознался по плечу колоти и обниматься лезь. Мол: «Здорово живешь, Петро, сколь зим, сколь лет не видались!..» Да бей неслабо, чтобы внимание его отвлечь. И покуда правой рукой его обжимаешь, корпусом от людей заслоняя, левой штаны ему бритвочкой пори. Да аккуратненько так, чтобы тела не подрезать. Чиркни поперек, да ладошку подставь, куда спрятанные деньги вывалятся. А после: «Пardon!.. Покорно прошу извинить — обознался!» Да пуховичок ему помоги надеть, чтоб он не сразу штаны порезанные углядел...

И понятливые курсанты резали одежонку на обвешанных колокольчиками манекенах и друг на дружке, воруя все, что плохо и очень хорошо лежит. Такая была у них игра — недели две, а то и три тащить все подряд у всех подряд, притом оберегая свои карманы. И коли ты смог больше украсть, чем у тебя стащили, — то ты молодец и отличник, а нет — двоечник! Иные ухари умудрялись, задавая вопросы инструкторам, шариться в их карманах и стаскивать с их рук часы, хоть те инструкторы сами знатными карманниками были, по пять ходок за душой имели и свои «пятнашки», а то и «четвертачки» от звонка до звонка оттрубили. Отчего на «молодых да ранних» злились, но тут же ставили им честно заработанные пятерки.

А как иначе им, заброшенным за линию фронта в будущей Великой Отечественной войне разведчикам, документами разжиться, как у вражьего офицера оружие выкрасть или план секретный? Только так, только став первоклассными щипачами. А после, на дембель уходя, расписку написать, где обязаться не применять на «гражданке» преподанных им на спецкурсах навыков под страхом наказания, вплоть до применения к ним без суда и следствия высшей меры.

Теперь эти навыки оказались кстати.

Поезд подземки стал притормаживать. Пассажиры потянулись к выходу. Сгрудились возле дверей.

— Пардон, два раза пардон!..

Ничем не примечательный, но куда-то спешащий немчик протискивался сквозь толпу пассажиров.

На него косились, но его пропускали.

— Нох айн маль, пардон!..

И надо же — спешащий пассажир вдруг споткнулся, оступился, потерял равновесие и начать падать... Но не упал, потому что успел ухватиться за какого-то представительного мужчину, всего его при этом облапав.

— Тысячу раз пардон...

Выпрямился. Конечно, извинился за причиненные неудобства. О которых его «спаситель» еще даже и не знает. И, хочется надеяться, узнает не сразу. А чуть позже — завтра или послезавтра. И вряд ли свяжет суету торопливого пассажира со своей бедой.

— А где же мой аусвайс? — хватится он вечером. И станет шарить по карманам, сумкам и шкафам. И снова по карманам.

Хм... странно...

И действительно странно, потому что еще вчера он был! А теперь его нет... И уже не будет!

Где ж он его потерял?..

Да разве один он такой рассеянный?..

Ведь еще один гражданин, в другом городе, совсем в другом конце Германии тоже будет безуспешно искать свой аусвайс, подозревая, что обронил его, выбираясь вчера из пивной.

И верно, там.

Но не обронил. Хотя потерял, когда столкнулся в дверях с таким же, как он, перебравшим любителем пива, который полез к нему целоваться, называя Гансом. А после долго извинялся, говоря:

— Пардон... Два раза пардон... Семь раз пардон...

И вряд ли этим двум немчикам и другим тоже суждено когда-нибудь встретиться и обсудить обстоятельства пропажи своих аусвайсов. На чем и строится расчет.

— Пардон...

Облапав немца, быстро сунуть пальцы в карман, нащупать портмоне. Наступить ему, сердешному, да побольней, на ногу или толкнуть локтем в бок, отвлекая его внимание.

— О-о!! Дас ист айн швайн!

Что?.. Я-я!.. Конечно! Какой разговор! Швайн! И даже куда большая швайн, чем тебе кажется. Но только ты о том не теперь узнаешь...

Потянуть, выдернуть, пока болевой шок не прошел, портмоне, уронив его в удерживаемый в той же руке пакет.

Раз-два!..

Конечно, стусеваться.

И извиниться.

И быстро слинять, растворившись в толпе.

Ну-ка, что у него там в «лопатнике»?

Кредитная карточка... Деньги... Притом немалые... Но это все не то. Визитки... А вот и он, родимый, — аусвайс! Хорошо, что немцы приучены носить свои паспорта при себе. Очень это удобно!

Теперь на вокзал, на поезд и подальше из этого города. В другой. Где тоже ротозеев хватает.

Итого — четыре аусвайса.

А теперь хоть рви их, хоть режь, хоть пили один за другим. Чтобы понять, как они устроены...

Честно говоря — хреново устроены — со многими степенями защиты, в том числе в виде сложных узоров и квадратиков.

И что прикажете со всеми этими узорчиками и квадратикам делать?

Рисовать их?..

Или выдавливать?..

Или выскребать?..

Или выжигать?..

Или вытравливать кислотами?..

Н-да — задачка!

Но дело даже не в том. Ладно, допустим, можно эти защитные узоры выжечь — не вопрос, нужно лишь добыть штук двадцать паспортов, что не проблема, и поэкспериментировать с ними. Глядишь, рецептик и отыщется. А дальше дело техники и твердости рук и духа.

Вопрос в ином — как эти аусвайсы пробиваются по учету?

И как быстро?

С нашими-то все ясно, а как это дело поставлено здесь — поди узнай! А то нарисуешь такой документик, предъявишь его при надобности, а полицейский, не оценив твоей виртуозной

работы, забьет цифирьки в компьютер и узнает, что такого номера нет и этот паспорт германскими властями никогда и никому не выдавался.

И все, и возьмут тебя под белы ручки, фамилии не спросив. Той, что в паспорте...

В том-то и вся проблема!

И не только в этом. А ну как там еще микрочип имеется? Кто им мешает воткнуть сюда микросхемку, которая будет величиной с точку в тексте. Никто не мешает!

А что, если сунуть сей паспорт под микроскоп, да поглядеть на него вооруженным глазом...

Сунул, поглядел, продвигая буквально по миллиметру. Если не по микрону! С одной стороны. С другой...

А ведь что-то такое есть! Вот здесь... Уж не он ли, не чип, что в картон вшит и под пластик закатан, так что его, как ни щупай, не ущупаешь! И какую информацию он в себе несет? Такую же, как в паспорте, или расширенную? И как это соотносится с их гуманистическими принципами? Ай-яй-яй, нехорошо!..

Вернее, хуже некуда, потому что чип на коленке не подделаешь.

И что в связи с этим делать?

Срочно мотать в Россию и искать электронщиков, которые смогут вскрыть и перепрограммировать электронную начинку? А время на это есть?

Нет!..

Тогда, выходит, надо использовать готовый документ. Со всеми степенями защиты. Но с чужим лицом. Которое станет твоим лицом. То есть не аусвайс подделывать, а подходящего человечка искать! В идеале брата-близнеца.

Искать и... найти!..

Вот только что с ним после делать? Ведь у паспорта не может быть двух хозяев — может быть только один. И если прежний владелец, утратив документ, обратится в полицию, то те быстренько вобьют утраченные номера в базу данных, после чего аусвайсом пользоваться будет нельзя.

Так?

Так!

А если не обратится?

Тогда — не так! Тогда аусвайсом можно будет пользоваться некоторое, возможно, весьма продолжительное время. И ничего не бояться.

Вывод?

Единственный... Значит, нужно сделать так, чтобы бывший владелец не обратился в полицию! Как?.. Вообще-то просто...

Если использовать методы будущей Отечественной войны, под которую их готовили. Потому что — на войне как на войне. Там подходящий документ добывается ценой жизни бывшего его хозяина, который тихо ложится на дно случайного водоема с пудовым камнем на шее. После чего за тылы можно не опасаться.

Но как-то это нецивилизованно...

Да и небезопасно...

Потому что пропавшего немца хватятся близкие, сослуживцы или соседи, начнется его розыск и... И опять-таки его паспорт вколотят в компьютер... После чего тот паспорт хоть выбрось...

И что же делать?

А черт его знает!..

Ладно, это вопрос второй. А есть еще первый — где бы сыскать требуемый документик. С подходящей физиономией. Да еще желательно на имя не чистого немца, а выходца из России, чтобы можно было, прикрываясь им, объяснить свое произношение и плохое знание родного языка.

Тоже еще та задачка...

Для начала найти, а уж после того другую проблему решать. Уж как получится...

Глава 14

Звонок по мобильному.

Короткая фраза.

— Я подхожу.

Почти сразу же звонок снизу, от подъезда.

Лицо на экране видеодомофона.

Знакомое лицо. Но все равно желательно его рассмотреть как следует.

Фас...

Профиль...

Он.

Щелкнул язычок замка.

В комнате полумрак. В ней никогда не зажигается свет. Даже ночью.

— Ну что тут у тебя?

— Пока ничего — пусто.

— Ты давай смотри в оба, проглядим — голов не сносить!

— Да я гляжу, гляжу... Только и делаю, что гляжу...

Звонок.

Лицо на экране видеодомофона.

Шаги по лестнице...

— Что?

— Ничего нового.

Роспись в журнале.

Дежурство сдал — дежурство принял.

Темнота.

Горячий кофе в термосе на столике.

Мощная цифровая камера со специальным телескопическим объективом пред окном. И еще одна.

Окно.

Глаза.

Улица.

И ничего.

Совсем — ничего.

И вчера — ничего.

Но это — пока ничего...

Глава 15

Скоростной поезд неся по стране Германия. Никаких привычных русскому человеку купе с откидными полками, матрасами и казенным бельем в нем в помине не было — одни только сидячие места. И титана с кипятком не было. И вагона-ресторана. И проводников... И зачем такой поезд, где ни поспать вволю, не в картишки с соседом перебраться, ни чайком побаловаться, ни с попутчиками по душам поговорить...

Скучны немецкие поезда — в них только едут. Причем недалеко. А куда ехать-то, когда всю Германию из конца в конец за полдня пересечь можно да еще Люксембург с Бельгией прихватить не заметив.

И что уж совсем непривычно и противно — не слышно в немецких поездах воспетого поэтами-песенниками перестука вагонных колес, того самого — та-рам-там-там, тарам-там-там. Только что-то свистит и гудит за окном. Рельсовых стыков у них, что ли, нет? И не мелькают, слепя светом, переезды, и не оглушают страшным свистом встречные поезда, и не плачет в соседнем купе проснувшийся ребенок. Тоска...

Сидят немцы чинно, каждый в своем креслице, листают журнальчики, или дремлют, всунув шею в специальные подголовнички, или в окно глядят. Никто ни с кем не говорит, анекдоты не травит, водку из стаканов с подстаканниками не пьет, про цены не спрашивает, про жизнь не интересуется. Едут...

Пассажиров, надо сказать, битком — все места заняты, кое-кто даже стоит. Может, в соседнем вагоне посвободней? Пройти, что ли?..

И ведь верно — в соседнем вагоне полным-полно свободных мест, а те дураки стоят... Задуматься бы, почему...

Да уж больно присесть охота.

И задремать.

Ладно, не успел...

Потому что появилась девушка в железнодорожной форме, подозрительно напоминающей эсэсовскую.

Пошла по проходу, требуя билеты и пробивая их компостером.

Билет у него был — люди его профессии без билетов не ездят и вообще ведут законопослушный образ жизни, избегая лишних контактов с представителями власти. Так что тут все в порядке.

Или нет?..

Потому как контролер вдруг задержалась подле женщины с тремя детьми. Стала ей что-то вежливо объяснять, указывая в конец вагона.

Предлагает более удобные места? Для детей...

Нет, не предлагает... А что тогда? Предлагает встать и пойти в соседний вагон, где не протолкнуться. И тычет пальцем на стену, в какую-то табличку.

Женщина чего-то просит, чуть не плачет, кивает на прикорнувших на сиденьях детей. Но контролер непреклонна.

— Найн, — твердит она, — найн!

Или у женщины с детьми билета нет?

Вроде есть.

Так в чем же дело?..

Ах вот в чем... Вагон-то первого класса. Хотя точно такой же, с такими же точно сиденьями и такими же пассажирами в том же самом поезде. Но — первого! Куда пассажирам второго вход заказан!

Ну и что, что там приходится стоять, а здесь сплошь пустые места? Так и должно быть! За то люди и платят лишние деньги, чтобы не тесниться. И чтобы ощущать себя людьми первого сорта. Вернее — первого класса. И никакая иная логика здесь не работает. И никакие просьбы,

увещевания и мольбы не помогут — у кого билет первого класса, тот должен ехать в первом классе, у кого второго, тот должен из него не высовываться!

Ай-ай, какой прокол! На котором, если, к примеру, коренного немца изображать, можно в айн момент спалиться.

Так что надобно теперь по-быстрому, но не спеша встать да бочком-бочком в соседний вагон. Туда, где битком, где придется втискиваться на боковые сиденья или даже стоять. Но среди своих, среди «второклассников»...

Встал.

Огляделся по сторонам, пытаюсь выделить в толпе пассажиров-земляков. Вернее, бывших земляков.

Кажется, этот.

И этот тоже.

И те два...

Как говорится — зуб даю!

Чем они отличаются от других пассажиров?.. Трудно сказать... Наверное, взглядами. Какие-то они виноватые. И еще осанкой — наши отчего-то почти всегда сутулятся, будто жизнь их пополам согнула. И еще, пардон, фигурами, что утяжелены книзу. Мешковатостью одежды... А коли улыбнутся или заговорят — зубами, которые вкривь-вкось, желтые и больше половины нет. У немцев, утех все зубки на месте, все белые и ровные, будто фарфоровые. И так и есть — не свои, вставные...

Но главное даже не это, главное — общее впечатление. Которое позволяет отличить наших от не наших почти в любой стране мира, мгновенно выделив их из толпы аборигенов. Кроме разве молодежи, что адаптируется быстрее, принимая чужую веру и окраску.

Вот и эти, хоть одеты как все, а выглядели иначе!

Но нет среди них ничего подходящего — все слишком высокие, или слишком низкие, или чересчур толстые...

Можно идти в другой вагон.

Нет, и здесь не то... Типичное не то...

Дальше идти было некуда, дальше была кабина машинистов.

Третий день он не вылезал из поездов, переезжая из города в город и встречая прилетающие из России самолеты. Вставал где-нибудь сбоку, глаза на толпу пассажиров.

Нет.

Нет.

Нет.

И этот тоже — нет...

Ничего подходящего.

Пассажиры истощались, и он ехал из аэропорта в русский ресторан, где заказывал чашечку кофе и усаживался где-нибудь в темном уголке наблюдать за посетителями. Которые, перебрав баварского пива, скоро начинали орать русские народные песни, танцевать вприсядку и жаловаться на свою здешнюю жизнь. Или, наоборот, хвастаться друг перед другом своими успехами. У них все было или хуже или лучше всех — без середины.

Ничего интересного...

Он выпивал свою чашку и уходил.

И шел в другой ресторан — тоже русский.

Или на службу в местный православный храм, где, взяв свечку, косил глазами по сторонам.

Или отправлялся в русский магазин, где торговали гречкой, сгущенным молоком и привезенными из Москвы книгами и видеокассетами с советскими фильмами. Но там его тоже интересовали не товары, а покупатели.

Нет.

Нет.

Нет...

Он платил за пару книг или кило гречки, выбрасывал их в ближайшую урну и вновь ехал в аэропорт, попевая к рейсу из Петербурга.

Этот?

Нет.

И тот тоже нет.

Может, этот?.. Вряд ли.

Нет.

Нет...

В запасе у него оставалось еще два десятка прибывающих из России авиарейсов и нескольких прямых поездов. И еще адреса трех дюжин кафешек, где гуляли русаки, и православных церквей...

А где ему еще искать русских немцев, как не там?..

Теперь он подъезжал к Франкфурту, где должны были сесть подряд три самолета из России. Может, с ними ему повезет...

От нечего делать он уставился в окно. Но там вместо пейзажей проносились стены звукоотражающих заборов, дырявыми колоннами светились далекие небоскребы.

Отчего-то вдруг стало грустно. Даже тоскливо.

Это что — ностальгия, что ли? Господи, ему-то о чем тосковать?

О Родине, о России?.. Так он и там — будто иностранец. Чужак. Без кола без двора и собаки в будке... Один — среди реальных и воображаемых врагов. И здесь тоже — один. И некуда ему приткнуться ни тут, ни там, ни где-либо еще...

Нет у него малой родины, есть только большая...

Отчего любому рано или поздно на душе муторно станет.

Или это так сказывается его полугодовой в резерве отдых? Засосавшая его тихая жизнь рядового обывателя?..

Поезд стал сбавлять ход.

Народ потянулся к дверям. Культурно, не толкаясь.

Но вдруг кто-то, работая локтями, протиснулся мимо...

Вряд ли немец. Немцы так себя не ведут.

Он оглянулся.

И замер...

Мужчина среднего роста, худощавый, лоб высокий, глазницы глубокие, чуть расставленные, нос прямой, рот... Уши... Глаза...

Хм...

Мужчина среднего роста с покатым лбом и прямым носом протискивался мимо, оттирая в сторону тормозного пассажира.

Который возмутился:

— Чего прешь — смотреть надо!

Возмутился по-русски. Специально.

— А че ты встал-то! — так же по-русски ответил наглец.

Значит, верно — русак!

Осталось лишь узнать, эмигрант он или прибывший сегодня утром турист? Что нетрудно...

На вокзале мужчина из поезда уверенно пошел к автобусной остановке.

И тот пассажир, которого он толкнул, — тоже.

Приехали. Сошли.

«Немец» заскочил в супермаркет, где прикупил еды и зашел в подъезд пятиэтажного дома — типичной немецкой «хрущобы».

Отследить его квартиру труда не составило, нужно было лишь посмотреть, на каком этаже загорится свет, а после взглянуть на кнопку соответствующей квартиры, подле которой была укреплена прямоугольная табличка.

«Kuznezov».

Ага — Кузнецов. Верно, откуда-нибудь из Семипалатинска...

Ну и повезло же тебе, Кузнецов, хоть ты об этом еще не догадываешься.

Крупно повезло... С чем тебя и можно поздравить. Но не теперь. Завтра...

Все — завтра!..

Глава 16

Нерг Kuznezov был не из Семипалатинска, но точно — из Казахстана. Там он имел небольшой магазинчики автосервис, которые приносили ему неплохой доход. Но черт дернул его уехать в Германию. По еврейской эмиграции.

Никаким евреем он отродясь не был, но за пару сотен долларов стал. В местном загсе ему выправили документы, что его бабушка, прабабушка и на всякий случай прапрабабушка были чистопородными местечковыми еврейками. Сильно пострадавшими от немцев. Потому что бабушка была узником половины их концлагерей, а прабабушка угнана в Германию на принудительные работы, где не покладая рук трудилась на вредном производстве на военных заводах, куя оружие для победы Третьего рейха. Заодно, до кучи, он и прапрабабушку сюда же приплел, обзаведясь справками, что та, проживая на Украине, тоже потерпела от немецких оккупационных войск во время Первой еще мировой войны, когда солдаты великого кайзера отобрали у нее корову, порося, пять кур-несушек и девичью честь.

То есть выходило, что теперь Германия должна была ему по гроб жизни! Их марки...

Но марки на него ожидаемым золотым дождем не просыпались. Немцы оказались редкими скрягами, из которых лишнего пфеннига не вытянешь. А вытянешь — после сто раз пожалеешь.

Разочарования начались с первой минуты прибытия на новую родину. Не успели сойти с автобуса, как мордатый немец приказал тащить привезенные с собой вещи в камеру хранения, причем командовал исключительно по-немецки — и понимай его как знаешь!

И понимали. Потому что слова звучали привычные, из киноэпопей времен социализма:

— Ахтунг!

Шнель!

В общем — русишь-швайн и капут-эршиссен...

Во влип! — подумал он, забираясь на двухъярусные нары.

Лагерь переселенцев оказался точно лагерем с одноэтажными в три ряда бараками. Да ладно бы, но против него был какой-то памятник с худющим на постаменте человеком и скульптурными же воротами. Как раз против их ворот!

И были тот памятник и те ворота аккурат на месте бывшего концентрационного лагеря, где сожгли что-то около полумиллиона евреев. Отчего еврейские переселенцы впадали в легкий транс, воспринимая свое новое местожительство как легкий намек.

Полгода Kuznezova мариновали в иммиграционных лагерях, где заставляли зубрить их «шпрыхкурсы», а после отправили к черту на кулички, в маленький городишко, где никакой работы не было! Да даже если бы и была — очень ему надо пахать, как пахут коренные немцы. Да еще за такие, по их ценам, пфенниги!

Быстро поняв что к чему, Кузнецов сел на социал, получая от немецкого правительства вполне приличное денежное пособие, и стал подрабатывать «по-черному». Отчего скоро смог обзавестись техникой и купить вполне приличную машину. И думал, что все это сойдет ему с рук. Как в бывшем Союзе. Не тут-то было!

Зашел к нему как-то в гости соцработник и вежливо так поинтересовался, на какие такие шиши он приобрел машину? И новенький телевизор. Да еще, наглец, в холодильник сунулся, где не поленился перечесть все колбасы.

— О-о, я-я!.. — восхитился он благосостоянию своего подопечного. — Вы хорошо живете. Очень хорошо. Слишком хорошо!

Вы не должны иметь машину и все то, что имеет. Вы должны жить по средствам. Немецкое правительство выплачивает пособия лишь для нуждающихся людей...

Да какое твое свинячье дело! — возмутился Кузнецов. Конечно, про себя.

Вслух сказал:

— Я-я, гуд, я — он и есть, нуждающийся. А это — подарок моей любовницы.

— Вы можете назвать ее имя и адрес? — вежливо поинтересовался соцработник, вытаскивая блокнот.

Вот ведь, гад, прицепился!.. Хуже ОБХСС!

— В таком случае я не могу принять ваши объяснения, — выразил свое искренне сожаление соцработник. — Вы не должны получать соцпомощь, вы вполне можете обеспечить себя сами, без помощи немецкого народа!

Чтоб он сдох!..

Пришлось продавать машину и вообще вести себя скромнее. И даже мыться раз в неделю, потому как врезанный в трубу счетчик крутился как бешеный. И выходило, что наполнить одну ванну, не считая копеечного шампуня, стоит «чирик» баксов! А дома той воды было — хоть залейся!

А потом к нему, как водится, потянулись непрошеные визитеры, всяк из которых требовал с него деньги, грозя штрафами, пенями и описью имущества.

Не вписался Кузнецов в их жизнь.

Решил было бэушные автозапчасти гнать в Россию и Казахстан — так тут же спалился. Поместил объявление в газете, что возьмет в подарок машину — доброты сразу

отозвались, — кому интересно платить за утилизацию своей подвижности «бабки», когда ее можно кому-нибудь бесплатно подарить. Чуть не в драку ему свои «тачки» впаривали, и что интересно, все на ходу — только ключ тки и езжай!

Разобрал он так «опелек» и еще «бээмвэшку», только кузова одни и остались. Решил свезти их ночью на металлолом — кинул на прицеп, подвез, да подле ворот сбросил. Тут откуда ни возьмись полицейские с мигалками — руки в браслеты, морду — в капот.

Кто ты есть такой и чего тут делаешь?

Он ответил — так, мол, и так, решил помочь вашей германской экономике, сдав бесплатно для сталелитейной промышленности уйму металлолома.

Ну просто — пионер-герой!

— Найн, — грозят пальчиками и дубинками полицейские. — Сдача и переработка металлолома должна оплачиваться теми, кто его сдает! Таков порядок!

И в машину толкают, будто он преступник!

Ну все у них шиворот-навыворот!

Присудили штраф, да не маленький — пять штук!

А если нечем платить, то — шагом марш в тюрьму... Что обидно до слез. Потому что ладно бы за воровство, а то — за сдачу металлолома!

Вот ведь как все вышло-то. Боком!

Был он в Казахстане сам себе голова — «бабок» имел сколь душа просила, дом, гараж, тачка, телки. А здесь... Э-эх! Знал бы загодя — ни в жизнь в эту их Германию не сунулся!

Не повезло еврею Кузнецову на его неисторической родине.

Хотя, может, еще повезет...

Хочется надеяться, что скоро. Ну не век же ему маяться!

Вдруг раздастся звонок и на пороге явится, несмотря на лето, добрый Дедушка Мороз, по ихнему Санта-Клаус, и подарит ему...

И ведь верно — раздастся! И точно — скоро! Буквально с минуты на минуту.

Явится дедушка...

Вот прямо сейчас!..

Глава 17

Раздался звонок...

Кому бы это?..

На пороге стоял какой-то весь в пышных усах и бороде гражданин.

— Вы Кузнецов? — строго спросил он, глядя в какую-то бумажку и на Кузнецова.

— Ну? — настороженно ответил тот.

— Тогда мне к вам.

Говорил он по-немецки неважно. Примерно так же, как сам Кузнецов.

— Я представляю благотворительное общество «Земляки», — сказал незнакомец, раскрывая какое-то внушительное на вид, с печатями и росписями, удостоверение. Которое нарисовал час назад.

— Так вы точно Кузнецов?

— Ну я же сказал! — начал тихо свирепеть Кузнецов.

— А можно по-русски? — попросил старичок.

— Валяйте! По-русски даже лучше. Чего вам надо?

— Мне — ничего... Я пришел поздравить вас.

— С чем?

— Вы миллионный эмигрант из России.

— Я?!

— Вы! Уж так получилось. Мы сверили по компьютеру списки — он указал на вас. Вы — миллионный!

— И что? — пожал плечами Кузнецов.

Как будто ему от этого холодно или жарко.

— Ну, знаете ли — цифра! — обрадованно улыбнулся старичок. — Все-таки миллион! С чем разрешите вас поздравить!.. И вручить вот эту памятную грамоту...

Нарисованную два часа назад.

Кузнецов взял, повертел в руках грамоту. Где верно удостоверилось, что он был тем самым миллионным счастливецом, покинувшим пределы своей бывшей Родины ради обретения новой.

— Все, что ли? — равнодушно спросил он, бросая куда-то грамоту.

— Нет, нужно еще расписаться.

— За что?

— За сто тысяч. Евро.

— За сколько?!.. — ахнул Кузнецов.

— За сто. Эту премию учредили наши спонсоры. Сто — миллионному эмигранту. Пятьдесят — полумиллионному, двадцать пять — четвертьмиллионному.

— Где? — шумно сглотнул слюну Кузнецов, вытягивая руку.

— Что где?

— «Бабки» где?!

— Ах «бабки»... Они не здесь, они в Москве.

— Как в Москве?!

— Дело в том, что наши спонсоры в большинстве своем российские бизнесмены...

Ну да, немецкие, верно, за пятьдесят штук удавятся. Такие подарки могут делать только бывшие соотечественники, у которых денег куры не клюют.

— Они вручат вам деньги лично в Москве. Послезавтра. В торжественной обстановке.

— Почему послезавтра?

— Потому что презентация назначена на послезавтра, на пять часов вечера. Вы, конечно, приглашены. Вот ваш пригласительный, ваш экскурсионный тур в Москву, билет на самолет в два конца и пять тысяч евро наличными на карманные расходы.

Ошарашенный Кузнецов раскрыл рот.

Он бы еще сомневался, кабы не деньги. На карманные расходы!

— А можно не ехать, можно получить здесь? Мне теперь некогда.

— Ехать необязательно, — улыбнулся похожий на Дедушку Мороза старичок. — Но тогда ничего не удастся получить. Увы! Таково пожелание спонсоров. Они хотят вас видеть лично.

Кузнецов завертел в руке цветной пригласительный билет.

— Вы согласны?.. Или откажетесь?

— Я?.. Да... То есть нет, конечно!..

Вот оно и счастье. Привалило... Ценой в сто тысяч евро.

И кто бы мог подумать!..

И кто бы от такого предложения мог отказаться!

Кузнецов — не мог!..

Глава 18

Самолет сел в Шереметьево.

С самолета сошел неопределенного вида мужчина. Который сел на маршрутку и, приехав в Москву, тут же напрямик направился в первое попавшееся отделение милиции.

— Мне бы к следователю.

— К какому? — подозрительно спросил дежурный.

— К любому. Лучше посмышленей.

— Вас избили, ограбили, изнасиловали или еще чего?

— Ни боже мой! — замахал руками гражданин. — У меня есть информация строго конфиденциального характера, которая может заинтересовать правоохранные органы.

Сложнопроизносимое слово «конфиденциальная» возымело на дежурного нужное действие.

— Это чего, про террористов, что ли?

Посетитель многозначительно промолчал.

Его по-быстрому сопроводили к следователю.

— Чего у вас? — недовольно спросил тот.

— Вот, — ответил гражданин, вытаскивая из кармана конверт.

— Там чего? — напрягся следователь.

— Деньги, — ответил гражданин. — Пять тысяч. Долларов. Нашел сегодня на дороге, когда гулял с собакой. Хочу как сознательный гражданин сдать их правоохранным органам.

Следователь заметно поскущел. Потому что терпеть ненавидел сознательных, усложняющих жизнь милиции граждан.

— Хорошо, сейчас мы составим протокол о том, где вы их нашли, при каких обстоятельствах, узнаем, не было ли в вашем районе совершено краж и разбойных нападений, в которых вы принимали участие, и задержим вас на трое суток до выяснения обстоятельств.

— Зачем протокол? — всплеснул руками сознательный гражданин. — Я готов без всякого протокола.

— Да?..

Следователь оживился.

— Конечно! Я уверен, вы найдете и вернете эти деньги хозяину!

— Ну да! — совсем обрадовался следователь. — Конечно, вернем!.. Тогда большое вам спасибо от лица милиции и меня лично за ваш в высшей степени гражданский поступок!

И следователь стал трясти гражданину руку.

— Да, да, конечно, — кивал тот. — Вы знаете, я не первый раз нахожу деньги.

— Да вы что?..

— И у меня есть предчувствие, что я скоро найду еще деньги, думаю, раза в три больше, чем теперь, и, когда найду, хотел бы принести их именно вам...

— Конечно, несите! — вскричал следователь. — В любое время дня и ночи. Прямо ко мне,

минуя ноль два!

— А можно вас спросить? Вернее — попросить?

— А о чем, собственно? — насторожился милиционер.

— А, собственно, о пустяке.

И сознательный гражданин вытащил из кармана фотографию.

— Завтра вот этот человек будет в Москве. Вот по этому адресу.

— Ну и что? Что нам с того? Он террорист, фальшивомонетчик или алиментщик?

— Ни то ни другое.

— За что же его тогда привлекать?

— Например, за отсутствие документов. Мне почему-то кажется, что у него не будет при себе документов. Вы ведь имеете право задержать гражданина до выяснения личности?

— Ну?..

— Вот и задержите. И держите его у себя месяц. А я пока поищу оброненные деньги. Думаю, что как раз через месяц я их найду.

— Не пойдет! — строго сказал милиционер. — Лучше потерянные деньги найти прямо сейчас. Всю потерянную сумму. Вот как пойдете снова гулять с собакой — так и найдите.

— Ну хорошо, я конечно, попробую. Но вряд ли всю сумму. Скорее всего, смогу случайно найти половину. А другую — после, через месяц. Такое у меня предчувствие.

Следователь кивнул. И поинтересовался:

— А этого, которого задержать, на каком основании задержать?

— На каком хотите. Как беспаспортного бродягу. Как международного бомжа. Как психа, который утверждает, что он немецкий подданный, грозясь подать на всех в Гаагский суд.

— Маловато будет, — вздохнул милиционер. — А что, если он возьмет на себя какое-нибудь особо тяжкое преступление. У нас как раз есть подходящие «висяки» — нутам изнасилование, пара разбойных, расчлененка. Тогда хоть на двадцать лет! Без вопросов! С нашим привеликим удовольствием!

— А он сознается?

— Будьте уверены, — заверил следователь. — Не таких кололи!

— Нет, расчлененка это слишком, — поморщился гражданин. — Пусть будет что-нибудь попроще. Нутам воровство или угон.

— Ну ладно, пусть будет угон, — вздохнул следователь, который хотел избавить свой отдел от «глухаря».

Гражданин кивнул и было пошел.

Но его задержали! Да нет — на минутку.

— Слушай, а зачем тебе это надо? — шепотом спросил следователь. — Нет, я не к тому, но просто интересно!

— Зачем?.. Например, затем, что я собираюсь на курорт. С его женой, — задумчиво ответил гражданин. — И хотел бы, чтобы ее муж не мешал нашему счастью. Один месяц!

— Ну ты ловкач! — понятливо заржал милиционер. — Я бы до такого не додумался...

А дальше все пошло как по писаному.

В протоколе задержания...

Глава 19

Нет, все-таки есть в жизни счастье! Вот не было, не было, а тут — раз и привалило! Как с куста!..

Счастливец, нежданно-негаданно ставший миллионным переселенцем из России, сошел с трапа самолета. В аэропорту его встречали немногочисленные и неофициальные лица. В одном-единственном лице. Которое прибывший в упор не узнал, хоть видел его не далее как сутки назад.

Негг Kuznezov шел по аэропорту, и жизнь представлялась ему сплошным праздником. Почти карнавалом.

А карнавал и был!..

Потому что не успел он выйти в зал, как к нему подскочил шустрый «бомбила», который, ухватив его за рукав, потянул к своей машине.

— Вам куда, в центр?.. Доставим айн момент, с ветерком и мимо пробок. Если нужна гостиница, могу посоветовать, если насчет досуга — тоже, если надо валюту сдать — хоть сейчас...

Негг Kuznezov пытался упираться, но куда там — водитель толкал его, как бульдозер, напирая всем телом и пихая со всех сторон коленками.

— Всего-то сто баксов... Восемьдесят... Ну хорошо, пятьдесят... Ну ладно — сорок... Тебе чего — тридцатки жаль? Разве это деньги?.. Это ж почти как на маршрутке, только там давка и карманники — вмиг кошель срежут. Верно тебе говорю!.. А со мной надежно, как в Сбербанке!..

Подтащил, впихнул пассажира в потрепанную «Ауди», заскочил сам, торопясь, захлопнул дверцу.

— Ну что, поехали, камрад?

Поехали.

Тридцатки Кузнецову было жаль, но сегодня к вечеру он должен был разбогатеть. На целых сто

тысяч. Так стоило ли мелочиться.

Всю дорогу водитель травил ему разные байки и рассказывал анекдоты, и отчего-то иногда его голос казался Кузнецову знакомым. Хотя — откуда? Он и в Москве-то несколько лет не был...

Въехали в город. Возле метро «бомбила» притормозил.

— Слушай, тут такое дело, мне за сигаретами смотаться надо! — сказал он. — Кончились, заразы... Ты это, подожди. Если чего надо — скажи, я куплю.

Но пассажиру ничего не требовалось.

— Я сейчас, я мигом — айн секунд!..

И водитель нырнул в переход. Он так торопился, что даже забыл вытащить ключ из замка зажигания.

Через айн секунд он не появился.

И через цвай тоже.

Через драй секунд возле автомобиля остановился мотоциклист. Дэпээсник. Подошел. Сунулся в окно, козырнул.

— Сержант Михеев... Знак видите?.. Тут стоять запрещено. Давайте — проезжайте.

Пассажир занервничал.

— Я сейчас, водитель куда-то убежал.

Милиционер обошел машину, лениво глянул на номера, отошел к мотоциклу, поднес к лицу рацию, вернулся.

— Ну и где он?

Водителя не было — отскочил на секунду и запропастился куда-то!

— Ваши документы, пожалуйста.

— Я же говорю — водитель за сигаретами ушел.

— Без ключей? — кивнул милиционер на торчащий в замке ключ зажигания. — Документы!

— На машину?

— Нет — ваши!

Ах, его...

— Да-да, сейчас, — захлопал себя Негг Кузнецов по карманам, — только что были, вот только что, минуточку назад...

Только что были, а теперь — найн!

Ай-ай, как же так!..

— Сейчас, сейчас...

Но документы, как назло, не находились. Милиционер сунул руку в салон и выдернул из замка ключ.

— Ну что — попался! — зловеще сказал он.

— Кто? — не понял пассажир.

— Ты!.. Эта машина числится в угоне! Со вчерашнего вечера! Ты что, думал — на дурака проскочить?

— Да вы что! — искренне возмутился Негг Kuznezov. — Я гражданин Германии!

— Ага, — кивнул дэпээсник. — Тогда документы покаж! Ну!

— Я их... я их потерял, — сник беспаспортный гражданин Германии.

— И как оказался в машине, конечно, тоже не помнишь?

— Ну почему не помню — я взял такси, чтобы ехать на вручение мне премии. Я миллионный переселенец из России!

— И сколь вам дают за переселение? — ухмыльнулся дэпээсник.

— Сто тысяч евро! — гордо сообщил Кузнецов.

— Ну да, — согласно кивнул милиционер. — Тю!.. Ты бы лучше про Нобелевскую премию мне уши тер, она побольше будет. Чего мелочиться-то?

— Но я не шучу! — вскричал миллионный переселенец.

— Я — тоже! Вот что, гражданин, — пройдемте, во избежание!

И дэпээсник стал бесцеремонно выволакивать Негг Kuznezov за шкирку из угнанной им машины. Тот сопротивлялся, отчего милиционер свирепел все больше, уверяясь в том, что тот точно — злодей.

Все это напоминало сущий бред!

— Вы не имеете права! Мне на презентацию, мне сто тысяч получать! — вопил угонщик.

— Будет тебе презентация, — обещал ему дэпээсник.

Презентация проходила в недалеком отделении милиции.

— Ай-ай! — дружелюбно покачал головой следователь. — Машина в угоне, ключ в замке, документов нет, вместо них несешь какую-то чушь... Как же так?

— Я все объясню, — торопливо бормотал задержанный. — Я прилетел и взял в аэропорту машину, чтобы доехать до города, водитель пошел за сигаретами, а тут вдруг гаишник, а документы куда-то, как назло, пропали. Наверное, это водитель машину украл, а меня подставил...

— Во дает! — хохотнул следователь. — Придумал бы чего получше — выходит, водитель угнал машину, чтобы левачить на ней в аэропорту, и даже номера при этом не поменял! Он что — такой непроходимый болван?

Ты не лепи горбатого — ты лучше колись сразу!..

Herr Kuznezov раскололся не сразу, но скоро. Оказывается, он мало что угнал принадлежащую гражданину Цхеидзе машину марки «Ауди», он еще до того совершил три разбойных нападения в этом же районе, два изнасилования, одну расчлененку и семь квартирных краж!

В чем под тяжестью неопровержимых улик чистосердечно признался, собственноручно написав признательные показания. В общем, редкостным злодеем оказался неизвестный беспаспортный гражданин, задержанный на месте преступления благодаря бдительности наших правоохранительных органов!

А того водителя, конечно, не нашли. Потому что его не было никогда...

Вернее, не стало.

Сбежавший водитель заскочил в ближайший туалет, где, закрывшись в кабинке, снял одежду и стер грим. И переоделся в другую одежду. После чего отправился в аэропорт, откуда только что приехал. Билету него уже был. Целых три. На три разных паспорта. На трех разных людей. С одним лицом.

Самолет на Берлин вылетал через пятьдесят минут.

Когда Herr Kuznezov еще только в отделение доставили...

По прилете в берлинский аэропорт гражданин снова зашел в туалет, разорвал в мелкие клочки и спустил в унитаз использованный билет. И паспорт.

И отправился в отель.

Где, запершись в ванной комнате и пустив воду, встал пред зеркалом. Но при этом смотрел он не в зеркало, а на фотографию гражданина Германии Herr Kuznezov. Того, что уже начал давать в Москве признательные показания.

Щечки... Щечки у него покруглее будут. Придется засунуть за зубы по куску поролона, которые «оттопырят» щеки. Нет, еще немного. И сдвинуть их чуть назад...

Да, вот так...

Жевать, конечно, с таким «наполнителем» неудобно, но ходить, разговаривать и улыбаться можно!

Теперь нос...

С носом ничего не сделать, нос на фото будет покороче на полсантиметра — ну не отрезать же его! Жалко отрезать, а ну как в следующий раз потребуются нос надставлять?.. Просто нужно будет, когда дойдет до проверки документов, откидывать голову чуть назад, вот так... Да, в таком ракурсе разница почти не ощущается.

Подбородок... Можно визуально расширить за счет легкой щетины. Так он раздастся вширь.

Нижнюю губу лучше чуть выдвигать вперед.

Ага, так!..

Уши...

Лучше прикрыть волосами. Надеюсь, прическу гражданам ФРГ менять не возбраняется?

Брови...

Придется немного выщипать. Щипчиками, которые имеют обыкновение использовать дамы. И курсанты спецучебок на занятиях по гриму.

Теперь прическа — ну это самое простое.

Ну что — похож?..

Последние мазки были нанесены — портрет закончен. Вернее, копия с портрета оригинала. Потому что оригиналом был сидящий в Москве, в Матросской Тишине, Негг Kuznezov, а он лишь копией. Но очень приличной копией. Такой, что с первого взгляда не отличить. А кто станет на него смотреть во второй раз?..

Вот что значит рука мастера!

Теперь он — Alexandro Kuznezov, недавний беженец из Казахстана. Вот его нос, рот, уши. Его аусвайс, заграничный паспорт, водительские права, медстраховка. Месяц всеми этими бумажками можно будет пользоваться без всякого зазрения совести. А дольше — ему и не требуется...

А теперь надобно бы заняться делом. Тем, ради которого он здесь оказался, и язык изучал, и пиво в немереных литрах пил, и сосиски требовал мелко резать.

Пора бы!..

И честь знать!..

Глава 20

И задачка-то была пустяшная, с которой любой средней руки филер мог справиться в два счета, и кто бы мог подумать, что она вырастит в такие проблемы!

А все из-за места действия, которое — страна Германия.

В России бы он снял соседнюю с «объектом» квартиру и, просверлив в стене дырки, сунул в чужое жилище микрофонами и объективами видеокамер. Снял, даже если бы она не сдавалась. Если бы она не сдавалась — он бы дал ее жильцам денег. Много. Больше, чем эта квартира стоит. И попросил поотсутствовать пару недель, съездив к родственникам в деревню. Чтобы обкатать приобретенный на их имя «Мерседес».

Или улучшил бы их жилищные условия, переселив из «хрущобы» в престижный новострой.

Или, если бы они уперлись, — припугнул, сказав, что «типа их хата, в натуре, приглянулась его телке, и вести гнилые базары с фраерами, которые не понимают собственного счастья, он не намерен. А буде они станут выкобениваться, переселит их без их согласия в семнадцатый

квартал... местного кладбища!..». И все — и его сразу же бы поняли и вмиг освободили принадлежащие им квадратные метры.

Там...

Но не здесь...

С законопослушными до испуга немцами эти приемчики не проходили. Те, может быть, и не прочь были заработать, но желали делать все по букве закона, требуя присутствия своего адвоката и заполнения стостраничных договоров.

Как прикажете здесь работать бедному-несчастному шпиону?! Не вырезать же ради завладения подходящей квартирой мирное немецкое население. Ну не война же в самом деле!

Нет, тут желательно обойтись без крови. Лишней...

Утречком к дому, который стоял против того дома, что стоял против дома объекта, подкатил микроавтобус, из которого вылез бравого вида электрик в синем ладном комбинезоне. Он распахнул задние дверцы, вытянул из салона длинную алюминиевую лестницу, разложил ее, сощелкнул, увеличив втрое, после чего подтащил к стене и, уперев в землю, поднял.

Там, куда он собирался лезть, к стене был прибит фонарь. Который, наверное, не горел. Иначе зачем бы он приехал?

— Этот фонарь... его давно пора убрать с фасада, — ворчливо сказал проходивший мимо пожилой немец.

— Я-я!.. Гут, гут! — радостно заулыбался электрик. — Я-я!

— Вы приехали его убрать?

— Я-я! Гут, гут! — закивал электрик.

И побыстрей полез по лестнице вверх.

На уровне третьего этажа он встал на специальной площадке и стал возиться с фонарем, чего-то там откручивая и прикручивая.

И верно — фонарь он демонтировал.

И вместо него повесил другой.

Но почему-то точно такой же и даже с теми же самыми царапинами.

Фонарь остался таким, каким был прежде. Но его возможности значительно расширились. Теперь он не только давал свет, но и изображение. Транслируя его по вмазанному в стену с помощью замазки и втоптанному в землю тонкому кабелю.

Электрик сделал свое дело и, аккуратно собрав лестницу, уехал. В другой город. Где бросил свою машину на стоянке перед супермаркетом. Вместе с лестницей. Зато взял старый фонарь. Который намеревался со временем вернуть на место.

На следующий день «электрик» вновь оказался подле того квартала. Где светил фонарь. На этот раз он был на машине с затемненными стеклами. И не в синем комбинезоне, а во вполне

респектабельном костюме. И с другим лицом.

Проезжая мимо известного ему дома, он открыл верхний, в крыше, люк и, сбросив скорость и придерживая руль животом, на несколько мгновений освободил руки, взяв в них рогадку...

Да нет, не ту, что строгают из раздвоенного сучка, а резинку выдергивают из отцовских трусов, а спортивную, с особо эластичной резиной и лазерным прицелом.

Бросив руль, он вытянул резину и тут же отпустил ее. «Пулька» вылетела из люка и умчалась куда-то в темноту.

Машина чуть вильнула, но тут же выровнялась и поехала себе дальше. Как ни в чем не бывало.

«Пулька», которая была скатана из желатина с начинкой из капельки прозрачного, какого полно в любом магазине, клея, угодила в окно, расплющившись от удара о стекло. И превратилась в просто мутное пятно. Со случайной соринкой посередине.

Соринка была микрофоном.

Пятно — пластырем, удерживающим микрофон, и одновременно мембраной, улавливающей мельчайшие колебания оконного стекла. И если кто-нибудь там, за окном, кашлял, или говорил по телефону, или вздыхал, или издавал любой другой звук, то стекло дрожало, передавая свои вибрации микрофону...

Все это старо как мир... Тайного сыска...

Что капля — нынче вон уже мух с тараканами приспособливают к тому, чтобы они таскали на себе шпионскую аппаратуру, протискиваясь в любые щели. Беда лишь одна — запустишь такого напичканного дорогушей электроникой супершпиона в жилище к «объекту», а тот его, не разобравшись — р-раз! — тапочком или мухобойкой, да прямо по микрофону!.. Он же считает, что это просто таракан! Отсюда неизбежен перерасход финансовых средств. И микрофонов. Но, говорят, теперь с этой напастью станут бороться, одевая мух и тараканов в кевларовые бронежилетки...

Трех дней не прошло, как подходы к дому «объекта» были обложены «жучками» и «клопами».

Но техника техникой, а есть еще глаза. Которые будут надежней всякой электроники. Тем более если их вооружить сорокакратной цейсовской оптикой. Да забраться куда повыше. Например, на чердак...

Да не близко, а подальше...

А?..

Правда, есть одно неудобство — в Германии чердаки не те, что в России. В Германии они хуже не придумать, потому что все ухожены и поделены меж жильцами — в одной стороне белье на веревки развешивают, каждый — на своей, другая разгорожена на клетушки, где разная рухлядь хранится. Попробуй на таком чердаке укрыться.

Дома — милое дело — зарылся поглубже в шлак, залег, прикинувшись какой-нибудь ветошью, набросал сверху ломаной мебели или шифера и лежи сколь твоей душе угодно. Хоть год! Никто тебе не помешает, разве только пацаны дворовые или бомжи. Но они — не в счет. На них можно при случае и шикнуть...

А на этих не шикнешь — этих оберегает немецкая полиция с армией!

Ну и как тут быть?

Может, использовать чью-нибудь бесхозную клетушку? Но как узнать, что она бесхозная?..

Это как раз просто — нужно отследить окна. Ночью. Там, где свет не зажигается, — там никого нет. И, значит, в клетушке никто незваного гостя не потревожит.

Утром в подъезд вошел слесарь.

Ну или человек в униформе слесаря.

Он открыл замок отмычкой и не спеша, потому что спешка всегда привлекает внимание, поднялся на чердак.

Там было пусто и тихо, лишь пыль плавала в ярких солнечных лучах, падающих из слуховых окошек и перерезающих полумрак чердака.

Туда, где сушилось белье, он не пошел. Пошел налево.

Нашел нужную клетушку — с номером квартиры (слава немецкому порядку!), — легко открыл навесной замочек, зашел внутрь и закрыл его. Стараясь ничего не менять в порядке вещей, лишь чуть смещая их, он начал сооружать логово. Сдвинул несколько коробок, на них в качестве несущих балок положил старые горные лыжи, которые прикрыл другими коробками и чемоданом. Внутри образовалась небольшая, но где можно было улечься во весь рост, ниша. Туда он и забрался, задвинув вход старым телевизором и на всякий случай накрывшись каким-то старым одеялом.

Здесь ему предстояло провести день, а может, и не один!

Поэтому все свое он принес с собой — бутылку воды, резиновый мешок с завязкой, который мысленно обозвал «парашей», несколько плиток шоколада, который при максимальной калорийности дает минимальное количество «отходов».

Амбразуру в своем импровизированном доте он сделал, приподняв одну из черепиц так, чтобы образовалась небольшая, незаметная с земли щель. Против нее установил раскладной фотоштатив, на который поставил сорокакратную подзорную трубу. Против еще трех отверстий — веб-камеры, подсоединив их к ноутбуку. На голову нацепил наушники, которые принимали сигнал с микрофонов.

Ну что — все? Вроде — да... Жарковато, конечно, но тут уж ничего не попишешь — «кондишен» с собой на чердак не затащишь, придется терпеть!

Он припал глазом к окуляру подзорной трубы, поведя ею в стороны. Выдать себя предательскими бликами он не опасался, надев на объектив противосолнечную бленду.

Ну и что там видно?

Видна была стена противоположного дома. Нет, не того, где жил «объект», — совсем другого, стоящего против его дома. Потому что следить надлежало не за «объектом», а за подходами к его жилищу!

А как иначе? Это лишь дурак прет на рожон — умный действует подобно саперу, прежде

обшаривая окружающую местность. По сантиметру. Дабы выявить возможные сюрпризы.

«Объект» что, его дело последнее, он как на ладони от него гадостей ждать не приходится, приходится от его охраны — явной и скрытой. Коли заранее их не вычислить, то в самый неподходящий момент они могут повылезти из своих нор и ударить в спину.

Ну так что — есть они или нет?..

Так сразу сказать невозможно, потому что телохранители — они ребята скромные и из своих убежищ лишней раз не высовываются. Увидеть их практически невозможно, но можно попробовать вычислить по косвенным признакам.

Например, по опущенным жалюзи и задернутым шторам.

Вон в той квартире...

И еще в той...

И той...

Все эти окошки надо взять под самое пристальное наблюдение. Люди редко живут с задернутыми наглухо окнами... А эти, кажется, живут...

Третий час наблюдения...

Жалюзи на одном из окон поползли вверх. В окне мелькнул силуэт молодой женщины. Совершенно обнаженной. Она быстро отшатнулась назад, в комнату, где мелькнул чей-то загорелый торс.

Ну-ка, ну-ка...

Два человека — мужчина и женщина — торопливо натягивали на себя одежду.

Ну тут все ясно — парочка занималась в послеобеденное время любовью, для чего и шторы задернули, враз задернули, значит, их любовь ворованная.

Если так, то скоро кто-то из них выйдет вон.

И точно — через несколько минут из подъезда вышел жгучий мужчина восточного типа, по всей видимости — турок. А белокурая, с внешностью стопроцентной арийки, дама прильнула к окну, быстро махнув ему.

Налицо был адюльтер. Причем межнациональный.

Еще через полчаса в подъезд вошел представительный немец, который скоро возник в том самом окне, где сбросил пиджак и поцеловал в щечку свою «гретхен».

Эх, дядя, знал бы ты, что здесь было с полчаса назад...

Эту квартиру можно вычеркивать. Филеры дам на конспиративные квартиры не таскают.

Что там в следующей?

Объектив подзорной трубы скользнул влево...

Жалюзи... Неподвижные...

Дальше...

Шторы...

Еще шторы...

Седьмой час наблюдения...

На экране ноутбука, на общем плане, идет человек. По улице.

Куда он идет?

Мимо идет...

Ну и пусть себе идет!

Одиннадцатый час...

Едет машина. Во двор не заворачивает, останавливается на улице. Из нее выбирается мужчина, серый, как мышка, и устремляется в подъезд. При этом машина его не ждет, а сразу уезжает.

Интересно.

Мужчина подходит к подъезду, открывает его своим ключом. Но что интересно, перед почтовым ящиком не останавливается, хотя, по идее, должен был, коли он жилец.

Вот его силуэт мелькает в узких окнах подъезда.

Второй этаж, третий...

Теперь — внимание!

Объектив подзорной трубы переместился с подъезда на зашторенные окна. Если он зайдет именно туда, то есть шанс, хоть и небольшой...

Ну?..

А ведь — точно!..

Чуть заметно дрогнули, качнулись жалюзи, будто сквознячком подуло, а ведь и подуло... Видно, кто-то открыл входную дверь, отчего по квартире загулял ветерок.

Открыл — закрыл, и вновь все замерло!

Ай-ай-ай!.. Недоработочка — им бы, как положено, при входе тамбур организовать, растянув перед дверью от потолка пола полотнище плотной ткани — вошел, дверь за собой плотно затворил, после в полотнище молнию или липучку распустил и сквозь образовавшееся отверстие в комнату пролез. А они, видно, поленились. Вот и качнулись жалюзи!

У рыбаков это называется — поклевка!

Замерли жалюзи, но задернуты они неплотно, так, чтобы можно было смотреть на улицу через

щели, самому оставаясь невидимым.

Неужели это они?..

Надо бы просмотреть запись.

На экране ноутбука появились та самая машина и тот самый мужчина. Дать увеличение...

Номер машины...

Теперь мужчина.

Фигура общим планом. Лицо в профиль...

А вот он оглянулся, открыв свое лицо. Фото — фас!

Сбросить изображение в специальную папку. Теперь, если он появится вновь, даже изменив внешность, его можно будет сравнить с прежним портретом.

Девятнадцатый час наблюдений...

Все то же окно. Темное. Но вдруг мелькнул по жалюзи луч света. Почти незаметный, если его не ждать.

И кто-то пошел по подъезду.

И вышел на улицу.

Ба, да это же старый знакомый.

Ну вот же — говорили же им, что нужен тамбур, который и от сквознячков, и от света!..

Теперь уж точно ясно, что никакая это не квартира, а НП, где засели филеры, отслеживающие подступы к квартире «объекта». Сидят себе — глядят, фиксируя всех, кто приближается к охраняемому жилищу.

Выходит — все?

Скорее всего — да! Не такого полета птица этот «объект», чтобы немцы раскошелились на вторую бригаду. Это же деньги, причем немаленькие — съем квартиры, оплата «коммуналки» — воды, света, телефона, отопления, шпионское оборудование, зарплата филерам, страховки, транспорт...

Нет, немцы жмоты — лишние деньги выбрасывать на ветер не станут. Все, что они хотели узнать, они сто раз уже узнали, и теперь перебежчик им без особой надобности. Удивительно, что они вообще сюда хоть кого-то послали!

Но теперь они не страшны: предупрежден — значит спасен. Под их объективы он теперь уж точно не подставится! Не дождутся!.. Хорошо, что он сразу на рожон не полез — а полез на чердак пятиэтажки! А ведь был соблазн, был — прийти, с ходу прорваться к «объекту» сделать дело и по-быстрому смотаться в аэропорт...

Вот бы и сунулся! И попал... И пропал!..

Ну зато теперь все ясно. Правда, остались еще окна... С задернутыми шторами. Где, скорее всего, хозяева просто в отъезде. Потому что во всяком доме минимум две-три квартиры всегда пустые. Это уж закон!

Но... все равно надо смотреть, для очистки совести. На всякий пожарный случай. Потому как случай в их жизни штука не случайная, а закономерная!

Надо смотреть! В оба!.. Еще хотя бы сутки.

А уж после!..

Теперь-то он спокоен. Теперь-то ему все ясно. С ними! Со всеми!..

Глава 21

Тихо и темно.

Света нет. Телевизор не работает. Радиоприемник тоже. Лишь еле слышно урчит холодильник с вывернутой внутри лампочкой. Так что если его открыть — никакого света не будет и продукты придется искать на ощупь.

Поодаль стоит стол. На столе журнал. В журнале какие-то записи...

Число, время, против них проставлены росписи.

И еще журнал... Наверде бортового. С записями иного характера.

«16 часов 37 минут...

Визуальный контакт с Пришельцем. Пришелец прибыл на микроавтобусе, номерной знак... Был одет в форму работника немецких горэлектросетей (синий комбинезон на лямках, с соответствующими эмблемами). Находился возле объекта двадцать семь минут, сменив уличный фонарь на новый, после чего убыл...»

Ссылка на номер видеозаписи.

Роспись.

Все...

Глава 22

Фотографии.

Одна...

Другая...

Третья...

Тридцать третья...

На фото люди — почти всегда мужчины средних лет.

Мужчина с зонтом...

Мужчина в джинсовом костюме...

Мужчина, выбирающийся из припаркованной машины...

Мужчина на велосипеде...

Мужчина в форме почтальона...

Электрика...

Мужчина в форме электрика карабкается по приставной лестнице на стену, держа в руке фонарь. Чего-то там ковыряется. Спускается...

— Кто это?

— По всей видимости, электрик.

— Я вижу, что электрик. Что он там делал?

— Сменил сломанный фонарь...

Но это было далеко от дома «объекта».

— Как далеко?

— За два квартала.

Это действительно далеко, но тем не менее...

— Вы справились относительно вызова в городских электросетях?

— Нет. Мы посчитали это излишним...

Человек вновь перебрал все фотографии, несколько отложив в сторонку.

— Больше всего меня интересуют вот эти люди. Сконцентрируйте на них свое внимание. И в первую очередь на этом вот электрике...

«Электрик» на фото приставлял к стене свою лестницу. А когда приставлял — чуть обернулся через плечо. Отчего лицо его угодило в объектив камеры.

Никакое лицо — зацепиться взгляду не за что. Скорее всего точно — электрик...

Но проведенная проверка быстро установила, что: никаких сигналов относительно ремонта фонаря в диспетчерском журнале городских электросетей зафиксировано не было, хаусмастер, отвечающий за обслуживание дома, ничего такого не замечал, а жильцы на отсутствие света во дворе не жаловались, отчего никто по указанному адресу для осуществления ремонта не выезжал.

Тем не менее электрик приезжал и фонарь сменил!

Хм...

Что касается микроавтобуса, то скоро стало известно, что он на место несуществующей аварии не посылался, а был угнан неизвестными злоумышленниками, которые спустя час бросили его

на автомобильной стоянке перед супермаркетом. При этом криминалисты утверждали, что все ручки, поверхность руля, рукоять переключателя скоростей и приборная доска были кем-то тщательно вытерты.

Но и это было еще не все.

Службы, отвечавшие за техобеспечение операции, сформировали, что ими обнаружено присутствие в эфире сигналов неизвестных радиопередающих устройств, исходящих из квартиры «объекта» и работающих на следующих частотах... И испрашивали разрешение на досмотр жилища с целью обнаружения закладок, «жучков» и иных средств аудио— и визуального контроля.

Но разрешения не получили.

— Не надо ничего искать. Пусть все идет, как идет. Если мы начнем демонтировать микрофоны, «гость» все поймет и скроется, чего допустить никак нельзя. Поэтому ничего не предпринимайте! Решительно — ничего! Пусть все идет, как должно идти!

И обязательно предупредите нашего друга, чтобы он не высывался и не болтал лишнего. И вообще вел себя адекватно...

И после секундного размышления добавил:

— Дайте заявку на проведение боевой операции.

Предупредите полицию и местные власти...

И готовьте группу захвата.

Мне кажется, она очень скоро понадобится...

Глава 23

Объяснение было бурным.

Но при всем при том никто из собеседников не проронил ни единого слова! Потому что слово — не воробей, вылетит — и поминай как звали...

Пришедшее по электронной почте письмо было предельно вежливым.

«Guten Tag, Herr Baumgartman!» — прочитал половник Городец.

Если Herr Baumgartman, то, значит, ему. Он теперь тот самый, язык сломаешь, хер!

Ну и что они ему на этот раз пишут?

Немецкий полковник Городец знал так себе, понимать — понимал и даже с грехом пополам мог объясниться на околобытовые темы, а вот переводил с трудом. Всю свою жизнь — в школе, а после в военном училище и на спецкурсах — углубленно он изучал французский, отчего в прошлом своем ведомстве отвечал все больше за франкоговорящих врагов России. А вышло вон как — жить пришлось в Германии...

«...Искренне надеемся на ваше хорошее здоровье и хотим облегчить вашу жизнь»... — перевел он. Очень примерно.

Хотя в их заверения он не поверил — кабы искренне хотели облегчить, то написали бы не по-немецки, а по-русски! Но боши иных языков, даже международного английского, признавать не желают, рассылая все свои депеши исключительно на родном, на немецком!

Ну и зачем он им на этот раз понадобился?

«Дорогой друг...»

Ага, дорогой — держи карман шире! Не такой уж дорогой, если судить по выплачиваемому ему ежемесячному пособию. Если судить по нему, то от силы — шапочный знакомый...

«Хотим предупредить вас, что к вам прибыл гость»...

Что?.. Гость?..

Полковник перечел последнюю строку. И посуровел.

Да, верно, — гость! Вот почему они сообщаются с ним посредством электронной почты, вместо того чтобы позвонить, — опасаются прослушки! Неужели все так серьезно?

Что там еще?..

«Хотим заверить вас, что нами делается все необходимое для обеспечения вашей безопасности и покоя!..»

Полковник Городец со злостью хлопнул кулаком по столу. Так, что монитор подскочил.

Заверяют!.. Вот ведь идиоты непроходимые... как запор!.. Нет чтобы предупредить предметно, сообщить, откуда исходит угроза! Так нет, они его успокаивают, будто он дите малое, неразумное! Втемную с ним играют, в кошки-мышки!

Рассвирепевший полковник придвинул к себе клавиатуру и, с трудом находя на ней немецкие буквы, стал набивать текст:

«Guten Tag»!..

Я очень рад, что германские власти столь трепетно относятся к моему здоровью и озабочены моей безопасностью, но тем не менее я желал бы знать чуть больше, чем мне соизволили сообщить, так как, хочу напомнить, эта информация касается непосредственно меня и моей жизни и передоверять столь важное, на мой взгляд, дело кому-нибудь другому мне бы не хотелось!..

Примерно так хотел ответить полковник Городец. На что его запаса немецких слов не хватило. Эх... ему бы по-русски да с прибавкой крепких выражений, на которые столь богат родной язык! Тогда бы он им объяснил, тогда бы растолковал, что почем и кто такой есть полковник Городец!

...Пригласили, блин, на рыбалку червяка!.. Нацепили на крючок, подобно живцу, бросили в мутную воду и заставляют трепыхаться, даже не сообщая, на кого устроили рыбалку! Тоже, в бога душу мать, — партнерство называется: одни на берегу за удочку держатся, другие в реке бултыхаются, рискуя в любое мгновение на чужой зубок попасть!

Счас он им, паразитам, отпишет!..

Но написал Herr Baumgartman коротко и сдержанно. Наверное, из-за неумения строить сложные фразеологизмы на плохо знакомом ему языке.

Поблагодарил своих немецких друзей за проявленную заботу и попросил дать дополнительную информацию, дабы он мог быть им более полезен.

Написал и отправил...

Но долго сидеть в бездействии не смог. Чувал он, что немцы не солгали, что враг где-то рядом, притаился, а он, как последний лох, ничего не может сделать! Совсем ничего!

Ну не умел полковник Городец ждать у моря погоды, потому что по натуре и всем занимаемым должностям был командиром, привыкшим командовать и брать ответственность на себя! Даже на самых первых ступенях военной карьеры, когда командиром разведгруппы в тыл условного противника в рейды ходил — и тогда он облечен был правом принятия решений, которым все безоговорочно подчинялись. Потому что иначе в разведке нельзя! Это лапотная пехота может позволить себе гнить в окопах, ожидая приказа вышестоящего начальника, а разведчик от начальства за тридевять земель, а то и вовсе под землей в глубоком схроне или под водой, по самые уши в болоте, — как ему тот приказ передать? Вот и выходит, что он сам себе голова и вышестоящий командир. Такие его права! Но и спрос с него немалый — по самому высшему пределу: ошибешься, дашь маху — не свои, так противник к стенке прислонит!

А эти его заверяют!.. Хоть сами, может быть, порох не нюхали, а все больше чернила!..

Эх... ему бы теперь в драку, пусть в последнюю, лишь бы не сидеть вот так, истуканом, от которого ни черта не зависит!..

Потомился полковник, да не выдержал — вскочил, забегал по квартире, километры нарежая, а после, в нарушение данных ему инструкций, подошел к окну, притиснулся и сбоку на самую малость отодвинул в сторону жалюзи. Глянул на улицу.

Ну и где он там, черт, притаился?

В той пятиэтажке?

Или в этой?

Или где-нибудь в автомобиле засел?

Или залег, бордюром прикинувшись, высматривает подходы, ищет лазейку в обороне, как на передовой. А ведь и найдет — наши ребята не чета Гансам, если прицепились, так просто не отстанут — пролезут, протиснутся, просочатся сквозь любые кордоны да явятся по его душу!

Насчет армий — кто посильнее будет — вопрос открытый, про то ответ только большая война дать может. За пехоту или танкистов он тоже зарекаться не станет, а вот разведка наша кому угодно сто очков вперед даст! Их «зеленые береты» против наших хлипче будут — день-другой в засаде поторчат и скисают, требуют себе свежей смены белья, горячего кофе, фрау с мамзелями под бочок и страховок с надбавками за антисанитарные условия. А наши в дерьме по самую маковку, не жрамши, не спамши, с одной флягой спирта на троих неделю вылежать могут, не шелохнувшись, собственной слюной питаюсь. А после, как встанут, никому мало не покажется!

Если такой сюда пришел, свой пришел, то держись!

А другой и не мог: со своими — свои счета сводят, дабы искупить вину и смыть пятно с мундира.

Его — смыть!

Не исключено, что это будет кто-то из его бывших однокашников или сослуживцев, или приятель, с которым они вместе на задания ходили, или лучший друг. Вполне вероятно, что — друг... Не потому, что он более виноват, чем остальные, что не разглядел подле себя перебежчика, а потому, что лучший друг знает его лучше других и, значит, сможет прогнозировать его реакции. Ему и карты в руки!..

Кто же это будет?

Может, Игорь...

Или Федор...

Или сосед по лестничной клетке и друг семьи Сашок...

Почему бы и нет — вполне вероятно... Когда он ушел, с них наверняка стружку от загривков до самой задницы спустили, так что на добрую встречу однополчан рассчитывать не приходится.

Что плохо!

Но и хорошо. Тем, что их действия он может предугадать, — чай, в одних академиях учились, в разведку вместе ходили, понимали друг друга даже не с полуслова, а с полувзгляда... И тут уж не до дружбы. Тут уж — кто кого!

И где он теперь может быть?..

Глядит бывший полковник российской армии, бывший гражданин России Городец в окошко на милые немецкие пейзажи — на ухоженные газончики с вазончиками, на ровнехонько припаркованные машины, на аккуратно до тошноты подстриженные кустики, накрытые черепицей крыши и видит вовсе не их, а видит поле боя с минными полями, растяжками, проволочными заграждениями, секретами, засадами, настороженными на чужака световыми ракетами и сигнальными приборами. Ищет, пытается угадать, где, в какой ложбинке, за каким кустом затаился противник. Откуда тот глядит на него!..

Откуда?..

Может, с той вон крыши?

Или из того канализационного колодца?..

Чего же немцы ждут, отчего не прочесывают местность?.. Им бы сюда собак — их, немецких, натасканных на людей овчарок, да пройтись с ними по округе! Или население опросить! Или по точкам, откуда только его окна видны, мелкой гребенкой облавы пройтись... А они!..

Эх!..

И снова — э-эх!..

Развязали бы они ему руки, дали пару ребят посмышленей в подчинение да выпустили на оперативный простор — он бы вмиг это дело расщелкал! Так нет — не дают, и даже оружия не

дают, ничего не дают — приманкой держат!..

Э-э-э-эх-х!!

Вновь хлопнул полковник кулаком по стене. Своим, пудовым, по их немецкой хлипкой стене, так что стекла оконные зазвенели и штукатурка посыпалась!..

И чего он так разнервничался?.. Уж не оттого ли, что пропустил приход врага, что ничего не заметил да и не поверил сперва, что понадобилась кому-то его никчемная, гроша ломаного не стоящая жизнь?

Он — не поверил, а немцы — поверили!

И не пропустили!..

Может — так!

Вот и психует полковник, крушит немецкие стены, что давят его с четырех сторон, будто тюремные своды. Только стены-то здесь при чем — разве стены в чем-нибудь виноваты?..

А кто виноват?

И что делать?..

С тем, кто виноват!..

Глава 24

И чего это он там так чем-то по чему-то колотит?

По стене?.. Уж не головой ли?..

А раньше по клавиатуре...

Что это он там так отчаянно стучал? И кому? А после топтался по квартире, будто слон по посудной лавке?

Странно все это!.. Непонятно!..

А на экране ноутбука хоть бы какое шевеление! Так нет ничего — молчат зашторенные квартиры, будто там все вымерли!

Значит, все, можно снимать их с наблюдения?

Если следовать логике, то — да. Никто в них не заходит, никто не выходит, бликов света, сквозняков, иных косвенных признаков, свидетельствующих о присутствии за закрытыми окнами людей, — нет.

Пусто там!

Но, кроме логики, есть еще интуиция, которой что-то не нравится. Вот эти немецкие, которые будто из альбома, картинки — домики, деревца. Этот немецкий покой. Который как... кладбищенский.

Конечно, на интуицию можно было бы и плюнуть, коли все против нее! Что это за зверь такой — интуиция. Логика — она объективна, она основывается на вполне материальных чувствах, на: увидеть, услышать, пощупать, понюхать, на попробовать на зубок... А что такое интуиция? Где она в организме хоронится, что ее обычно не слышать, чем окружающий мир воспринимает?

Бойцы говорят, что — задницей. Так и говорят:

— Задницей чую!

И обычно не ошибаются.

Как же это понять-то — отчего столь тонкое чувство располагается в столь неблагоприятном месте? Что ему — иного, более подходящего в целом организме уголка не нашлось, что оно под хвост забилося?

Но ведь верно — чует это самое место, ох, чует! Больше, чем глаза, уши и нос, вместе взятые. Чует... на саму себя приключение!

И теперь — чует! Верно, оттого, что оно не железное!..

Хотя — все против!

«Объект» ведет себя тихо, никуда не звонит, и никто ему не звонит, оружием не бряцает, зубами не скрипит. Ведет себя вполне адекватно.

Впрочем, он бывший полковник ГРУ, эти держать себя в рамках умеют — приучены. Так что не исключено, это игра.

Что дальше?

Дальше — охрана. Которой могло не быть, но которая есть и которая денно и ночью бдит, отсматривая подступы к жилищу предателя.

Охрана как охрана — пара сменяющихся через сутки филеров, что сидят, не высовываясь и ничем себя не выдавая.

Наши бы там, на родине, тащили службу по-другому — наши бы сидели в квартире, не выходя неделями, куря и не кашляя, отсыпаясь тут же наброшенном на пол матрасике, сливая унитаз из ведра, чтобы тот не шумел, и вместо полноценного мытья обтираясь опять-таки мокрыми полотенцами, дабы их нельзя было просчитать по шуму льющейся воды. Засели бы и — умерли.

Немцы так не могут — профсоюзы не позволяют. Видно, напрягать зрение свыше десяти часов и не принимать горячую пищу и душ реже чем раз в сутки им их правилами запрещено. Вот они и шныряют туда-сюда с завидным постоянством, словно сверяясь по часам! Их он всех давно изучил как облупленных во всех видах — с наклепленными на рожи бородами и без оных, с усами и бритыми подбородками, с очками и без. Все они сидят у него в компьютере. От них он сюрпризов не ждет!..

Так в чем же дело...

В интуиции? Которая в...

И хоть она в... не прислушиваться к ней он не может! Так их учили...

Филер с пятидесятилетним стажем учил, который еще за фашистскими атташе и прочими дипперсонами хвостом ходил, на пятки им наступая.

И хоть честно показывал им, как нужно ходить, как смотреть, как праздного прохожего изображать, как встать лучше, чтобы в глаза не бросаться, хоть в двух шагах от «объекта» торчишь, а и тот говорил:

— Что глаза — глазами всего не увидишь! Нутром глядеть нужно. Как засвербит в груди — так, значит, чего-то не то.

Да в подтверждение рассказывал, как через десять лет после операции одной, в которой шпиона по-глупому упустил, сам же его словил! Поехал на курорт в Анапу, бродил себе в панаме по пляжу, на дам глазел, винцо попивал, шашлык кусал, и вдруг будто проколол его кто шампуром от шашлыка, им только что съеденного!

Чует — что-то не то!.. Солнце, пляж, море, девки в купальниках, он сам в трусах — мирная курортная жизнь, а все равно что-то не то!

Что?.. Рехнулся он, что ли?

Плюнул на все свои сбережения, пошел купил другой шашлык и стал его жрать и по пляжу гулять. А как дошел до того самого места вновь, его к нему будто пригвоздило. Просто аномалия какая-то!

Тут уж он перестал сам с собой бороться, а стал смотреть. По сторонам. Да не на девок, а на всех подряд. Да не в упор, а исподволь, как на работе, в теньке под грибок забравшись.

Смотрит да каждое лицо на детали разбирает — на уши, на глаза, на подбородок, на овал лица... будто словесный портрет составляет!

И ведь точно — показалась ему одна курортная физиономия знакомой! Знал он того типа, хоть и в ином обличье — в обличье советника по культуре посольства Великобритании. А здесь он, будто русский, резвился, в семейных до колена трусах!

Подполз ближе, стал с какой-то дамой флирт разводить, да с одной лишь целью, к объекту поближе подсесть. Compliments раздает, винцом ее поит, а сам ушки на макушке — слушает. И слышит, что англичанин тот по-русски шпарит и откликается на имя Иван. Ванька то есть. Хоть самого его зовут сэра Беджамин или что-то в этом роде.

А чего бы ему русака изображать, коли он коренной англичанин с родословной, как у породистой суки? Неспроста это!

Послушал он, сопровождал его до частного сектора, где тот комнату на пару с каким-то инженером снимал, да сам в местное отделение КГБ побег.

Так и так — сказал — на пляже вашем городском матерого шпиона выявил, коего две пятилетки назад самым бездарным образом упустил, за что на меня было наложено справедливое взыскание. А теперь вот — узнал. И что интересно — англичанин тот, гад, под русского рядится!

А кабы не так, кабы он себя выдавал за того, кем был, — я бы к вам не пришел!

Посмеялись местные кагэбисты, но все же послали по названному адресу милиционеров, коли

сигнал был. Те документики у жильцов проверили — все чин чинарем, паспорта, прописки, штампы жен и детей.

Козырнули, извинились.

Да послали бдительного гражданина куда подальше. Очень далеко!.. Да посоветовали ему поменьше на солнце загорать, а побольше холодного пива пить и мороженого жрать, что помогает от перегрева.

Потому что ничем он историю свою подтвердить не мог, так как был на тот момент в отпуске и удостоверение в плавках не носил.

Да только он не успокоился, а пошел на междугородную станцию и звякнул своему начальству. Те, зная его, послали на место проверенных товарищей, которые взяли того курортника на пляже за одно место. Потому что за шиворот по причине его голого вида — не могли. Взяли да все это дело по-быстрому размотали. Верно — шпионом он оказался, соблазняя на пляже под видом Вани одного ответработника, допущенного к оборонным секретам страны.

Товарищей из местного КГБ за отсутствие надлежащей бдительности и разгильдяйство при исполнении погнали из органов взашей, определив спасателями на местную станцию ОСВОДа. А бдительному филеру вынесли благодарность за выявление особо опасного иностранного шпиона, премию выписали и отпуск по новой дали, посчитав все то, что он до того отгулял, командировкой!

Во как!..

— Так то что — телепатия, что ли? — удивлялись курсанты.

— Кой хрен вам на рыло телепатия — глаза это, вот эти самые. Два. И память. Это я на раздетых баб пялился, а глаза не только их, а все видели. И того субчика тоже. Увидели, срисовали да рожу его вот сюда — стучал он себя в лоб пальцем — отправили. А тут уж память сработала, хоть я ее о том не просил! Потому как мы все, что в своей жизни видели, помним, хоть и не помним!

Я-то шашлык лопал, а голова моя работала, то замечая, что я не желал!

Глядеть надо да замечать. Больше того, чем вы видите! Мы ведь лишь на что нам интересно обращаем внимание: молодые пацаны — на девку с ногами от ушей, девки — на хлопцев гарных, старики — на скамейку, куда можно присесть, прежде чем упасть, «зайцы» — на контролеров, а у кого живот прихватило — те все больше сортиры замечают. Спроси пацана, сколь ребят симпатичных мимо него за час прошло — ни в жизнь не ответит! А про девок спроси?.. Или про скамейки? Скамейки он не то что не сосчитал, а даже ни одной не заметил. Как старики — длинноногих девиц! И туалетов, коли у него поноса не случилось. А походит тот парубок за дивчинами полдня, да приспичит ему, хоть узлом завязывайся, тут уж он ни один сортир или на худой случай кустики мимо не пропустит! И тех девах с их ногами, что прежде ни одной не пропустил, замечать враз перестанет до того, как сможет оправиться! А только одни будки с буквами «М» и «Ж».

Вот вам и вся интуиция!..

Так что, если исходить из этого, то... что-то он видит такое, что... в упор не видит! Не замечает!

Что?

А дьявол его знает! А только что-то ему здесь не нравится. Не нравится — и все тут! Что-то он... тем самым местом чувствует. Которое, несмотря на не самое свое удачное местоположение, чаще всего не ошибается!..

Как же его проверить? Вернее, себя?

Еще смотреть?

Можно и смотреть... Конечно — смотреть! Но только смотреть — маловато будет. Тут бы не только глазами, но и ножками потрудиться. И ручками... Чтобы пощупать... И убедиться... Чтобы выманить из щелей тех, кого глазами не видать. Если, конечно, они есть!

А коли нет — так и суда нет!..

Еще сутки он лежал в своем убежище, отслеживая крыши, чердаки и «слепые» окна.

Ни-че-го!..

Видно, и впрямь ничего так не углядеть. Видно, надо выбираться из своего логова, чтобы сомнения свои проверить...

Надо?

Надо-бы!.. Аккуратненько, что называется — на цыпочках...

Поздней ночью из горы старых вещей, сложенных в клетушке на чердаке жилого дома, выбрался человек. Выбрался, с трудом разогнулся, расправил затекшие от долгого лежания и однообразия позы мышцы и, выждав, когда в подъезде будет тихо, спустился вниз, выйдя на улицу...

Ножками...

Глава 25

Идет!..

Пятый — Первому.

Ну то есть Фюнф — Айну.

— Вижу человека. Двигается в направлении объекта.

И не было бы в том ничего особенного, кабы шел он днем. А он шел — ночью. Глубокой! В одиннадцать часов двадцать пять минут! Когда все добропорядочные, которым в четыре утра на работу вставать, немцы спят без задних ног.

А этот — не спит! Этот — идет! По пустынным улицам! Один!.. И к тому же!..

— Внимание!.. Он несет какую-то коробку. Довольно объемную, картонную, перевязанную лентой!

— Понял про коробку!

Сообщи Восьмому. На всякий случай.

— Хорошо... Гут...

Пятый — Восьмому. Тому, который — Ахт!

— Готовность нулевая!..

— Понял тебя, Фюнф, — нулевая!..

— Обратите внимание на коробку в его руках. Повторяю — на коробку. Все внимание — на коробку! Возможно, это бомба.

— Понял...

Указательным пальцем Ахт отбросил от лица болтающийся на гибкой ножке микрофон. Громко сказал:

— Нулевая готовность.

А все и так были готовы. Всегда...

— Gut.

В смысле — без проблем.

— У него там коробка, — дал командир вводную. — Не исключено, что с бомбой. Все внимание — на нее! Нельзя, чтобы он выпустил ее из рук!

На случай, если его палец вдет в петлю шнура, идущего к взрывателю.

— Яволь!..

Десяток крепких немецких мужичков восьмой час «парились» в служебном автобусе — кто дремал, тихо похрапывая, кто гонял «стрелялку» на раскрытом на коленях ноутбуке, кто лениво листал «Плейбой», разглядывая крупнотелых и полногрудых немецких фрау, кто смотрел видюшник...

Потому что в автобусе был телевизор и CD-проигрыватель. И еще комфортабельный санузел, тесный, но исправно функционирующий душ с горячей и холодной водой, кондишен, холодильник, забитый прохладительными напитками, безалкогольным пивом и закусками, газовая плита с набором кастрюлек и сковородок «Цептер». И были сиденья, которые, если откинуть спинки, трансформировались в удобные лежанки с мягкими подголовниками... Такой вот оборудованный получше, чем иной трехзвездочный отель, автобус.

Этот.

Или другой, закамуфлированный под LKV-рефрижератор, где вместо холодильного оборудования и мороженых туш тот же самый набор удобств в виде туалета, душа и кухни.

А как иначе — когда их пассажирам частенько приходится, на белый свет носа не показывая, сутками в них высиживать. Так что без трехзвездочного уюта здесь никак не обойтись!

Вот и сидят и «пухнут» немецкие мужички, посасывая казенное пиво и закусывая казенными сосисками. Все как на подбор с квадратными подбородками и римскими носами, все — «белокурые бестии», с нордичеким характером, потому что турков и разных прочих выходцев

из... сюда стараются не допускать.

Все в одинаковой униформе — в черных с серыми разводами комбезах, кевларовых, третьей степени защиты, о каких их русские коллеги лишь вздохнуть могут, «брониках», в касках с пуленепробиваемыми пластиковыми забралами, разгрузках с дюжиной кармашков, забитых бесшумными пистолетами, запасными обоймами, ножами, радиостанциями, дымовыми шашками, электрошокерами, светшумовыми и слезоточивыми гранатами, перевязочными пакетами... Кое у кого — винтовки с оптическим прицелом, боевые арбалеты, полицейские дробовики с полным набором резиновых, шумовых, дробовых, нервно-паралитических и иных патронов.

Зовут тех крепких мужичков — группой быстрого реагирования (или развертывания — это уж кто как переведет), по внутренним документам немецкой контрразведывательной службы они проходят как спецподразделение ZET-7, хотя меж собой бойцы называют себя «рексами»!

Потому что злые.

Кусучие.

Натасканные на людей.

С хорошим нюхом на врагов.

Способные в мгновение ока, лишь только слышат команду «фас», скрутить или разорвать в клочки — это уж как прикажут — любого!

Но пока команды «фас» не прозвучало.

Но уже прозвучала команда «ноль». Или, если на сленге, — «дырка». Та самая, что предваряет команду «фас»!

Нулевая готовность...

Значит, надо проснуться, сходить в ватерклозет размять, разогреть мышцы, проверить амуницию и оружие и быть готовым.

К чему?..

К бою.

Сегодня, хоть никто им про то не сказал, все знали, что будут ловить русского диверсанта. Который бесчинствует в их фатерлянде. За что ответит. Сполна.

Сидящий на переднем сиденье командир бегло оглядел своих бойцов и остался ими доволен. Уже никто не спал, не зевал, не потягивался — все были тихи и сосредоточенны.

Как войска вермахта, вышедшие на рубежи чужих границ...

Готовность — «ноль»!..

Глава 26

По улице шел прохожий.

Среднего роста.

Среднего возраста.

Средней комплекции.

С невыразительным, без особых примет лицом. Не красавец и не урод — никакой. В небросающейся в глаза одежде.

С большой картонной, перевязанной цветной ленточкой коробкой.

Шел себе и шел...

Но где-то зашипела радиостанция.

— Цвай вызывает Драй.

— Слышу тебя, Цвай.

— Гость на подходе.

— Понял тебя, Цвай!

— Драй вызывает Ахт.

— Ахт на связи.

— Нулевая готовность! Повторяю — нулевая готовность! работать по моей команде. Оружие применять в крайнем случае. «Объект» по возможности брать живым. Но главное — бомба!..

— Да ясно, ясно — не в первый же раз!..

Прохожий подошел к подъезду, оглянулся, будто бы любясь окрестными фонарями, вытащил из кармана ключ и открыл им дверь.

Тут же в подъезде вспыхнул свет, который будет гореть, пока он не зайдет в квартиру, а потом сам собой потухнет. Экономные все-таки ребята немцы — во всем!

Дверь бесшумно закрылась.

Человек стал не спеша подниматься по лестнице.

И все было тихо и спокойно. Было — безмятежно.

Пока...

Глава 27

Скоро все будет ясно... Вот он — момент истины, когда все тайное становится явным! Теперь они непременно повывезут из своих щелей, как тараканы, идущие ночью на водопой. Или не повывезут... Что тоже хорошо. Что еще лучше!

Шаг.

Другой.

Третий...

На подходах они брать его не станут — не дураки, — дадут подняться на этаж, возможно, войти в квартиру. Может быть, даже продемонстрировать свои намерения. Им ведь, кроме него самого, нужны доказательства его преступных деяний. Все у них тут по закону — не взял с полочным, не убедил судей, что перед ними бандит и извращенец, значит — приноси извинения и отпущай на все четыре стороны.

А раз так, то они постараются довести все до последней грани.

Первый этаж.

Второй...

Интересно, где они схоронились, — если есть. Соседи «объекта» — тихие на вид бюргеры. Справа — старичок божий одуванчик, в котором еле душа держится, слева — пожилая чета. Может, они в его квартире попрятались?..

Или все же нет никого?

Третий...

Надо бы чуть побыстрее идти.

Четвертый этаж...

Дверь.

Звонок.

Указательный палец вдавил кнопку.

За дверью тренькнуло... Еще раз.

Тишина.

Что они там все — вымерли?

Послышались глухие шаги.

Нет, идут...

Дверь приоткрылась.

Человек сделал шаг вперед и, вытянув вперед руку с коробкой, сунул ее в дверь.

И в тот же миг все пришло в движение!..

Двери соседних квартир одновременно распахнулись, и из них выскочили бравые ребята в пиджачках, с поддетыми под них бронжилетами. Выскочили и в мгновение ока оказались перед нежданным «гостем», цепко ухватив его за руки. А один обжал его удерживающие коробку пальцы своей рукой и что было сил сжал, не давая возможности разжать их.

В коробке что-то плюхнуло и перекаатилось.

А снизу, с улицы, топоча подошвами ботинок по ступеням, уж бежали мужички, высыпавшиеся из автобуса. В руках у них были резиновые дубинки, на боках болтались короткие пистолеты-пулеметы.

Быстреей...

Быстреей!..

Лестничная площадка мгновенно заполнилась людьми так, что повернуться негде было. «Гость» стоял, распластаный и размазанный по стене, испуганно оглядываясь по сторонам. Его песенка была спета!..

Но тут из-за спин бойцов спецподразделения и из-за того, в халате, мужчины, что открыл дверь, вылез Herr Baumgartman.

Бывший в прошлом полковником Городцом.

— А ну пустите меня! — орал он почему-то по-русски. — Пустите к этой падле, я с ней по своему потолкую!

Его, конечно, не пускали, оттирая назад, отчего полковник все больше ярился.

— Ну вы чего? Ну дайте мне на него хотя бы взглянуть!

— Nain... nain! — вежливо объясняли Herr Baumgartman. Но он лез на рожон, силясь прорваться к своему, с которым, возможно, был знаком, обидчику.

Не знал полковник немецких порядков. Вернее, недооценил их.

— Halt! — рявкнули на него. И еще раз: — Halt!

И кто-то из «рексов», дабы призвать его к порядку ткнул полковника резиновой дубинкой в живот.

Отчего полковник охнул.

И обиделся.

— Ты кого, падла?.. Ты кому хальт?!

И оттолкнул обидчика.

Чуть не рассчитав сил. Отчего тот ткнулся каской в стену. Что можно было квалифицировать уже как открытую, направленную на представителя органов правопорядка при исполнении им службы агрессию. И поступить в соответствии с параграфом семь дробь пять служебной инструкции. Потому что в Германии все регламентируется инструкциями, параграфами и подпараграфами, даже то, что в голову не придет!

Согласно параграфу семь дробь пять к нарушителю можно было применить силу. Отчего его тут же приперли к стене, ткнув в поясницу дубинку. «Рексам» было все равно, кого арестовывать и сколько — одного или двух. Хоть трех. Сегодня их натравили на русаков, а этот, кажется, тоже был русаком. Допустившим жест агрессии.

Полковника припечатали к стене, расплющив по ней, как амебу, наддали коленом под зад,

нажали на спину и стали обстукивать карманы.

— Да вы что, козлы, я же свой! — возмущался Herr Baumgartman. — Вы ж меня защищать должны, падлы нерусские, а вы мордовать?!.

За что тут же вновь получил дубинкой по темечку, да пребольно. От чего — в смысле от удара, — кровь прилила ему в голову. А тут еще прозвучал памятный всякому русскому по отечественной истории и патриотическим фильмам окрик:

— Hende hoch!

Чего уж стерпеть было вовсе невозможно!

— Чего? Кому ты — хенде? Мне — хох?

А ха-ха на твой хенде — не хо-хо?

И уже не разбирая, где свои, где чужие и кто свой, кто чужой в его-то эмигрантском положении, полковник Городец вырвался и стал крушить всех подряд, колотя кулаками по забралам шлемов и по кевларовым «броникам», и стал валить бойцов спецподразделения друг на дружку, как косточки домино. А когда отбил о пуленепробиваемые забрала костяшки пальцев и получил еще пару раз по роже дубинкой, стал расчетливо пинать фрицев под бронежилеты, норовя угодить по их нордическим достоинствам.

И очень удачно попадал!

— На, падла, — получай, гнида!

И ты!..

И тебе!..

Он расшвыривал «рексов», как щенят, потому что они не привыкли к столь отчаянному сопротивлению, чаще имея дело с запуганными до икоты эмигрантами и законопослушными, которые, едва их заприметив, ручки задирали, немцами. А тут напоролись на боевого, владеющего всеми возможными приемами рукопашного боя офицера, которого неудачно, потому что не до смерти, огрели дубинкой по его непутевой голове.

— Что, гансы, войну забыли? Кто в Берлин вошел, забыли? А кто в Москву хотел — хрен им в рыло! — орал во всю глотку Herr Baumgartman. — Жукова забыли!

Бой разворачивался в узком пространстве лестничной клетки, что давало выгоды для нападающей стороны, сводя на нет преимущество обороняющейся. Потому что напал Herr Baumgartman. На подразделение ZET-7.

— Млеко вам — да?.. Яйки вам? Да? А не Гитлер, блин, капут? Ваш!..

А если не яйки — а по ним, по самым! А?!. Не нравится?

Забыли русского солдата? Забыли Сталинград!.. Наш!..

Тогда — получай!

И ты!

И тебе!..

Я вам покажу, падлы, хенде хохи, мать вашу фрицевскую!..

Но все ж таки численный перевес был на стороне немцев. И техническое вооружение тоже.

Кто-то, исхитрившись, ткнул полковника в живот электрошокером, отчего того подбросило под потолок, другой, уже в падении, огрел дубинкой и пустил в лицо струю удушающего газа, отчего Herr Baumgartman обмяк и, хватая ртом воздух, свалился на пол.

Враг был повержен!

— Ruisch Swain! — сказал кто-то из «рексов», неся в горсти свои не уместившиеся под «броником» и потому разбитые части тела.

— Сам — швайн! — прохрипел полковник. — И папа твой — швайн, и мама — швайн!..

За что его огрели еще раз, хоть что он кричал, не поняли.

Огрели, чтобы утихомирить.

После чего в соответствии с требованием параграфа fünf стали составлять протокол, куда вносить причиненные спецподразделению ZET-7, а также подъезду убытки, дабы представить виновнику счет. Стали считать синяки, шишки и царапины на стенах, разбитые подъездные стекла, вазочки и потоптанные цветы, вырванные из горшочков.

Все как положено, как положено в Германии, где всегда, во всех случаях должна быть виновная сторона, на которую будут отнесены все издержки. А буде виновная сторона отдаст богу душу, то на его вторую половину, на его детей или внуков! И никуда они не денутся — и будут платить! Будут — как миленькие!

Но, уже начав было подсчет убытков, вдруг вспомнили о главном виновнике баталии, из-за которого вся эта заварушка случилась — о том «прохожем» с коробкой. Которого на поле боя не оказалось! Потому что он покинул его по-английски — не прощаясь. А тут еще случилась путаница.

— Где он?

— Кто?

— Русский! — орала, срывая голос, филеры.

— Вот он! — указывали «рексы» на русского «медведя», который помял им бока и попортил амуницию.

— Да вы что — это не он!

— Но он же русский! — справедливо возмущались «рексы». — И он оказал сопротивление!

— Да-да — русский, но это совсем другой русский, это тот русский, которого вы должны были защищать!

— А чего же он тогда нас бил? — недоуменно пожимали кевларовыми плечами немецкие бойцы.

— Так вы ж его по голове — дубинкой.

— Так он же первый начал!..

Наконец, кое-как разобравшись, кинулись в погоню. Сперва на улицу. Но, узнав, что из подъезда никто не выходил, бросились на чердак и на крышу.

— Вон он!

И верно!.. Беглец балансировал на самом краю крыши, намереваясь упасть вниз.

— Halt! — крикнули бойцы, карабкаясь по черепице. И снова: — Hende hoch!

Что беглец и сделал, четко выполнив команду, — поднял руки и заскользил вниз по крыше. Не упав лишь потому, что каким-то чудом зацепился за водосток.

К нему подскочили, схватили за руки, огрели по голове и втащили обратно на крышу.

Да, это был он — прохожий среднего возраста, роста и комплекции с незапоминающимся лицом! Тот, что вошел в подъезд с коробкой в руке.

— А где коробка? — крикнул кто-то.

— Какая?

— Та, что он нес в руках! С бомбой!

— Там, возле квартиры!

И крыша вмиг опустела.

И подъезд.

И двор.

И улица.

Жильцов всех квартир эвакуировали.

И соседних подъездов.

И соседних домов.

Как предписывает инструкция. Потому что если рванет и, не дай бог, кого-нибудь убьет или покалечит, то федеральному правительству придется платить им компенсации!

Все отхлынули...

В ходе операции наметилась пауза, которая могла закончиться не скоро. И... как угодно!..

Глава 28

Твою мать!.. Как же так могло выйти-то!..

В отчаянии подумал он. Так лопухнуться! Как самому распоследнему кретину! А все потому,

что самонадеянность! И еще — Германия! Дома бы он такой промашки ни за что не допустил!..

А здесь — допустил! Прошляпил!

Ведь подозревал. Ведь глядел. И... Все равно не углядел!..

Эти-то откуда взялись?! Как снег на голову! Этих он совершенно упустил из виду!..

Вон они, повывисывались!..

И — верно!.. Из окна той мертвой, без признаков жизни квартиры, чуть не выползая на подоконник, полезли объективы видеокамер! Сразу двух! Направленных на дом «объекта». Вернее, на двор, где, суетясь, разворачивалась боевая операция, бегали бойцы в бронежилетах и шлемах с забралами.

А он думал, он уверен был, что там пусто, что никого нет. В помине! Почти на все сто! Еще бы — там же штора ни разу не колыхнулась, лучика света не пробилось!.. Вот он и расслабился!.. И чуть не попал!.. Как кур в ощип!..

Н-да!..

Там, в невидимом отсюда дворе, разворачивалось шумное шоу — крутились синие мигалки, кто-то лез на крышу, «рексы» тащили в машину упирающегося русского диверсанта и тащили на носилках в карету «Скорой помощи» побитого Herr Baumgartman... А в видимом отсюда доме, в квартире с темными окнами и задернутыми жалюзи, проклюнулась жизнь! В первый раз за все это время! И единственный!..

Выходит, те наблюдатели были не одни? А и другие тоже! Вот эти самые молчуны!.. Выходит, не подвела интуиция?

Но как они сидели, как сидели!.. Как неживые! Не дыша!..

Лишь когда случился захват, они позволили себе чуть больше. Позволили себе на мгновение высунуться. Когда бойцы группы быстрого реагирования выводили из подъезда арестанта. Потому что таиться уже смысла не имело — ведь злоумышленник был выслежен и схвачен. Поэтому и позволили!

Что и требовалось доказать.

И на чем строился весь расчет!

На шум они должны были прореагировать — должны были полезть из тайных щелей. И полезли! Потому что не могли предполагать, что диверсанта, которого совместными усилиями органов немецкого правопорядка взяли, будет не он. И будет не там, а совсем в другом месте — удаленном на полкилометра. На своем НП. На чердаке. В клетушке. С сорокакратной подзорной трубой! В доме, из окон которого удобно было следить за домом «объекта». За его окнами, подъездом и двором. И так и оказалось — следили!

Они — за «объектом», а он — за ними!

В сексе это извращение называется — слежкой за вуайеристом, или наблюдением за наблюдателем. За тем, что подглядывает за актом в данном случае правосудия. А наблюдатель поглядывает за ним! За тем, как он наблюдает. Откуда наблюдает... Как...

И делает выводы...

Тут он рассчитал все очень верно!

Просто так их выманить было бы невозможно. Только на приманку, на какое-нибудь значимое событие например, на захват русского диверсанта! Который придет взрывать предателя своей Родины и заодно законопослушных немцев.

Вот он и пришел! С бомбой в коробке.

И уж тут они не утерпели, тут они, нарушая все правила приличий и заодно конспирации, полезли любопытствовать. Тем выдав себя. С головой.

Вот и вся немудреная хитрость.

Которая позволила установить истину.

Встреча состоялась, но на встречу с предателем пошли только ноги, а глаза остались на месте. И стали смотреть за теми, кто будет смотреть — как ловят ноги...

И углядели. И при этом остались целы.

А вот нога...

Глава 29

Нет, сирены еще не замолкли.

И кареты «Скорой помощи» не уехали.

И пожарные машины не убыли.

И репортеры не разошлись.

Потому что была еще коробка!

И в ней-то и было все дело!..

Когда прибыли саперы, все вокруг было оцеплено полицией и завешено флюоресцирующими лентами с предупреждающими — Achtung! — надписями! Но за них и так никто не пытался лезть. Немцам коли сказали не лезть — они не лезут...

Это только в России, когда случается нападение на Сбербанк и революция, куда прибывают войска с автоматами, улица вмиг заполняется зеваками, которым охота поглядеть, кто в кого будет стрелять и попадет ли. И тут уж ори не ори — ничего не поможет, зеваки будут стоять, обсуждая, кто сильнее, милиция или бандиты будут лезть на заборы, откуда лучше видно, и биться об заклад. А вездесущие детишки непременно просочатся сквозь пикеты и кордоны, встанут вокруг автоматчиков и, дергая их со всех сторон за камуфляж, станут канючить:

— Дядь, а дядь, а скажи, у тебя автомат всамделишный? А граната есть?

А дай поддержать!

А стрельни, дядь! Ну стрельни хоть разок!.. Или патрончик подари!

— Кыш, мелюзга! А ну — пошли отсюда! — станут огрызаться милиционеры, строя страшные рожи и отводя от детских рученок оружие. Вместо того чтобы направлять его на цель.

— Пошли отсюда, я сказал!

— Чего на пацанов орешь?! — обязательно выступит кто-нибудь из толпы. — Чего они тебе — мешают, что ли? Пусть стоят, коли охота.

И тут уж бойцам станет не до преступников, а до наседающей пацанвы и толпы, которая станет развлекаться, задирая их.

И ничего тут не поделать! Только если в нарушение закона дать пацаненкам пенделя или отвесить леща, а толпе расквасить пару рож — только тогда они и разойдутся.

Ну нет у русских уважения к параграфам.

У немцев — есть.

— Отойдите на десять шагов! — командует полицейский.

И все дружно шагают назад. Ровнехонько на десять шагов. И глядят оттуда на саперов, что вылезли из своего грузовика. Вид у которых самый боевой.

Саперы облачились в особые, способные выдержать взрыв бронекостюмы, взяли в руки специальные, не пробиваемые осколками щиты и никуда не пошли, пустив впереди себя телеуправляемого робота.

Робот вскарабкался по лестнице, подполз к коробке и вытянув щуп, осмотрел-«обнюхал» ее со всех сторон.

Коробка как коробка. С ленточкой...

Присутствия взрывчатых веществ в ней робот не обнаружил, но все равно было принято решение расстрелять коробку с помощью водометной пушки.

Ударившая с огромной силой в «бомбу» струя разметала оболочку коробки и ее содержимое в мелкие клочки и в разные стороны, нанеся подъезду непоправимый, который даже не понять, с кого взыскать, урон.

В коробке был — торт.

Всего лишь торт.

Просто торт.

Кремовый. С розочками.

И не было никакой бомбы.

Или хоть пистолета.

Ну хотя бы отравленного кинжала!

Ничего такого — только торт. Наверное, очень вкусный.

— Где бомба? — рывкнули на диверсанта контрразведчики, беря его, пока он не пришел в себя, в оборот. — Куда ты дел бомбу?

— Какую бомбу? Я не знаю ни о какой бомбе! Меня попросили занести торт.

— Торт?!.

— Ну да — торт.

— Кто попросил?

— Я не знаю. Я первый раз в жизни его видел! Честное слово!

Контрразведчики переглянулись. Как же они так лопухнулись-то? Ведь это же самое обычное дело, когда шпион посылает вместо себя на конспиративную квартиру какого-нибудь случайного прохожего, чтобы узнать, нет ли там засады.

И этот — послал!

И они поверили.

Потому что нельзя было не поверить. Вернее — невозможно! Из-за коробки!.. Кабы не коробка, они могли бы вести себя потише — запустили диверсанта в помещение и там без шума повязали бы его.

Но коробка!..

В коробке могла быть бомба!

Бомба могла взорваться!

Дом рухнуть!

Добропорядочные немцы погибнуть!

За что кто-то должен был бы ответить!

Они!

И надо им это, чтобы до конца дней своих жить на социале и выплачивать семьям пострадавших компенсации!..

Вот они и отреагировали. Причем именно так, как рассчитывал русский диверсант, пославший своей жертве кремовый торт. А сам — не пришел!

Где же его теперь искать?

— Вы сможете узнать человека, который вручил вам торт, если, к примеру, случайно встретите его на улице?

— Не знаю, неуверен, вряд ли, — засомневался арестованный. — У него было какое-то очень незапоминающееся лицо.

— Он говорил по-немецки?

— Да.

— Хорошо?

— Скорее нет, чем да. Он неправильно строил многие фразы, и у него был акцент. Мне кажется, вернее, я уверен, что он не был немцем.

— А кем?

— Иностранцем. Может быть, русским.

— Почему вы так решили?

— Не знаю — но мне кажется, он — русский!

— Вы можете его описать?

— Я попробую... Среднего роста, пожалуй что метр семьдесят — семьдесят пять, немолодой, но и не старый, скорее лет сорока, чем пятидесяти, с бородой, такой небольшой, но ухоженной, в очках...

— А прическа?

— Прическа? У него был хвостик, знаете, такой, когда забирают волосы сзади.

Действительно, невзрачная личность.

— Где вы с ним познакомились?

— Это не я, это — он со мной! Я не хотел!

Он подошел ко мне в пивной...

Глава 30

Просьба была невинной — вручить подарок имениннице. И была весьма убедительной, потому что исходила от очень представительного на вид мужчины и подкреплялась деньгами. Тремя сотнями евро.

— Ваше лицо внушает мне доверие.

— Да?.. И что с того?

— Я прошу вас помочь мне, у меня безвыходная ситуация — сегодня у одной моей знакомой день рождения.

— Я очень рад.

— Я — тоже. Я должен поздравить ее — не могу не поздравить! Я ее десять лет поздравляю — каждый год во что бы то ни стало, день в день — это традиция, которую я не хочу, не могу прервать. Если сегодня она не получит подарок, она вообразит черт знает что. И заболеет. И, наверное, даже умрет, потому что у нее такая тонкая организация психики.

— Сочувствую, но я не понимаю, при чем здесь я?

— При том, что я хочу, чтобы вы поздравили ее вместо меня.

— Вы шутите?! Я не могу заявиться в дом к незнакомой, которой ни разу не видел, даме. И потом — почему бы вам не поздравить ее самому?

— Понимаете, ситуация весьма щекотливая... Дело в том, что именинница вышла замуж за человека, который меня знает и терпеть не может! Мне нельзя там появляться.

Ах вот оно в чем дело — тогда понятно... Соблазнил чужую жену, наставив мужу рога, а теперь, справедливо опасаясь, что его спустят с лестницы, посылает вместо себя другого.

Так должен был подумать собеседник просителя.

И точно так и подумал. Потому что это было самое простое и понятное объяснение.

Впрочем, могли быть и другие. Например, что через него желают передать что-нибудь противозаконное — ну там наркотики или оружие...

— Вы только не подумайте чего-нибудь плохого. Это будет всего лишь торт! Мы пойдем и купим его вместе, или даже вы сами, чтобы вы не вообразили, что я хочу воспользоваться вашей добротой в преступных целях.

Только торт и поздравления, и ничего кроме!

Если вы согласитесь, я заплачу! Я дам вам — сто евро.

Двести!..

Триста!..

Между прочим, очень приличные для немца деньги.

— Ну я не знаю... Разве только чтобы не травмировать вашу приятельницу.

— Да-да, конечно, чтобы не травмировать... Исключительно из-за заботы о ее здоровье! Только съездить по адресу, поздравить и вручить подарок!..

Вот так все и было. Ничего он не придумал!..

— Вы сможете подтвердить это на суде под присягой?

— Да, конечно!

Это все он — это не я!

Допустим — так.

— Сейчас мы попробуем составить с вашей помощью его фоторобот. Вы согласны?

— Да, да, конечно!

Еще бы он им отказал!..

Стали составлять фоторобот. Здесь же, на ноутбуке, используя специальную программу, которая выводила на экран фрагменты мужских лиц.

— Какой у него был абрис лица? Круглый, узкий, широкий, приплюснутый, грушевидный?..

— Скорее узкий.

— Такой?

— Да, пожалуй, такой.

— Уши прижатые, оттопыренные, округлые, вытянутые с загнутыми внутрь краями?

Такие?..

Или такие?..

— Вот эти, последние, большие и оттопыренные.

— Хорошо...

Теперь нос.

Прямой, длинный, короткий, с горбинкой, курносый, с широко расставленными крыльями ноздрей...

— По-моему, чуть курносый...

Постепенно из фрагментов чужих лиц выросло новое лицо. Неизвестного злодея. Которого скоро будет искать вся немецкая полиция, и не только немецкая.

— Губы?..

— Подбородок?..

— Разрез глаз?..

Ну и рожа!.. Никакая...

Фоторобот получился на славу — очень схожий с оригиналом! Вот что значит передовая западная техника! Если бы можно было поставить его впритирку с фото оригинала, то они почти ничем бы не отличались ни овалом лица, ни ушами, ни носом, ни глазами. Они были бы как близнецы-братья — фоторобот и тот человек, что вручил «объекту» торт.

А после того как вручил — улетел к себе в самостийную Украину.

Где — жил!..

Глава 31

Потому что был это совсем другой, посторонний, не имеющий к этому делу никакого отношения украинец, который давно убыл к себе на родину, и где, хочется надеяться, навек канул, растворившись в ее многомиллионном населении. Вместе с причитающимся ему гонораром в пять тысяч долларов. Полученным всего лишь за то, что он подошел к указанному ему человеку и рассказал душещипательную историю про именины подруги, десятилетнюю к ней любовь и мужа-ревнивца. И вручил конверт с адресом и триста евро.

Хоть все же не удержался — спросил:

— Слушай, а зачем тебе это нужно?

— А тебя колышет? Надо, и все!

Или, может быть, ты согласишься отнести тот торт сам? За триста евро. Вместо пяти штук за «базар» с тем, кто понесет торт за триста?

Ну что — согласен?

— Не-а!.. Пять штук больше трех сотен.

— Ну, значит, по рукам?

— Ага...

Так быстро договориться можно было только с соотечественником. Иностранцы потребовали бы присутствия своего адвоката. Да еще, чего доброго, капнули бы в полицию.

Наши в полицию не капают — не дожدهшься. Особенно когда получили пять тысяч, которые у них могут отнять, если они, сдуру проявив гражданскую сознательность, сами на себя заявят!

Ага — счас, разбежались!..

— Подойдешь к человеку, скажешь, что я велел, да смотри без самодеятельности — строго по тексту! Наизусть выучишь или читать по бумажке станешь?

— За кого ты меня принимаешь?! Я два года здесь ошиваюсь, так что на их мове балакаю лучше, чем на неродном русском!

— Но-но, ты не очень-то!

— Да ладно ты! Все будет тип-топ. В смысле — зер гут!

Как бы он не напорол чего... Впрочем — вряд ли — парень развитой, артистичный, держится хорошо, если с ним порепетировать и заставить как следует выучить роль — справится. За немца его, конечно, не примут, но за немца и не надо.

Он еще раз оглядел нанятого на роль статиста.

Правда, видок...

— Ты приоденся — а то выглядишь как оборванец.

— На что? Я без копья!

Вот ведь жлоб...

— Сколько тебе надо?

— Штуку!

— Да ты что, за штуку здесь можно десяток таких как ты, хлопцев упаковать!

— Так ведь ты сам сказал, что надо выглядеть убедительно. А это штука — никак не меньше!

— Ладно, уговорил — держи. Пятьсот.

Первый статист подобран.

Он сделает свое дело, после чего убудет на Украину. Где, даже имея его фоторобот или даже фотопортрет, найти его будет невозможно. Но даже если найти — хрен он кому и что расскажет, а наплетет какие-нибудь враки! Но даже если предположить невозможное, предположить, что вдруг расскажет, то найти по его описанию нанявшего его человека будет затруднительно, так как тот был сам на себя не похож, а черт знает на кого!..

И нить оборвется... Между заказчиком и исполнителем. Потому что среднее звено убудет — уже убыло — в неизвестном направлении, в самостийную, где сам черт ногу сломит, не то что немецкие полицаи, Украину!

— Ну что — все понял?

— Кажись, все!

— Тогда держи билет на самолет.

Который улетает через час после встречи.

С тем чтобы все последующие события произошли, уже когда он будет на Украине.

— А че так сразу? С такими-то «бабками» я готов здесь задержаться. Может, тебе еще чем помочь надо — так я без проблем, я — зараз!

— Кончай базар! Улетишь по этому билету! Пулей! А нет — пеняй на себя!

— Да улечу я — улечу!.. Чего ты завелся, в самом деле?! Что я, без башки совсем — не понимаю? Мне моя шкура дорога, и лишние дырки в ней ни к чему! Хватит тех, что есть!

И вдруг, понизив голос, перешел на заговорщический тон:

— Слушай, а что там, в натуре, будет — наркота?

Похоже, он принял его за наркобарона.

И хорошо, что принял, — больше бояться будет.

— Я же сказал — торт. Просто торт. Который твой новый приятель купит в ближайшем супермаркете! А ты за ним присмотришь.

А я... за тобой. Потому что в таком деле полагаться ни на кого нельзя! А лучше контролировать каждый его шаг каждое сказанное слово. Что не так уж трудно, если пришилить к ним обоим по «жучку». И слушать, что они меж собой говорят.

Так что?

...Я ее десять лет поздравляю — каждый год, во что бы то ни стало, день в день — это традиция, которую я не хочу, не могу прервать....

Хорошо говорит, строго по роли и довольно убедительно. Талантливый парнишка. И честно отработывает свои пять штук.

А тот — другой?

Ну я не знаю... Разве только чтобы не травмировать вашу приятельницу...

Ясное дело — три сотни на дороге не валяются!

Ну вот и все — кажется, договорились. Теперь один отправится по указанному адресу, а другой — в аэропорт, где скоро будет объявлена регистрация на его рейс.

Торт будет доставлен адресату.

Адресат от него станет отказываться. Причем весьма энергично, с помощью толпы вооруженных немецких спецназовцев...

И все станет более-менее понятно — кто есть, как любил говорить последний советский президент, здесь ху!

И никаких уже сомнений!

«Объект» находится на месте, и находится под пристальным надзором и круглосуточной охраной. Наблюдение за ним и за подходами ведется из домов, расположенных напротив, при этом одна бригада действует довольно топорно, а вот другая — выше всяких похвал. Та, другая, бригада сидит тихо, как мышка в норке. Причем дохлая!

И есть не только они — есть еще охрана в соседних с «объектом» квартирах, есть филеры и автобус, набитый немецким спецназом!

Однако!.. Как его охраняют — как канцлера!

И как ценят!..

Что даже как-то напрягает, потому что не такая уж он шишка — так, рядовой предатель Родины. Отчего ж ему такой почет?

Надо подумать... Но только не теперь, потому что теперь некогда — теперь надо делать ноги! Пока не началась облава... Потому что непременно начнется! В этом деле немцы мастаки — насобачились во время последней войны.

Он быстро собрал свои вещички, которые надлежало утопить где-нибудь в ближайшем пруду или закопать в укромном месте, обсыпав порошком, отбивающим собачий нюх.

Он собрал вещички и уже собирался тронуться в дорогу...

Когда сзади тихо, не скрипнув, приоткрылась дверь, ведущая на чердак. И чьи-то ноги в ботинках на бесшумной, в которой хоть скачи — все равно не услышишь, микропоре шагнули внутрь...

Глава 32

— Черт подери, но это же не он!

— Как не он?!

— Так — не он!.. Это кто-то совсем другой, хотя примерно его роста и комплекции! Хотя — похож!

Да ты сам погляди!

Крутнули назад видеозапись.

И еще раз.

И еще, стопоря изображение на отдельных кадрах.

— Ну что — убедился?

На мониторе точно был не он! И по улице шел — не он, и в подъезд заходил — не он, и из подъезда выводили — тоже не его!

Другого!

Очень похожего на него. Но — не его!

— Но как же так?! Этого же не может быть!

— Значит — может!

Потому что в жизни может быть все что угодно!..

Если это кому-то угодно!..

Глава 33

Дверь бесшумно раскрылась и так же бесшумно закрылась.

Потому как эти двери были немецкие. И петли — немецкие. Которые никогда не скрипят! И подошвы — на микропоре, чтобы не скользить и не топтать...

Вот они и не топали!..

Дверь открылась и закрылась.

И что-то сразу изменилось! Что-то такое произошло... Что-то — что нельзя было увидеть, услышать и унюхать. Потому что не было никаких звуков и никаких запахов!..

А что же было?..

Был сквозняк! Да, верно, потянуло легким сквозняком, который до того не ощущался! Значит, где-то, возможно, открыли дверь!

Неужели они так быстро во всем разобрались? И пришли? За ним?..

Неужели он опоздал?!

— Где же ключ-то? Куда он, проклятый, подевался? — громко сказал кто-то, возясь в темноте.

Ключ не находился.

Чьи-то руки зашлепали, заскребли по стене — кто-то искал в темноте выключатель. Который долго искать не пришлось, потому что тот, кто его искал, сюда, может быть, тысячу раз поднимался и действовал хоть и на ощупь, но вполне уверенно.

Ну где он там — он же тут должен быть.

Ах — вот же он!

Щелкнул выключатель, отчего разом вспыхнули все закрепленные под коньком крыши лампочки. Довольно тусклые, но показавшиеся ослепительными!

Этого еще не хватало! Кого сюда черт принес?

Черт принес — фрау Шульц. Ту, что жила на третьем этаже. В самый неподходящий момент принес — ни раньше ни позже!

Фрау Шульц, вздыхая и охая, прошаркала вдоль стены и остановилась против своей клетушки.

Против той самой клетушки!

Против — его клетушки!

Вот ведь невезение! И надо было ей вернуться именно в этот день, ни раньше ни позже, а вернувшись, вместо того чтобы лечь себе спать, потащиться зачем-то на чердак!

Она вставила ключ в замок и стала проворачивать его.

Ключ не проворачивался, потому что в замочную скважину заботливой рукой была всунута спичка.

Но чертова старуха нашла-таки выход — она стала трясти и дергать дверь, налегая на нее всем своим тщедушным телом. Видно, она не раз забывала ключи и открывала дверь таким вот варварским образом.

Она трясла дверь, отчего шурупы выскочили из древесины и щеколда открылась.

Удовлетворенная фрау Шульц вошла в пределы своей сокровищницы, где чуть не со времен еще войны сваливала разные шмотки. Такой у нее был пункт.

Она втащила в клетушку сумку с какими-то тряпками и стала пристраивать их к куче мусора.

— О-ох! — пыхла она, разгребая слежавшееся барахло, чтобы впихнуть туда новое.

А это-то откуда?.. Мужской ботинок... Вроде она не хранила никаких ботинок... Зачем ей мужские ботинки? Тем более один. Ладно бы женские...

И фрау Шульц, встав на колени, стала дергать ботинок, чтобы вытянуть его и выбросить в мусор. Но ботинок настолько крепко засел, что никак ей не поддавался.

— Ах ты боже ты мой! Чем же он там зацепился?..

Фрау Шульц дернула изо всех сил, и ботинок, наконец, выскочил, открыв... ногу... Голую.

Которая медленно втянулась в гору вещей, исчезнув.

— Ой! — тихо сказала фрау Шульц, испуганно оглянувшись.

Кажется, она видела ногу... Живую!.. Которая была, а теперь — нет!

Она стояла в нерешительности, держа в руках ботинок и боясь шевельнуться.

— По-мо-гит-те! — тихим шепотом крикнула она, отступив на шаг.

И, ускоряясь, побежала назад, к лестнице.

Проклятая старуха, чуть ногу всю не вывернула! Ботинок вот сняла и носок с ним! А теперь — шум поднимет!

— Привидение! — дурным голосом вопила старуха. — Живое!

Хотя, если живое, то тогда какое привидение?!..

Вот так всегда и бывает — строишь планы в расчете на хитроумных врагов, а появляется неожиданная старуха, которую ты ни сном ни духом! И все — насмарку!

— Спасите! — доносились из подъезда крики.

Теперь нужно было успевать поворачиваться!

Груда мусора зашевелилась, рассыпалась, и из нее вылез человек. В одном ботинке. Но с сумкой, полной шпионской техники.

Куда теперь?

Путь назад был отрезан — полоумной старухой.

Догонять ее и стучать по темечку? А ну как она не выдержит удара и отдаст богу душу, что — след, да еще какой!

Нет — туда нельзя!

Человек метнулся к слуховому окну, выполз через него наружу. Крыша была островерхая и скользкая. Не свалиться бы!..

Кое-как добрался до края. Выглянул.

Никаких зацепок! Только если по балконам!..

Может быть... Теперь все побегут к дверям... Значит, есть шанс.

Другого пути нет.

Он ухватился за карниз, повис на вытянутых руках, раскачавшись маятником, прыгнул вперед. Приземлился практически бесшумно на лоджию верхнего этажа.

Слава богу, что в Германии не принято их стеклить!

Присел, прислушался.

Вроде тихо.

Перекинул ногу через перила, глянул вниз, вновь повис на руках, дотянувшись ногами и встав на перила нижнего этажа.

С четвертого — на третий.

С третьего — на второй.

Со второго — на первый.

Спрыгнул на газон, побежал по нему к ближайшим кустам живой изгороди, нырнул в них с ходу, пролез через какие-то колючки, обдирая одежду.

Все... Вырвался!.. Ушел!..

И верно — ушел.

Хоть сам не ведал чему благодаря. Вернее, кому!

Фрау Шульц благодаря, что спугнула его с насиженного места, выгнав на крышу. Очень вовремя.

А задержись он чуток да пойдя через подъезд — пропал бы!.. В общем, как говорится, — не было бы счастья, да несчастье в лице зловредной фрау Шульц помогло!..

А теперь — ищи ветра в поле. Теперь-то уж он не вернется!..

Глава 34

— А я говорю — он вернется! — убеждал своих немецких покровителей полковник Городец. — Как пить дать — вернется!

— Кому дать? Ему?.. И из-за этого вернется? Чтобы выпить?!

— Да не из-за этого, а из-за меня! Это выражение такое русское про пить... Поговорка. Фольклор по-вашему. Из-за меня он вернется — чтобы меня прикончить!

— Но, найн, это невозможно! — дружно закачали головами немцы. — Он уже был и не придет в цвай раз. Он — найн кретин!

— Это вам так кажется, что найн, — проворчал полковник Городец. — А я наших лучше знаю! Если он меня теперь не ухлопает — с него начальство семь шкур спустит! Коли послали — придет! Обязательно придет!

Как миленький!

— Если он придет снова, мы схватим его и посадим в тюрьму! — заверили изменника Родины немцы.

— Вы?!.. Вы уже пытались! Уже хватали... Ну и где он?

— Мы не знаем. Пока — не знаем.

— То-то и оно!

Он же сделал вас как... как последних лохов!

— Как это понять? Что есть такое «лох»? — вновь не поняли полковника его покровители.

— Лох — это синоним немца, — мстительно сказал Городец. — Это типа — безмозглый фраер! Вроде... Вроде вас!

Ферштейн?

Нет, похоже — найн... Что русскому очевидно, того немцу не понять! Ну как им, дуракам набитым, объяснить, что нашему диверсанту «стружка» на ковре у вышестоящего командования будет пострашнее немецкой со всеми удобствами тюрьмы? Ну схватят его здесь, ну посадят в камеру с телевизором, Интернетом, кондиционером и четырехразовым диетическим питанием. Ах как страшно-то!..

Вот кабы его не сажать, а ставить... к стенке... тогда.

Может быть, он и не решился на вторую попытку.

Атак...

— Вы хотя бы людей сюда побольше нагоните, — посоветовал полковник Городец.

— Я-я... Мы обязательно выделим новых охранников, — пообещали ему. — Вы можете быть совершенно спокойны — мы будем продолжать охранять вашу жизнь!

Хотя вряд ли бы выполнили свое обещание, если бы не одно странное происшествие. С ботинком. Который фрау Шульц притащила в полицию, утверждая, что сняла его с ноги привидения, которое после растворилось в воздухе.

— И что вы от нас хотите? — спросили полицейские.

— Чтобы вы оградили меня от потусторонних сил! — торжественно заявила фрау Шульц. — Во времена моей молодости никаких привидений в домах не водилось!

Это в те времена, когда за порядок отвечало гестапо? Ну еще бы, какому привидению охота с уютного чердака переселяться в концентрационный лагерь?

Беспокойную фрау заверили, что привлекут привидение к ответственности, зафиксировав ее заявление в журнале учета. Так, благодаря бдительности рядовых граждан и немецкой бюрократии случай с привидением стал известен контрразведчикам, отслеживавшим все имевшие место в районе происшествия.

— Какой-какой ботинок?..

— Правый, мужской, сорок третьего размера.

Потерпевшая утверждает, что сняла его с ноги.

— Хм... Вот что — допросите ее и осмотрите место.

Фрау Шульц допросили и поднялись с ней на чердак в ее клетушку.

— Где он был?

— Вот здесь.

Криминалисты стали разгребать гору вещей, раскладывая весь встретившийся мелкий сор по специальным пластиковым пакетикам и колбам. Нашли волосы куски грязи, крошки шоколада. И еще нашли разобранную и наспех поставленную на место черепицу.

— Вот отсюда он и вел наблюдение. К сожалению — не за объектом, а за домами, что стояли против его дома. И так смог выявить слежку.

Диверсант оказался умнее ловцов!

И Herr Baumgartman поверили. Поверили, что такой хитрый и настырный диверсант может вернуться. И, выделив дополнительные силы, обложили объект со всех сторон так, чтобы муха незамеченной пролететь не могла!

И стали ждать!..

Глава 35

Расклад был ясен и был безнадежен. Если, конечно, не иметь в прикупе пары десантных дивизий, усиленных танковым батальоном. Если бы их иметь — тогда, конечно, тогда можно было бы смять передовые немецкие порядки лобовой атакой и на плечах отступающего противника прорваться к объекту...

Но дивизий полного состава не было.

И неполного тоже.

Был единственный на все случаи жизни боец, которому предстояло заменить собой десантные полки и танковый батальон. И самому, в гордом одиночестве, атаковать, прорываться, сеять среди противника панику, отбивать контратаки и организованно отступить.

Не понятно только, как?

При такой плотности обороны прорвать ее мудрено. Помимо тех, прежних, немцы сюда еще полтора десятка телохранителей нагнали — пару наверняка поселяли вместе с объектом, может быть, даже в одну постельку положили, дабы они всегда рядом были, еще нескольких по соседям растолкали, на чердаке кого-нибудь с пулеметом посадили... Да вон еще микроавтобус с затемненными стеклами, что с недавних пор во дворе стоять стал. С виду — пустой, но только отчего-то порой кренится на рессорах, как корабль на океанской волне. Выходит — не пустой, выходит, сидят там бойцы, что должны, зайдя с тыла, ворога в подъезде зажать. А сверху другие подоспеют, взяв его в клещи, и тогда уж никуда не денешься!

Конечно, если не бояться шума, то можно забросать микроавтобус противотанковыми гранатами или пальнуть в него из гранатомета, а после, поливая дорогу впереди себя из ручного пулемета, прорываться к объекту с боем. Может быть, даже и прорваться. Ну или хотя бы героически погибнуть.

Впрочем, могут быть и другие варианты. Еще более шумные — загнать во двор грузовик с пятью тоннами динамита и рвануть его, и дом, и квартал, и с ними половину этого немецкого городка к чертовой матери! Если повезет, то среди тех трех или пяти тысяч разорванных в

кочки немцев окажется нужный ему предатель! Лес рубят — щепки летят.

Впрочем, если развивать эту мысль дальше, то можно никакой грузовик динамитом не набивать, рискуя взлететь на воздух самому, а угнать тяжелый бомбардировщик, подлететь, спикировать и отбомбиться над этим треклятым городком, сровняв его с землей. Ничем не рискуя...

А?

Очень соблазнительно!

Правда, потом тебя всем честным миром ловить будут, в том числе свои. И обязательно поймают. И, несмотря на их хваленый европейский гуманизм, — повесят!

Нет, бомбардировщик отпадает. И грузовик тоже. И атака в лоб с применением гранатометов и прочего тяжелого стрелкового вооружения. Потому что Женевская конвенция призывает войска, ведущие боевые действия, по возможности избегать многочисленных жертв среди мирного населения.

Но бог бы с ними, с конвенциями, — главное не они, главное, что свои лишнего шума не простят и накажут раньше, чем до виновника доберется международный трибунал!

Но что же тогда делать? Как быть?..

Как прорваться сквозь кордоны оцепления незамеченным?

И как, прорвавшись, уйти?

Загримироваться под кого-нибудь из жильцов?..

А что — мысль!

Правда, там, как назло, проживают либо совсем мелкие, либо чересчур высокие немцы. Ну хорошо, допустим, роста можно прибавить, надев обувь с высокими каблуками и подложив в них толстые стельки. Или даже встав на небольшие ходули. И так пройти мимо филеров.

И подняться на нужный этаж...

А там-то что? По-соседски постучаться в дверь, под каким-нибудь благовидным предлогом? Так ведь у них не принято — ходить по соседям, прося соль и спички или одалживая денег до получки. А коли не принято — то вызовет подозрение.

Может, залить их водой?..

Или сказать, что они залили?.. И, изображая справедливое возмущение, попытаться прорваться в квартиру?

Так ведь все равно не откроют! Не станут они никому открывать, в каждом подозревая ожидаемого злодея!

Может, просто высадить дверь?..

Нет, не успеть — тут же из соседних квартир повыскакивают вооруженные бойцы, которые ткнут непрошеного визитера мордой в пол!

И этот план не проходит. Что же делать?

Нет, тут одному не справиться, тут надо искать помощников!

Дома он бы за полцентнера водки завербовал два десятка хулиганов, которые отвлекли бы на себя внимание охраны, учинив на улице и в подъезде противоправные действия с битьем окон и переворачиванием мусорных баков. Здесь таких добровольцев отыскать затруднительно.

Может, все-таки гранатомет?.. Шарахнуть из него по окнам и — ходу!

А если не попасть? Или если предатель в этот момент окажется в туалете, в ванной или в другой комнате, и осколки его минуют? По всем окнам ведь разом не выпалишь. И опять же — шум!..

Н-да!.. Трудно работать не дома, где нужно ходить на цыпочках, чтобы, не дай бог, ни одного газона не помять!

А что, если?..

Или?..

А может быть, даже?..

Или уж вовсе!..

Только не надо бояться нелепостей. Чем безумней идея придет в голову, тем выше шансы, что она не придет в голову противнику. И он окажется не готов к предложенному сценарию развития событий. И будет растерян. И побежден...

Как же выманить их из убежища? Чем?.. Медведя того жердиной в берлоге шерудят и сворой собак травят — вот он и вылезает на божий свет, чтобы разорвать своих обидчиков. А этих чем раззадорить? Что может заставить их покинуть безопасные стены? Приказ?

Да! Но кто его даст!

Тогда, может быть, страх?..

Страх — наверное! Когда человеку страшно, он забывает обо всем.

То есть надо их напугать. Желательно — до безумия... Чем? Чего люди боятся более всего?.. Стихии? Да стихии, когда все ломается, рушится и катится в тартарары! И когда личные твои доблести на фоне масштабов разрушения уже ничего не значат. Когда — спасайся кто может!

Лучше всего здесь подошло бы землетрясение. Баллов так на семь-восемь. Тут бы они все повыскакивали из домов как угорелые!

Ну или наводнение.

В крайнем случае — пожар.

Пожар?.. Ну да — пожар! Почему бы и нет... Это, конечно, тоже шум, но не криминальный — не пальба из гранатометов по окнам.

Пусть будет пожар... Но как он возникнет? С чего?

Ведь для того чтобы случился пожар, нужно, чтобы кто-то чиркнул спичкой и раздул пламя.

Кто?

Он?

Но для этого ему нужно попасть в дом, куда он не знает, как попасть. Но даже если попадет, то вряд ли ему позволят раздуть там полноценный пожар. То есть круг замкнулся — для того чтобы проникнуть в дом, он придумал пожар, ради которого ему нужно проникнуть в дом!

Чушь!

И все же идея слишком соблазнительна, чтобы от нее так просто отказаться.

Может, забросать подъезд бутылками с коктейлем Молотова — купить минералки, слить ее, заполнив бутылки бензином с маслом? Дешево и сердито!.. Правда, чтобы эти бутылки бросить, нужно к тому дому приблизиться и как-то их добросить... А главное, все сразу поймут, что это поджог, и примут соответствующие меры. Тут уж на панику рассчитывать не приходится.

Нет, бутылки с зажигательной смесью отпадают — чай, не с танками воевать!

Вот кабы очаг пожара возник сам по себе... Но так, чтобы в нужном месте, в нужное время и требуемой силы! Вот бы славно было!

Возможно такое?

На первый взгляд — нет!

А если подумать? Если, к примеру, использовать радиоуправляемые мины? Лучше всего зажигательные...

Это — можно. Как только их туда доставить? И где взять?

Ладно, это вопрос другой. Сейчас важна — суть! А суть в том, что в определенное время в доме возникнет пожар. Не маленький. Но и не такой, чтобы всем сгореть. Начнется паника, жильцы выбегут на улицу, и среди них тот единственный жилец, из-за которого весь этот сыр-бор разгорится. В прямом смысле слова!

Все остальное — детали. Которые, конечно, требуют проработки. Но не более того! Главное, что есть решение!

И пусть все так и будет — пусть будет пожар, жертвой которого станет один-единственный потерпевший! Тот самый!..

Глава 36

В автомагазин зашел человек. И купил моторное масло...

На автозаправку въехала машина, водитель которой, заправив полный бак, залил сверх того бензин в канистры...

В супермаркет забежал покупатель и купил несколько будильников. Механических...

В аптеку заскочил больной, который без рецепта купил какие-то микстуры...

В оружейную лавку заявился господин, который приобрел несколько электрошокеров, фонариков и раций...

Все?

Нет, чего-то ему еще не хватало... Оружия — не хватало. Лучше бы — огнестрельного. Потому что его противник будет наверняка вооружен не дубинками.

Где бы его только добыть?

Если судить по голливудским лентам, оружие на Западе продается в каждой посудной лавке — приходи и выбирай себе по вкусу «смит-энд-вессон» или безоткатную базуку. В жизни, увы, все не так однозначно.

Зайти-то в оружейную лавку можно, но просто так тебе там никто ничего не продаст... Потребуют справки. А справки потянут за собой сверки. А сверки — проверки...

Нет уж — увольте. Лучше как-нибудь иначе.

Как?

Может, обратиться за помощью в местную мафию, которая даже здесь бессмертна? Турецкую или афганскую?.. Только где их искать? Да и когда?

Может, проще переделать под стрельбу боевыми патронами какой-нибудь газовый «вальтер»? Купить — помудрить маленько... Правда, его боевые возможности будут ниже всякой критики — во врагов с пяти шагов, если они будут стоять смирно и, желательно, в ряд, может быть, и попадешь, а в бегущую и стреляющую в тебя цель — вряд ли.

А еще говорят, что у них товарное изобилие и всякий может купить все, что только его душе угодно! А если душе угодно купить пистолет-пулемет? Пусть даже подержанный...

Подержанный?..

Ну да — подержанный!

А не зайти ли, в таком случае, в какой-нибудь антикварный магазинчик? Например, вон в тот. Может, там чего отыщется?

— Guten Tag!

Что интересует господина?

— Мне бы подобрать что-нибудь из старинного оружия, желательно — конца прошлого века, хорошо бы не позднее восьмидесятых годов.

Нет восьмидесятых?

Тогда — семидесятых? Можно русское, хорошо бы автомат Калашникова. В коллекцию...

Тоже нет? А что есть? Только середины века — сороковых-пятидесятых годов? Можно полюбопытствовать?

Хм?..

— Вот, можете взглянуть, последнее поступление — «вальтер» времен Второй мировой войны с монограммой на имя генерала фон Крейтца. Наградное оружие, врученное генералу лично Адольфом Гитлером за бои во Франции. Очень редкая вещь.

Редкая-то она редкая, да больно уж несерьезная — так, игрушка с золотой пластинкой.

— А чего-нибудь посолідней нет?

— Имеется большой выбор мушкетов и пищалей...

— Нет, что-нибудь более позднее.

— Тогда могу предложить «маузер», принадлежавший Герману Герингу, когда тот не был еще маршалом, а был рядовым асом Первой мировой войны. Вот, обратите внимание, ведомость, где владелец расписался в получении им личного оружия. И заключение экспертов, удостоверяющих оригинальность росписи. Вот номер. И номер на оружии. Видите, все совпадает.

Очень ценная вещь. И очень ухоженная.

Что да — то да, «маузер» и впрямь был как новенький — весь так и сверкал от масла.

— Ну что — берете?

— Пожалуй. Надеюсь, он в рабочем состоянии?

— Да, конечно, можете убедиться!

И антиквар защелкал курком и спусковым крючком.

— А патроны? — спросил покупатель. — Желательно те, что держал в руках Геринг.

— Ха-ха! — засмеялся довольный шуткой антиквар. — Нет, боевых патронов, конечно, нет. Но есть подходящие по калибру сигнальные и шумовые, которые разрешены к применению. Я понимаю, что истинному ценителю мало просто подержать оружие в руке... Но должен уведомить вас, что если вы зарядите этот экспонат боевыми патронами и вынесете за пределы своего жилища, то он будет считаться оружием со всеми вытекающими из немецкого законодательства последствиями.

Ладно хоть предупредил.

— Ну что вы! — заверил продавца покупатель. — Как можно? Как можно в кого-нибудь стрелять из музейного экспоната?!

Хотя почему бы нет — запросто! Надо лишь снарядить его боевыми патронами или переделать под них сигнальные, поменяв пулю и добавив побольше пороха.

— Может, у вас еще что-нибудь имеется?

— Да, конечно. Для истинных ценителей...

И антиквар выложил на прилавок огромный черный «кольт».

— Это оружие, из которого известный американский гангстер Аль Капоне собственноручно убил трех человек!

— Это точно? — заинтересовался покупатель.

— Конечно, на этот счет у нас имеются все необходимые документы — копии полицейских протоколов и акты экспертиз. У нас очень солидная фирма, мы не торгуем подделками — только оригиналами.

Скажу больше — есть предположение, что из этого экземпляра Аль Капоне убил насмерть семь человек, но документальное подтверждение, к сожалению, имеется только на трех!

Будете брать?

— Буду!

Вот тебе и оружие — старенькое, но вполне исправное. И... проверенное в деле. Самим Аль Капоне!

Человек, купивший антикварное оружие, а до того — масло, а после будильники и какие-то микстуры отправился в снятый им по случаю на год дом, где в подвале стал смешивать бензин, масло и микстуры, разливая их по пластиковым бутылкам. Затем разобрал электрошокеры, вместо кнопок поставив будильники, к звонкам которых подвел провода. Завел будильники и стал ждать, когда часовая стрелка и стрелка звонка соединятся. Соединились. Но звонка не раздалось, а вместо него меж электродов пробежали электрические молнии разрядов.

Отлично!

Примотал к электродам проводки, зачистил их концы, погрузил в вату, которую пропитал раствором, приготовленным из микстур, добавив туда же содержимое новогодних петард, все это закатал в полиэтилен и залил быстрозастывающим клеем. Получив таким образом — «взрыватель». Который опустил в бутылку с зажигательной смесью.

Теперь оставалось поставить нужное время, чтобы разряд электрошокеров воспламенил запал, а тот — горючую, ничем не отличающуюся по своим горючим свойствам от напалма, смесь. И бомба — взорвется!

Но этих бомб отчего-то ему показалось мало.

Вдогонку им он распотрошил несколько фейерверков, добавил кое-что из препаратов бытовой химии, все это хорошенько перемешал и растер — получив серенький порошок, который ссыпал в полиэтиленовые мешочки. Туда же сунул радиостанции, подсоединив к ним лампочки от фонариков, предварительно расколотив молоточком их колбы. Все это обернул бумагой и аккуратно упаковал в картонные коробочки из-под полуфабрикатов, обложив со всех сторон морожеными шницелями и потрошенными тушками тунца. И отправил в холодильную камеру, чтобы как следует охладить. Такое вот получилось блюдо. Взрывоопасное... Которое лишь осталось подать к столу... Хотя его никто не заказывал!

Вот теперь точно все — конец!

Предателю — конец!..

Глава 37

Фрау Грюнфельд брела по супермаркету, подслеповато глядя на ценники. Сегодня был день закупок, иона выбирала себе продукты на неделю вперед, набивая ими тележку. Брала все больше полуфабрикаты, которые не нужно готовить, а достаточно сунуть в микроволновку. Готовить она, с тех пор как умер ее муж, перестала, потому что терпеть не могла...

Она взяла несколько упаковок сосисок, готовых шницелей, мясной пирог, рыбу... Побрела к кассе. Расплатившись — проверила чек, так как ее уже несколько раз здесь обсчитывали, пробивая товар два раза! А все потому, что в Германии порядка не стало, так как сюда турков с русаками пустили. И еще восточных немцев, что ничуть не лучше русских, потому что все как один Коммунисты! С тех пор и не стало порядка!

Фрау Грюнфельд проверила чек и покатила тележку к машине. И надо же было такому случиться — столкнулась в дверях с мужчиной, который тоже торопился к выходу. Слишком торопился, потому что, не удержав свою перегруженную тележку, налетел на нее. Тележки сцепились и завалились набок, отчего часть продуктов высыпалась на землю.

— Простите! — испугался, закричал, засуетился мужчина, собирая и рассортировывая по тележкам продукты. — Это ведь ваше? И это — тоже? И это?..

Набор продуктов был примерно одинаков, и их легко можно было перепутать.

— Что же вы не смотрите! — возмутилась фрау Грюнфельд.

— Я смотрю, — оправдывался, виновато улыбаясь, мужчина. — Но у меня глаза! Я почти ничего не вижу.

И верно, его жесты были какими-то неуверенными, шарящими, как у слепцов. Так что фрау Грюнфельд даже испугалась, что он прихватит что-нибудь из ее продуктов, подсунув вместо них свои. Но потом успокоилась, потому что его продукты были дороже и лучше.

— Еще раз извините! — извинился слепой мужчина. — Если вы не против, я готов компенсировать причиненные неудобства.

И достал из кармана двадцать евро...

Домой фрау Грюнфельд пришла в приподнятом настроении, потому что неожиданно-негаданно заработала двадцать евро и сверх того несколько упаковок продуктов, которые разволновавшийся слепой мужчина переложил в ее корзинку...

И это была не последняя ее радость в этот день!

Потому что в почтовом ящике она нашла извещение на получение посылки, присланной персонально ей каталогом «Otto». Каталог «Otto» делился с фрау Грюнфельд своей радостью, сообщая, что она стала участницей рекламной акции, выиграв право получить в безвозмездное пользование сроком на полгода музыкальный центр. Который впоследствии, если он ей понравится, она сможет оставить себе, приобретя всего лишь за половину цены!

Это была удача — получить задарма на полгода ценную вещь, которую впоследствии можно вернуть, ничего за нее так и не заплатив.

Но когда фрау Грюнфельд получила и распаковала посылку, она обрадовалась еще больше, потому что центр был очень большой, с двумя огромными колонками, сразу видно, что дорогой. Покупать его она потом, конечно, не будет, но полгода сможет на него глядеть и им

хвастаться!

Такой вот удачный день...

И не только для нее! Потому что еще один жилец в соседнем подъезде тоже получил посылку. С телевизором. И тоже с предложением попользоваться им три месяца и сдать, коли он его не устроит. Или оставить у себя за полцены. Такая вот почти благотворительная акция!

А говорят еще, что капиталисты — акулы, да ничего подобного, вон какие подарки делают!

Фрау Грюнфельд включила музцентр и стала его слушать, наслаждаясь своим везением.

Жаль — недолгим...

Глава 38

— Здесь они, я вам точно говорю! — горячился полковник Городец.

— Почему вы так считаете — вы что-то знаете или заметили?

— Ничего я не заметил, я — чую! Вот этим самым местом! — хлопнул себя полковник по заду.

Ну вот — и этот туда же — тоже что-то чует, и тем же самым местом! Наверное, потому, что бывший диверсант и тоже искал и находил на свою филейную часть приключения, отчего она стала так чувствительна.

— Не сегодня-завтра ждите их в гости! Поняли — да?

— Я-я! — легко соглашались немцы.

Потому что ни в какие предчувствия не верили.

Хотя вне зависимости от того, верили или нет, — службу несли исправно!..

— Айн вызывает Цвай...

— Цвай слушает...

— Драй, ответьте Фюнф...

Но полковник Городец им не доверял.

— Ой, худо будет нам, камрады, печенкой чую — худо! — вещал страшным голосом полковник Городец. — Ужо помянете меня, ужо спохватитесь — да только поздно будет!..

И ведь как в воду глядел Herr Baumgartman!

Точнее — в wasser!..

Глава 39

Тихий немецкий вечер не предвещал ничего худого.

Как, впрочем, и хорошего.

Обычный был вечер...

Оттрубившие еще один рабочий день немецкие «белые воротнички», а вслед за ними работяги потянулись домой.

Большинство ехали на машинах — тихо и чинно, друг друга не подрезая и не обгоняя, светофоры на желтый свет не проскакивая, скорость не превышая. И то верно — кому охота нарваться на полицейскую засаду или, того хуже, скрытую фотокамеру или замаскированный в кустах автоматический скоростемер, которые щелкнут твой номер!

Кто-то добирался до дома на городском транспорте, платя сумасшедшие деньги за одну поездку. Но все равно платя, потому что «зайцев» в Германии нет. Говорят, еще Гитлер их повывел, расстреляв и сослав в концлагеря пару сотен безбилетников, извлеченных гестапо из берлинских трамваев.

Уставшие немцы приходили домой, съедали готовый шницель, вскрывали бутылочку пива и плюхались перед телевизором глядеть какой-нибудь сериал, футбол или телевикторину. И снять их с того дивана не было никакой возможности — на большее у них просто сил не хватало. И оставалось им всего-то день простоять, да другой продержаться, а там — выходные!..

И никаких тебе ссор и выяснений отношений с битием морд и посуды. Никаких танцулек и посиделок до утра на кухнях. Никакой орущей за окнами музыки.

Десять часов — отбой по Германии!

Нет, конечно, спать ложиться не обязательно, потому как демократия, но шуметь, громко разговаривать, двигать мебель, включать пылесос, электродрель или соковыжималку — нельзя!

Nein!

Тихо в Германии... как на кладбище. Даже киндеры, которых в России никакими силами не уймешь, здесь будто пришибленные...

Девяти еще не было, как стал гаснуть в окнах свет и опускаться жалюзи. Немцы укладывались спать. Потому что вставать кому в четыре, кому в пять, и уж совсем лентяям — в шесть. Атак, чтобы припоздниться и опоздать на работу, это — боже упаси! Потому что никакие отмазки про сломанный будильник, пробки на дорогах, перевернувшийся автобус, похмелье после вчерашнего и смерть любимой прабабушки — на веру не принимаются!

Ну что — все уснули?

Почти все...

Еще с часик подождать, чтоб разоспались, а после!.. А после этот тихий городок ждет сюрприз. Потому что к нему все уже готово.

В морозильной камере холодильника, что стоит на кухне в квартире на третьем этаже, охлаждается шницель.

В соседней квартире — в кладовке притаилась целая упаковка кошачьих консервов.

Где-то — тихо мигает музцентр.

В соседнем подъезде, что через стену — телевизор.

А в арке, в мусорном баке, предназначенном для выброса пластиковых отходов, лежит выброшенная кем-то пластиковая канистра.

И на чердаках...

И под машинами...

И идут часы, отсчитывая время... Сразу несколько...

Без пяти двенадцать... Почти полночь — самое-самое для темных делишек время!

Секундные стрелки сделали по циферблатам пять оборотов, минутные — продвинулись на пять делений, часовые сдвинулись на совсем чуть-чуть. Но этого хватило, чтобы они сцепились со стрелками звонка.

И тут же крутнулись ожившие шестеренки, а молоточки, опустившись, ударили... Ни во что они не ударили, потому что чашек звонков не было. Чашки звонков были сняты, и на их место поставлены небольшие металлические пластины, к которым припаяны были проводки. Металлические молоточки опустились на металлические пластинки, замкнув электрическую цепь.

И меж электродов электрошокеров проскочила искра.

Которой хватило, чтобы воспламенить «взрыватель».

Мощно полыхнули «фейерверки», оплавляя пластик бутылей и поджигая молотовский коктейль, которым наши бойцы еще фашистские «Тигры» с «Фердинандами» под Москвой жгли.

Вспыхнул шницель, поползли, закапали из морозильной камеры огненные струйки, растапливая лед и оплавляя изоляцию.

Ухнула банка с кошачьим кормом, расплзлась в стороны огненными языками, прожигая коробку и пол.

Что-то глухо лопнуло в мусорном баке, и выплеснувшаяся горячая смесь, вспыхнув, выбросилась вверх огненным фонтаном.

Вздохнув огненным пузырем, лопнул стоящий на тумбочке телевизор, разбрызгиваясь огненными струйками, поплыла, оплавляясь, пластмасса.

И что-то такое лопнуло и взорвалось в соседнем доме.

И в том, что стоял чуть в стороне!

И вот уже заплясали за стеклами окон тусклые пока еще языки пламени. Пожар разгорался, но когда еще он наберет силу?!

Надо бы ему помочь.

Для чего взять радиостанцию и нажать кнопку вызова.

И даже не сказать: «Прием»... Вообще ничего не сказать. Потому что никого на приеме нет. А есть лампочка, лишенная колбы, которая на мгновение вспыхнет, после чего нить накаливания перегорит. Но прежде чем она перегорит — она подожжет адскую смесь. Которая... Нет, не взорвется, потому что огня и так будет довольно, а вот лишний дым не помешает!

Лампочки вспыхнули, и серый порошок затлеет. Пламени почти что и не было, а вот дым повалил густыми черными клубами.

Из холодильников.

Повалил из кошачьих консервов.

Но больше всего из колонок дармового музцентра. Прямо из динамиков. Из них дым струился, как бравурная музыка, — ритмичными волнами.

Дым мгновенно заполнил комнаты, поднялся к потолку, потянулся через вытяжную вентиляцию на крышу, заползая через отдушины в соседние квартиры. И повалил из приоткрытых окон. И засвистел в замочные скважины. Дым был мало что черным, но еще и вонючим, потому что в смесь были добавлены «ароматические» ингредиенты в виде измельченной резины, краски и прочей ерунды.

Спящие немцы задергали носами, зачихали и проснулись.

Боже мой!..

В их квартирах всюду полыхал пожар! Да еще какой — если судить по количеству дыма!

Ка-ра-ул!!!

Немцы бросились к телефонам, набирая срывающимися пальцами номер местной пожарной части, и бросились к окнам. Которые распахнули настежь. Отчего налетевший сквозняк стал раздувать огонь, а дым черными клубами повалил на улицу.

Какой кошмар!..

— Але!!! Быстрее!!! Мы горим!!!

Хотя горели — так себе, вяло горели.

Но уж больно много было дыма, пожалуй, на очень крупный, высшей категории пожар! Отчего огнеборцам звонили не только жители горящих домов, но и соседних тоже. И даже дальних!

Звонили сразу все.

— Скорее!!! Пожар!!! Очень сильный пожар — там все здание полыхает! И еще соседние!

Создавалось впечатление, что горит целый район.

А и должно было создаваться!..

К чести немецких пожарных, они незамедлительно попрыгали в свои машины и, включив сирены, помчались бороться с огнем.

Не одни они помчались, потому что помимо них к горящему кварталу ехали кареты «Скорой

помощи», да не одна-две, а сразу десяток. Потому что неизвестные, но бдительные граждане сообщили им, что будет очень много жертв, так как горит сразу много домов и отчаявшиеся люди целыми семьями прыгают из окон, разбиваясь об асфальт, отчего нужно очень много шин и гипса!

И еще кто-то позвонил в полицию, сообщив, что это, очевидно, теракт, и полицейские тоже попрыгали в машины и тоже, включив мигалки, помчались спасать немецкое население.

А кто-то, видно, с большого испугу, сделал звонок в пожарные части всех соседних населенных пунктов, вопя в трубку, что случилась страшная катастрофа, потому что их город полыхает из конца в конец, чего не было, наверное, со времен Второй мировой войны, и что все их пожарные до одного давно погибли и спасать людей некому!

И кто-то по радиации вызвал коллег, крича, что они не справляются, что они гибнут все, как герои, сгорая заживо, но все равно не сдаются! И просил позаботиться об их семьях! Но что самое страшное, кроме взволнованного голоса в динамике явственно слышался рев и треск бушующего пламени. Для чего довольно было поднести к микрофону, шевелить и мять в кулаке кусок целлофана, звук которого в точности соответствует гулу пожара!

— На помощь!..

Еще несколько пожарных команд снялись с места, помчавшись тушить катастрофический пожар!

И несколько бригад «Скорой помощи»!..

Скоро тихий немецкий городок наполнился воем сирен и синими всполохами мигалок. Десятки машин теснились в узких улочках, мешая проезду друг друга, сдавая назад и заезжая на тротуары и газоны. Такого здесь еще не было!

Вой десятков сирен испугал жителей больше, чем сам пожар, отчего многие стали собирать вещички и таскать их в машины.

В начавшейся панике разобраться, что происходит, было уже почти невозможно! Здесь сам себя забудешь! А тут еще где-то что-то ухнуло, и на одном из чердаков, а потом на другом, выплескиваясь из-под черепицы, весело заплясало, взметнувшись огненными пальцами к самому небу, пламя! И в одном из дворов рванула машина, которая, видно, затлела от попавших в нее искр, после чего взорвался бензобак!

И тут уж, верно, всем показалось, что горит, наверное, целый город, если не вся Германия!..

Но даже в этом аду с самой наилучшей стороны показали себя пожарные. Их было очень много, потому что они прибыли со всех сторон!

Они разматывали пожарные рукава.

Поливали горящие окна струями воды.

Карабкались с баграми и топориками по шатким выдвижным лестницам.

Высаживали окна.

Выносили на руках угоревших граждан...

Все они были одеты в одинаковую форму, все были в саже, а кто-то в блестящих огнестойких костюмах, с надвинутыми на лица жаронепроницаемыми забралами, с баллонами на спине.

Эти видом своим напоминали каких-то инопланетян в скафандрах. Прибывших спасать землян!

Один такой пожарный, наверное, очень отчаянный, полез в самое пекло. Он сунулся в подъезд, поддев топором и рванув на себя дверь, и тут же в него ударила, чуть не сбив с ног, струя вырвавшегося наружу черного едкого дыма.

Он отшатнулся, но выпрямился и шагнул вперед, пропав в дыму! Может быть, навсегда!

Слава огнеборцам, не щадящим жизни своей ради спасения несчастных!..

Но нет, он был жив! Он поднялся на первую лестничную площадку, где огляделся.

А где же огонь?..

Огня пока видно не было.

Но пожарный на том не успокоился, а, продолжая рисковать жизнью, полез по лестнице дальше, цепляясь за перила и на ощупь находя путь!

Второй этаж.

Третий...

На площадке третьего этажа, на полу, кашляя и выпучив глаза, катался какой-то немец. Который увидел спешащего к нему пожарного и радостно потянул навстречу ему руки.

Спасен! Теперь — спасен!

И точно, пожарный подошел к нему, участливо склонился над ним и, перешагнув через него, пошел дальше. Наверх. Потому что там, наверное, его помощь нужна была больше, чем здесь!

Четвертый этаж!

Три двери.

Две — настежь. Одна — закрыта.

Пожарный стал ломиться в запертую дверь, колотя в нее топориком и выворачивая замок. Пожарные с запорами не церемонятся, дабы спасти жильцов.

Он быстро выломал дверь и шагнул внутрь.

В квартире дыма было немного, потому что очаг пожара располагался не в ней. Но все равно люди здесь могли задохнуться от поступающего через вентиляционные отдушины и с улицы дыма.

Где они?

Ага — вот они!

Навстречу пожарному шагнул какой-то крупный немец, на боку которого поверх ночной

пижамы болталась кобура. А в руке было развернутое, с фотографией, удостоверение.

— Halt! — рявкнул он, заступая дорогу, размахивая удостоверением и тем мешая спасти человеческие жертвы. Наверное, он наглотался дыма и не отдавал отчета в том, что творит. — Achtung!

— Бу-бу-бу!.. — сквозь маску невнятно, так что ничего не разобрать, забубнил пожарный, указуя топориком на себя, на окна, на огнетушитель, что был в его левой руке, и на дверь, из-за которой с лестницы повалил черный дым. — Бу-бу-бу-у!

Что можно было понять как призыв и приказ к спасению! Потому что подъезд в любую следующую минуту мог вспыхнуть, а дом — рухнуть!

— Бу-бу?.. У-у-у-у!! Угу?..

Мужчина с пистолетом был в растерянности. Стрелять в пожарного он не решался, потому что тот был в форме, при исполнении им его прямых обязанностей и потому что с улицы доносился вой десятков сирен, а из подъезда валил душливый дым.

— Угу? — спросил пожарный, поворачиваясь к двери.

Мужчина опустил пистолет.

— Уу-у!.. — ткнул пожарный топориком в мужчину. — У-уууу! — ткнул в дверь и схватил себя за горло.

Его поняли. Да и как не понять, когда, и верно, дышать стало совершенно нечем? Потому что там, сзади, на лестничной площадке отчаянно горела и воняла только что зажженная дымовуха!

Пожарный поставил на пол огнетушитель и, сбросив со спины, протянул задыхающемуся мужчине баллон, наверное, с дыхательной смесью.

— У! — показал он на болтающуюся на шланге маску. — Ого!.. Угу?

Мужчина закивал и схватил маску, ткнувшись в нее лицом. Потому что маска обещала спасение.

— О-о! — удовлетворенно сказал пожарный, нащупывая рукой на баллоне вентиль.

Нащупал и повернул вниз до упора красный рычажок.

Тихо зашипела, устремляясь по шлангу к маске, струя.

Полумертвый мужчина жадно втянул в себя воздух.

И еще раз!..

После чего обмяк и рухнул ничком на пол.

— У-у? — удивился пожарный. — Ого-гу!

Мужчина лежал недвижимо и даже не дергался.

Как неудачно вышло-то! Видно, кто-то перепутал заполнив баллон не тем газом.

Этому потерпевшему помощь уже не требовалась. По крайней мере в течение ближайших тридцати минут.

Но где-то там, в комнате, должен был быть другой погорелец, которого нужно было найти, чтобы ему помочь. Хотя он этого почему-то избегал.

И пожарный, переступив через затихшего мужчину с удостоверением, пошел проверять квартиру, заглядывая в каждый угол, в шкафы и под диваны тоже, как то предписывали ему пожарные инструкции!

На кухне никого не было.

И в правой комнате.

И в гостиной.

И в ванной.

В спальне, на первый взгляд, тоже.

Но пожарный не поленился поглядеть во второй.

Он обошел спальню, приподнял кровать, глянул туда.

Никого!

Отодвинул штору.

И здесь!..

Подошел к шкафу-купе. Потянул вбок дверцу.

Там тоже было пусто. Совершенно...

Но тут сверху, с антресолей шкафа, что-то выпало! Что-то большое и невозможно тяжелое. И то, что выпало, навалилось на пожарного всей своей массой, подминая и опрокидывая его навзничь и выворачивая ему шею.

Что такое?!

А-а... Так это, видимо, спасаемый, который прятался в шкафу, на верхней полке, где задохнулся, потерял сознание и так неудачно вывалился!

Только отчего он так отчаянно молотит руками и ногами? Или он все же в сознании? И отказывается спастись?

А ведь — отказывается! Глазищами сверкает, рычит по-звериному и отчаянно матерится. По-русски. А в руках у него большой остро заточенный кухонный нож.

Которым он так неудачно ткнул пожарного в грудь. Исподволь, снизу, почти без замаха, как бьют только профессионалы и урки со стажем!..

Коротко взблеснув, нож ткнулся в тело, под самое сердце, прорезав серебристую ткань огнезащитного костюма и пропоров подкладку. А дальше не пошел, хоть погорелец наваливался на него изо всех своих недюжинных сил. Не шел нож — соскальзывал в сторону!

Потому что дальше был кевларовый с вшитыми пластинами титана бронежилет! Который не то что ножиком — пулей не проковырять! Предусмотрительный оказался пожарный — знал, что разнервничавшиеся погорельцы, бывает, кидаются на своих спасителей с острыми и тяжелыми предметами. Вот он и подстраховался!

Как ни старался, не мог потерпевший зарезать своего спасителя! Потому что тот, перехватив его руку, выкручивал ее в сторону.

Так они и катались по полу, пыхтя и лягая друг дружку.

— Врешь гнида — не возьмешь! — хрипел полковник Городец, пытаясь вырвать руку. — Думаешь, самый хитрый?! Да?! Я же знал, что ты придешь! И немцы знали!

Дыму, падла, напустил!.. Это ты им — Гансам про пожар втер, а мне — хрен, я сразу понял!..

И верно — понял, еще только когда дым учуял и услышал крики: «Пожар!»

Какой, на хрен, пожар?! Никакой это не пожар, а поджог! Он, коли захотел бы прорваться сквозь оцепление, поступил бы точно так же — рванул пару противопехотных мин и под их гром, под дым и пожар просочился сквозь часовых!

Оттого, как только охранник дернулся к двери, полковник встал у него на пути.

— Сиди, гад! — рявкнул он по-русски.

Но хоть и по-русски, охранник его понял.

— Но пожар! — возразил он.

— Какой пожар — то, дурак, за мной пришли. А пожар — это так, декорация! Даже не думай отпирать — там они, на лестнице!

Немец было послушался, но когда в квартиру стал прибывать дым, а во двор — машины с мигалками, вновь засобирился восвояси.

— Надо спасаться!

Но Herr Baumgartman вцепился в него мертвой хваткой.

— Только попробуй, только сунься!

Но немец дергался, пытаясь высвободиться.

— Пожар, пожар! — испуганно лепетал он. — Надо бежать! Надо спасти жизнь!

Ну что за балбес?!

— Черт с тобой, — согласился Herr Baumgartman. — Иди... На хрен!.. Только сперва пушку оставь! Тебя они не тронут, а мне без нее капут!

Но охранник «пушку» не давал, отдирая от себя чужие руки.

Пристукнуть бы его, чтобы он не дрыгался, да забрать ствол без всякого спроса! Но только без толку забирать, потому что в соответствии с каким-то там идиотским параграфом какой-то там их дурацкой инструкции телохранитель держал оружие и патроны отдельно!

— Где патроны? — орал, выпучивая глаза Herr Baumgartman.

— Nein, nein!.. — бубнил охранник.

Когда в дверь заколотил топор, выяснять, где патроны, было уже поздно, и полковник, отбросив глупого «фрица», кинулся на кухню, где схватил нож поувесистей.

Хрена лысого он без боя сдастся — хоть пару своих приятелей, а на тот свет за собой утащит!

Но прихватить не удалось! Потому что сунувшийся в шкаф «пожарный» оказался ловким малым, успев прореагировать на нападение, и оказался предусмотрительным, поддев под серебристый костюм «броник».

И теперь Herr Baumgartman катался с ним по полу, пытаясь использовать преимущество своего веса.

— Задавлю падлу! — яростно хрипел он.

И задавил бы, кабы пожарный, как-то исхитрившись, не перекинул его через себя хитрым приемом, припечатав со всего маху затылком к полу.

— Здоровый, чертяка! — сказал, тяжело дыша, пожарный.

Сказал — по-русски.

Потому что в огнезащитном костюме его никто не мог услышать. Кроме — него самого.

И опустился подле недвижимого тела.

Ну вот — и свиделись!..

Вот он, виновник торжества. Его торжества! Тот самый предатель. Которого следует убить. Ему! Потому что затем он сюда и прибыл! Затем, чтобы привести приговор в исполнение!

И он выполнит то, зачем его сюда послали. Прямо теперь! Потому что никто ему в том помешать уже не сможет! Все те, кто мог ему помешать, теперь спасаются от пожара сами и спасают мирное, которому ничего не угрожает, население!

Не до него им теперь! Он всем им нашел занятие!..

Пожарный, бывший «чистильщиком», сидел, переводя дух и собираясь с силами.

Еще мгновение, и его миссию можно считать завершенной.

Нет, он не станет его резать.

И не будет душить.

И не выбросит с пятого этажа.

Зачем следить там, где можно этого избежать?..

Приговоренный к высшей мере задохнется в дыму пожара — наглотается дыма и отравится продуктами горения. По крайней мере так установит вскрытие! И станет единственной во всем этом пожаре жертвой!

Чистая смерть...

Немцы, конечно, установят факт поджога, найдя остатки «взрывателей» и оплавившиеся шестеренки будильников. Но только поджога. Доказать, что их подопечного убили, — они не смогут! И даже если поджигателя арестуют, его будут судить за пожар и нанесение ущерба здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, а не за преднамеренное убийство.

Это если возьмут!.. Потому что взять его надо еще умудриться — кто догадается искать злоумышленника, облаченного в пожарную униформу, среди пожара и пожарных? Кто сможет опознать его в огнезащитном костюме? Да и кто будет опознавать, когда он согнал сюда без счета пожарных машин и пожарных расчетов, которые друг дружку в упор не знают?! Да он полночи еще может здесь бродить, принимая благодарности от спасенных жителей.

Нет, здесь все чисто!

Он доделает свое дело, спокойно спустится вниз, отойдет куда-нибудь в сторонку, избавится от «маскарадного» костюма и тихо исчезнет в дыму и пламени! Которые сам же и учинил! Как Люцифер...

Время у него в запасе есть — огонь они собьют быстро, а вот дым рассеется еще не скоро, потому что использованная им «адская смесь» чадит очень долго.

Ну что — пора?..

Он расстегнул костюм и вытянул из кармана дымовую шашку. Небольшую. Маленькую. Но не столь безобидную, как те, другие.

Он достал дымовую шашку и резиновый мешок, который натянет на голову бездыханного предателя.

Затем подожжет «дымовуху», сунет ее в мешок и затянет шнурком горловину. Через мгновение дым заполнит внутренний объем мешка и наполнит легкие жертвы, вытесняя из них кислород. Он умрет, не приходя в сознание, даже не поняв, что произошло. Умрет от продуктов горения, что осядут в его бронхах...

Это будет легкая смерть. Которую предатель, возможно, не заслужил.

Но все же это будет — смерть!..

«Чистильщик» приподнял обреченному полковнику голову и потянул вниз, к плечам, мешок. Голова пролезала легко, потому что мешок был просторный, дабы нагар, осевший на коже и волосах, был равномерным.

Вот и все...

Голова оказалась в мешке.

«Дымовуха» — в руке.

Осталось чиркнуть колесиком зажигалки...

Меч правосудия был занесен. Нужно было лишь опустить его.

Но...

Глава 40

Herr Kuznezov сидел в тюрьме. В престижной — в Матросской Тишине. Компания подобралась замечательная — один задолжавший государству пару миллиардов долларов олигарх, один вор в законе, серийный маньяк, людоед и убийца, и он — Herr Kuznezov.

Herr Kuznezov уже успел сознаться в совершении трех десятков особо опасных преступлений, отчего сокамерники его уважали. И не обижали.

— Ты, главное, все отрицай! — учил его олигарх. — Тверди, что никаких противозаконных деяний не совершал и никаких умыслов не имел.

— А я и не имел. И не совершал, — говорил Кузнецов.

— Молодец! — хвалил его вор в законе. — Иди в глухой отказ, лепи горбатого, требуй «очников» и адвокатов, не то тебе легавые четвертак наматывают.

— Я и так отказываюсь, потому что ничего не сделал!

— Я тоже ничего, — подсаживался к нему, заглядывал в глаза и тихо говорил маньяк. — Я их пальцем не тронул.

И верно, пальцем никого не трогал, только ножичком.

— Я людей люблю.

И точно — любил. По-своему...

— За что они меня здесь держат?..

— Кончай гнилой базар! — недовольно кричал вор в законе. — Пошли играть!

Зеки играли в «Монополию», которую прислали с передачкой олигарху. Олигарх обыгрывал всех, как-то незаметно скупая все участки и строя на них предприятия.

Но потом их скупал вор в законе, потому что у него откуда-то появлялись деньги.

Которые пропадали у олигарха.

Маньяк проигрывал все подряд и скоро начинал нервничать, скрипеть зубами, дергать головой, пускать изо рта пену и недобрым глазом поглядывать на игроков. Поэтому ему давали отыгаться.

В результате проигрывал всегда Herr Kuznezov.

— Не бери в голову, — успокаивал его вор в законе. — Теперь не подфартило, после масть

пойдет! Давай лучше в очко сыграем.

И вытаскивал колоду самодельных карт.

Играть с ним в карты никакого смысла не имело, потому что у него всегда выпадало очко.

Но отказать было нельзя.

— Что ставишь? — спрашивал, тасуя колоду, вор в законе.

Ставить было уже нечего.

И не только ему — олигарх, тот тоже уже семь нефтяных скважин проиграл.

— У меня ничего нет.

— А там, за бугром?

Цацки есть?

А «котлы»?

«Котлы» были — неплохие, швейцарские.

— Ну давай тогда ставь их. Я после приеду их заберу.

— Когда после? — пугался Herr Kuznezov.

— Потом, позже... Лет через пятнадцать, — прикидывал вор в законе.

Herr Kuznezov, конечно, проигрывал.

— Не повезло, — вздыхал более удачливый игрок. — Нет тебе фарту!

Хотя на самом деле Herr Kuznezov считал себя везучим человеком. Одним — на миллион! Потому что стал миллионным переселенцем. И выиграл сто тысяч! Которые не успел получить.

Но обязательно получит. Когда следователи во всем разберутся. Скоро...

Лет через десять...

Глава 41

Приговор был вынесен. Не здесь — в Москве.

Меч правосудия занесен. Здесь — в Германии...

Потому что нет прощения предателям. И не может быть!..

Это шпионов, которые шарят по чужим сейфам ради процветания своего государства и пусть даже убивают, еще можно понять и простить. Потому что они чужие, и то, что делают, делают из чувства патриотизма. К своим странам. Что достойно понимания и, наверное, даже похвалы.

Их — помиловать допустимо!

Своих, ставших чужими, — нет! Они не только Родину предали, они присягу нарушили, они своих сослуживцев, друзей и родственников подставили, они память своих предков осквернили!

Их нужно убивать, как бешеных псов!

Надо!..

И уже натянут на голову жертвы мешок, и горит в руке палача зажигалка — будто поминальная по чужой несправедливой душе свеча! Осталось лишь поднести ее к фитилю...

Но!..

Но отчего тогда медлит «чистильщик»?..

Что ему мешает исполнить свой долг?..

Да то, что он не «чистильщик». Вернее — не в чистом виде «чистильщик», а еще и разведчик, который приучен не только людей убивать, но еще и думать. Вернее — больше думать, чем убивать! И шевелить извилинами, а не только пистолетом! И слышать то, что другие пропускают мимо ушей. И сопоставлять. И делать выводы!..

Вот что удерживает его занесенную для последнего удара руку! И никогда бы не удержало руку «чистильщика», потому что тот лишь выполняет приказ, сосредотачиваясь на нем одном, а все остальное ему фиолетово! Чем они и хороши!

Так в чем же, черт возьми, дело?..

Что мешает ему ткнуть зажигалкой в фитиль?

Что он такое узнал?

И откуда узнал?

Увидел?..

Да ни хрена он сверх того, что уже видел, — не увидел!

Может, слышал?..

Но он сто лет ни с кем не разговаривал — только с предателем!..

Да, верно, — с ним...

И что тотему сказал?.. Ничего особенного — только крыл его распоследними словами.

Разогнулась рука, придвинулось пламя к фитилю. Уже совсем-совсем близко.

И вновь остановилось!

Ну же!!

Горит газ, вытекающий из зажигалки...

Да что же это такое делается-то?! Ну сказал и сказал!.. Какое ему дело до того, что он

сказал, — не за этим он сюда послан. Совсем за другим! Ну так и делай, что надлежит!..

Нет, но ведь что-то такое он сказал!.. Тогда, когда пытался зарезать его кухонным ножом!.. Что такое важное, что теперь вертится в голове, мешая привести справедливый приговор в исполнение! Что-то, что он не уловил в пылу борьбы...

Что?!

Он сказал: «Падла» — и еще ругался матом...

Но это к делу не относится, это так — лирика.

Что еще?..

Еще он сказал: «Я знал, что ты придешь!.. И немцы знали!»

Да — так и сказал:

— Я — знал!.. И немцы — знали!..

Вот!..

А ведь верно — знали!.. Заранее! Отчего и нагнали сюда столько людей и охраняли его, будто премьер-министра!

Ах ты черт тебя раздери!

Вот в чем суть и объяснение противоречиям, мучившим его все это время, — несовпадению значимости предателя масштабам охранных мероприятий! Пешку охраняли не по чину, охраняли — как короля, ну или, в крайнем случае, как ферзя!

Теперь это ясно. Как божий день! И ясно — почему!

Они просто знали, что за ним придут!

Знали и готовились к встрече!

Не охранники это были, а — ловцы! На которых зверь бежит! Вернее, прибежал уже!

Вот в чем дело!

И это многое меняет! Вернее, все меняет! Все ставит с ног на голову!

И зажигалка погасла!.. Не потому, что обожгла пальцы, совсем по другой причине!

Из-за вопросов. Которые появились за мгновение до того, как упал меч! Очень неудобные вопросы, на которые не было ответа.

Если они знали — то откуда узнали?

Вернее — от кого узнали?!

Из каких источников они могли получить информацию об операции, о которой были поставлены в известность — должны были быть поставлены — далеко не все, но лишь единицы?

Откуда?!

И единственно возможный ответ — только оттуда, из Москвы.

Из — нее!..

Потухла зажигалка, так и не найдя фитиля...

Опустился карающий меч...

Вот потому-то не хватающие звезд с неба «чистильщики» сто крат лучше перепрофилированных в убийцы разведчиков. Тем — что не думают, а дело делают!

Вот и ему бы не думать — многих бы бед тогда он избежал сам и многих людей от беды уберег.

А он взял да и задумался!..

Глава 42

Когда Herr Baumgartman пришел в себя, он в первое мгновение не понял, что с ним и где он. Потому что он лежал, но лежал не на диване, а на полу. И к тому же не мог пошевелиться. И еще чувствовал, что задыхается потому что его окутывал ползущий на него дым.

И тут он вспомнил про пожар!

Ну да, конечно, — вначале был дым, потом сирены.

И, вспомнив про пожар, вспомнил про пожарного... Которого пытался зарезать. Жаль — неудачно.

Ей-богу — лучше бы он сдох!..

Herr Baumgartman в отчаянии застонал.

И над ним сей момент кто-то склонился. Весь в серебристом и блестящем, как елочная игрушка.

Спросил участливо:

— Ну что — очухался?

По-русски спросил... Черт его в клочки раздери — по-русски!

— Ну и падла же ты! — в сердцах сказал Herr Baumgartman.

И это за то, что его не убили, хотя могли! Вернее — должны были!

— Вставай! — приказал пожарный. — Сам-то, своими ножками, идти сможешь или нет?

Но полковник хоть бы пошевелился!

— Ты кто такой?! — грозно спросил он.

— Можешь считать, что твой ангел-спаситель! — хмыкнул пожарный.

— А коли так — спасай. Или... добивай! Чего вылупился-то! — зло бросил Herr Baumgartman, пытаясь высвободиться, отчего отчаянно дергал руками и ногами.

— Ну так пойдешь или нет?

— Сам иди! — ответил полковник, и сказал куда. Далеко, таких адресов в Германии не знают, только — в России!

— Все понял или повторить?

— Понял, — спокойно кивнул пожарный. И огрел его по шее.

Отчего полковник перестал дергать веревки на руках и ногах, кулем свалившись на бок.

Придется его теперь волоочь на себе, кабана такого! И пожарный стал уж было подлазить под недвижимое тело. Да вдруг замер.

Волоочь?..

А как?! Не в смысле физическом, тут проблем нет — и большие тяжести на закорках приходилось таскать, — совсем в другом смысле! Ведь как только он вынесет свою ношу на улицу, охрана сразу признает своего подопечного, все поймет и бросится к ним, как к родным, с распростертыми объятиями! Но даже если не опознает в пожарном злодея, то все равно вырвет пострадавшего из его рук! И останется он ни с чем!

Чего допустить никак нельзя!

Потому что ему нужно доставить его живым и здоровым.

Во что бы то ни стало!

В Москву!

И передать с рук — на руки!

Потому что такой у него план!

Доставить и отчитаться о проделанной работе. А там пусть они сами с ним разбираются и сами приводят свои приговоры в исполнение. Потому как если он его здесь, в Германии, допросит и здесь же оставит, то ему могут не поверить. Вернее, не ему, а пересказанным им с чужих слов показаниям, которые нечем будет подтвердить.

Нет, пусть лучше они работают с первоисточником чем с ним! Так лучше будет!..

Так решил «чистильщик», потому что был — никудышный «чистильщик»! Потому что, вместо того чтобы убить, решил спасти ценный источник информации хоть имел совсем другой приказ!

Но как можно убить того, кто может вывести на «крота»?! Того, что предупредил немцев о готовящейся акции! Никак нельзя убивать, а нужно тащить на закорках через все границы, оберегая его жизнь пуще своей!

Так разведгруппы волокут через нейтралку взятых ими «языков», себя не жалея, — прикрывая их от погони, подставляясь своими телами под пули и осколки, отдавая последний

перевязочный пакет. Иной раз половину своих ребят теряют ради того, чтобы сохранить жизнь врагу!

И дотаскивали!

И он — дотащит! Потому что жизнь предателя во сто крат менее ценна, чем имя «крота», что тихо и незаметно трудится в недрах российских спецслужб, подрываясь под оборонные секреты Родины. Вычислить такого и извлечь из норки на божий свет — большущая удача! И упускать ее он не намерен!

Вот только как его из дома вывести, вот — задачка!

Ей-богу, почесал бы затылок, кабы он был достижим!..

Может, его пледом прикрыть?..

Пожалуй! А лицо паранджой занавесить, чтобы его не признали!..

Во-от!.. Паранджу, может, и нет, а все прочее не помешает.

И пожарный потопал в соседнюю квартиру, откуда доносились приглушенные женские крики.

Вошел, встал на пороге — памятником героям-пожарным. Но дальше отчего-то не пошел — стал рыться в ближайшем шкафу.

Ага — вот.

И это тоже сгодится.

Где-то совсем недалеко, в соседней комнате, высунувшись в окно, орала благим матом женщина, а пожарный, бывший от нее в двух шагах, увлеченно рылся в ее гардеробе.

Извращенец он, что ли?

И еще вот этот симпатичный, с зелененькими кружочками, халатик...

Набрал гору вещей и потащил их с собой.

А женщина знай себе все орала, призывая на помощь...

Притащил, сбросил и, ворочая бесчувственное тело Herr Baumgartman, стал рвать и закатывать на его ногах штанины и натягивать на них эластичные женские колготки. Которые, конечно, рвались, не выдерживая столь варварского обращения, но самый низ все же уцелел. Чего было довольно.

Он натянул колготки до колен и набросил на Herr Baumgartman прямо поверх одежды цветастый халатик. И нацепил на ноги босоножки, так чтобы они болтались на пальцах и оттого не был понятен их размер.

Ах да, еще аксессуары!.. Это — обязательно, гардероб делают детали. Так их учили!

И он нацепил на руку задохнувшейся немецкой «гражданки» какое-то блестящее украшение.

Да, так!..

Присел, вскинул бессознательную потерпевшую на руки, поправив на ее ногах босоножки, и набросил на лицо и туловище какое-то покрывало. Чтобы, как предписывает инструкция, прикрыть ее от огня и падающих сверху головешек! И еще от любопытных глаз!

Ну что?

Очень даже ничего!.. Не самые изящные, но все равно женские, потому что в колготках и не застегнутых болтающихся на пальцах босоножках, ножки, стыдливо распахнутые полы халата, бессильно свисающая вниз рука в браслете, жаль, без маникюра на пальцах, но его делать некогда — вполне убедительный и где-то даже сентиментальный образ! Впору картину писать — спасаемая из огня дама на руках героя-пожарного!..

Тяжеленькая, правда, дамочка — килограммов сто!.. О-ох! А нести ее надо легко и красиво — как даму! Чтоб тебя — разожрался на немецких харчах!..

Стал спускаться по ступенькам. Очень вовремя, по тому что навстречу бежали такие же, облаченные в такие же огнезащитные костюмы «коллеги».

— Угу?..

— Бу-бу-бу!..

Кивок назад.

Мол, все в порядке, эту я спасу, но там, наверху, есть еще нуждающиеся в помощи жильцы.

Пожарные, неуклюже двигаясь в своих бесформенных костюмах, потрусили вверх.

Он — вниз.

Третий этаж.

Второй.

Первый!..

Толкнул ногой разбитую дверь, вывалился на улицу весь в дыму и копоти со своей бессознательной жертвой. И тут же навстречу ему кинулись какие-то в «гражданке» люди.

Вот они, голубчики, — спохватились! Ждут, когда brave пожарные спасут для них и вручат им вверенный их заботам «объект».

А это — не «объект», это женщина. Колготки видите? И халат! И босоножки! Особенно обратите внимание на руку с изящным браслетом! Ну что — удовлетворены? Тогда расступитесь!

— Вы в какой квартире были? — закричали охранники.

— Бу-бу! — ответил пожарный.

— Там есть еще живые?

— Угу-м!.. — ответил пожарный, мотая головой.

И, бесцеремонно растолкав обступивших его ротозеев, побежал к карете «Скорой помощи».

Останавливать его, конечно, никто не стал. Женщина их не интересовала, а вступать в конфликт с пожарным — себе дороже выйдет, он после, если жертва, не дай бог, преставится, на тех, кто ему мешал ее спасать, всех собак свесит!

Пожарный подбежал к машине «Скорой помощи», но почему-то не к ближайшей, а к той, что стояла за ней.

Подбежал и стал впихивать свою ношу в дверцу, не желая отдавать ее медбратьям. Видно, и сам пожарный был плох!

Засунул жертву пожара внутрь и забрался сам. За ним полезли было медбратья, но он стал их отталкивать, что-то отчаянно крича и указывая на подъезд.

Мол, вы там нужнее, чем здесь, а мне тоже надо ехать, я тоже еле жив!

Один медбрат все-таки вскарабкался внутрь.

— *Fahren, fahren!!* — глухо прокричал пожарный.

Чего стоим — давай поехали! И тут же ничком рухнул на спасенную им жертву, лишившись чувств.

Машина оказалась битком забита потерявшими сознание пациентами и потому сразу же с включенной мигалкой помчалась в больницу.

Подальше от пожараща.

Медбрат стал было возиться с пожарным, пытаясь извлечь его из костюма, но как это сделать, не знал.

Он встал на колени и начал ощупывать ткань, разыскивая застёжки. В этот момент пожарный пришел в себя, вздрогнул и как-то так неловко повернулся, потому что задел медбрата рукой, отчего тот охнул и сполз на пол.

Но водитель ничего этого не видел, потому что всматривался в мрак ночи, разрываемый светом фар, и топил педаль акселератора в пол!

Вот и ладно, что не смотрел.

И ничего не видел!..

Когда выскочили на шоссе, пожарный вдруг крикнул:

— Stop!

Stop!!!

Испуганный водитель обернулся, увидел навал тел в салоне и дал по тормозам. Пожарный полез зачем-то в кабину. И опять неловко, потому что водитель ткнулся лицом в баранку.

Спустя минуту водитель и медбрат лежали бочок к бочку на обочине дороги, пребывая в состоянии нирваны после укола обезболивающим, найденным здесь же, в машине, в

фельдшерской сумке.

Найдут их не скоро, лишь когда они очнутся. Но и тогда ничего вразумительного они сказать не смогут.

Лишь расскажут удивительную историю о сошедшем с ума пожарном, который набросился на них и зачем-то угнал машину. И более ничего! Потому что лица пожарного и спасенной им жертвы они не видели.

Ну ладно, отдыхайте, ребята...

Пожарный сбросил свой серебристый и теперь уже бесполезный костюм, забрался на водительское место, врубил мигалку и тронулся с места.

На первом же повороте он свернул и, не выключая мигалку, понесся по шоссе, выжимая из мотора все имевшиеся в нем лошадиные силы. Каждый новый километр удалял его от места происшествия, где еще бегали, суетясь, пожарные, полицейские и юркие ребята в штатском.

Скоро он снова свернул, выехав на автобан.

Через пару сотен километров — а это, почитай, четверть всей их Германии? — он бросит машину, загнав ее в какое-нибудь неприметное место, чтобы сразу ее не отыскали, пересядет в микроавтобус, которых он арендовал сразу штук восемь, расставив на стоянках в разных частях страны, и...

И тогда сам черт его не найдет!

Поздно, ребяташки, нужно было там, на месте, ушами не хлопать! Там, на месте, взять его было пара пустяков, а здесь попробуй найди!

Карета «Скорой помощи» катила по автобану, распугивая машины воем сирены и синими всполохами мигалки. За рулем сидел усредненного вида немец, в салоне, на носилках, лежал в отключке больной, которого срочно требовалось доставить в... Россию...

Так все было задумано.

И как задумано — так и исполнено.

И осталось всего перескочить пару границ. Всего-то!

Но... гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Про их, немецкие, которые на каждом шагу, овраги!..

Глава 43

— Как нет?!

— Нет!.. Мы обшарили всю квартиру, весь подъезд и на всякий случай чердак и прилегающие территории. «Объект» нигде не обнаружен.

Доклад был безрадостный.

Пожар потушен, но «объекта» в квартире не оказалось! Хотя подъезд и окна находились под постоянным наблюдением.

— В больницах смотрели?

— В приемные покои больниц он не поступал.

Вот так номер!..

— Необходимо допросить бывшего при нем телохранителя!

— Это затруднительно — он находится в госпитале.

Угорел в дыму!..

Ах как все неудачно получилось! Ну кто мог подумать, что в дело вмешается стихия, — что случится пожар!

Хотя — нужно было знать! Нужно было предвидеть!..

— Что еще?

— Мы сообщили в полицейское управление приметы пропавшего «друга», отправили его фотографию и попросили, чтобы нам сообщали о всех проходящих по линии полиции и служб спасения трупах. Мужских трупах не старше пятидесяти лет и ростом выше метра семидесяти...

Это — разумно.

Но смысла не имеет.

Потому что «друга» искать не надо — он сам найдется Где-нибудь в тихом месте, припорошенный землей.

Искать надо не «друга», а «гостя»!

Вот только как?.. Дать ориентировку полицейским? Но что в ней указывать, когда ни его приметы, ни его рост неизвестны. Вообще ничего неизвестно...

А почему, собственно?!

— Вот что — дайте мне фотографию электрика, того, что ремонтировал фонарь.

Фотографию нашли — нетрудно было! В Германии с учетом все в порядке — все подшивается, все раскладывается по папочкам и хранится вечно!

Вот он, «гость»!

Может быть, конечно, это не он, может быть, кто-то из его помощников, но все равно он гость, притом — непрошенный. Если найти его, то нетрудно будет найти и его сообщников!

— Немедленно разошлите эту фотографию по всем полицейским управлениям и на пограничные пропускные пункты — немецкие и сопредельных государств. Дайте пометку, что это особо опасный преступник, сообщите, что он, к примеру, маньяк, убивающий малолетних девочек, — чтоб повнимательней смотрели. И отправьте наших людей в аэропорты, имеющие сообщение с Россией. Пусть проверяют всех пассажиров!

Только ничего этого не требовалось!

Просто никто об этом еще не знал!..

— У вас что-то еще?

— Да. Пропала карета «Скорой помощи». Вместе с бригадой. Машина была послана на пожар, после чего исчезла, перестав выходить на связь. А это уже было интересно.

— Сообщите номер машины всем дорожным службам!

И пусть останавливают и проверяют все кареты «Скорой помощи» на тот случай, если он сменил номера, А как быть с «другом»?

А очень просто!..

— Пригласите ко мне кого-нибудь из техотдела.

Пригласили.

— Мне необходимо установить местонахождение «объекта». Это возможно?

— С уверенностью сказать нельзя, но можно попробовать найти его по исходящему радиосигналу. Если, конечно, он теперь не в воде. В воде микрофоны работать не будут.

— Сколько вам на это потребуется времени?

А несколько! Потому что «объект» круглосуточно находится на связи, чтобы иметь возможность отслеживать все его разговоры. Для чего в его квартире были установлены микрофоны прослушки. И пара — вшиты в его одежду.

Проверили прослушку.

Тишина!

— Я хочу прослушать последние записи.

Сопение...

Храп...

Какие-то сонные бормотания...

Далекий вой сирен...

Возбужденные голоса, говорящие по-немецки:

— «Пожар, пожар! Надо бежать! Надо спасти жизнь!»

Это, кажется, телохранитель.

— «Черт с тобой. Иди...» — дальше непонятное слово по-русски — «нахрен». — «Только сперва пушку оставь! Тебя они не тронут, а мне без нее капут!»

И дальше:

— «Где патроны?»

— «Nein, nein!..»

Какая-то возня, топот, удары.

И вновь голоса. На этот раз говорящие по-русски.

— Позовите переводчика!

Позвали. Включили запись.

— «Ну что — очухался?..»

— Ну что — пришел в себя? — перевел переводчик.

— «Ну и падла же ты...»

— Это — русское ругательство, принятое в уголовной среде.

— «Вставай!.. Сам-то, своими ножками, идти сможешь или нет?»

— Он приказывает ему подняться. Испрашивает, может ли он идти сам.

— Куда?

— Этого он не сказал.

— «Ну так пойдешь или нет?..»

— Еще раз уточняет, может ли он идти.

— «Сам иди!..»

— Ну, что же вы молчите?

— Там мат. Русский мат.

— Ну так переводите! Может, там сокрыта какая-нибудь информация.

Переводчик — из бывших советских — пожал плечами. И перевел. Дословно.

— Он сообщил, что имел извращенные сексуальные контакты с его Mutter, с ним самим, со всей своей бывшей Родиной и с Германией тоже.

Потом уточнил, правильно ли его поняли.

— Ему ответили, что его поняли.

Все.

А при чем здесь Германия?..

Дальше какой-то удар и тишина.

Спустя какое-то время возня, шаги.

Какие-то невнятные голоса:

— Бу-бу-бу...

Крики:

— Fahren!

Гул едущего автомобиля.

Крик:

— Stop!

Вновь тишина.

Гул запущенного двигателя и вой сирены.

И довольно долго еще шум двигателя и вой сирены.

Постепенно затихающий и прерывающийся...

Наконец — полная тишина.

— Что это может значить?

— Скорее всего, микрофон вышел из зоны уверенного приема.

Как так вышел? Выехал?..

Однако это меняет все дело!

— Мы можем вновь услышать сигнал, если микрофон окажется в зоне приема?

— По всей видимости — да. До последнего момента он работал исправно.

Интересно, интересно...

— Тогда немедленно посадите своих людей в машины и прикажите разъехаться им во всех направлениях, непрерывно сканируя эфир.

Дайте мне сюда карту!

Быстро развернули на столе карту.

— Двигайтесь по этому, этому, этому и этому автобанам! Гоните машины на предельной скорости. Сообщите в полицию, чтобы их не останавливали. И запросите у военных и полиции вертолеты, чтобы сканировать местность сверху!

Да — вертолеты! Самое главное — вертолеты!..

Если он все еще не избавился от «друга» или от его труп, то они имеют шанс найти их! Ну или хотя бы «друга»!

— И вот что еще — сообразите, как можно перенастроить на нужную волну полицейские передатчики!

Если перенастроить полицейские передатчики, то тогда всю страну, весь ее эфир, накроет невидимая глазу сеть, с помощью которой легко будет выудить тот самый, единственный, так нужный им микрофон.

— Вам все ясно?

Все было ясно. Предельно...

В охоте это называется облава. Когда своры собак, егеря, всадники, мужики с вилами и красными флажками загоняют одного-единственного волка, выгоняя его из темной чащи на изготовленные к стрельбе ружья. Все — на одного!..

Но на этот раз чащи не было — была Германия, а вместо матерого волка — «чистильщик».

Но все равно:

— Ату его — ату!..

Глава 44

По автобану номер четыре неспешно катил микроавтобус, взятый на прокат несколько дней назад в одном небольшом немецком городке. Взывший его гражданин назвался Марксом. И назвал свое имя — Карл. И расписался как — Карл Маркс. Чем никого не удивил, потому что молодое немецкое поколение никаких таких Марксов не знает, раз тот не играет на ударных в группе «Рамштайн»...

Милая девица сообщила, что водитель сможет оставить машину в любом из удобных ему пунктов, откуда ее перегонят назад, механик передал ключи, сообщив, что бак заправлен под самую горловину, и Карл Маркс покатыл себе по Германии.

И теперь — катил.

Не торопясь.

Не превышая скоростной режим.

Не нарушая правил движения.

По средней полосе.

Чтобы не привлекать к себе внимания полиции.

Именно так и должен ехать отрывающийся от погони беглец — тихо и незаметно, не бросаясь никому в глаза. Как в пословице: тише едешь — дальше будешь. От преследователей!

На соседнем сиденье, пристегнутый ремнями безопасности, сидел пассажир. Единственный. Но очень ценный. Сидел вяло, не делая попыток вырваться, потому что был пьян до такой степени, что еле мог ворочать языком!

В кармане пассажира находился аусвайс, удостоверяющий, что он Gugo Fricsh, проживающий в городе Мюнхене. Возможно, он был не очень-то похож на фото в паспорте, но в таком виде

всякий был бы сам на себя не похож!

Водитель изредка косился на пьяного в дым пассажира и, когда тот приходил в себя и начинал возиться, заворачивал на стоянку, где наливал ему стаканчик.

А то и сразу два. А если тот не пил, тыкал его кулаком под ребра, что хорошо способствует усвоению алкоголя. После чего они ехали дальше...

Пассажир спал, бормотал что-то, иногда, вдруг очнувшись, пытался что-то кричать и петь. Чаще всего по-немецки. Хуже, когда по-русски:

— Широ-о-ка страна-а-а моя-аро-одн-ая-яя!.. — начинал он орать могучим басом.

— Заткнись! — прикрикивал на него водитель. И если тот не слушался, пихал его кулаком.

Пассажир удивленно глядел в сторону, откуда только что что-то прилетело и, с трудом ворочая осоловелыми глазками, вопрошал:

— Ты кто?.. Мы куда едем?

— Домой, — примирительно отвечал водитель.

— А-а... Тогда — езжай. Плачу четвертак! — говорил довольный пассажир.

И тут же начинал что-то невнятно бормотать, клонился и бессильно ронял голову на грудь. Вдруг просыпался и снова спрашивал:

— Мы куда едем?

— Домой... Спи.

— Адрес я тебе назвал?

— Назвал.

— Тогда — гони, шеф! Не обижу!..

В общем, развезло мужика! А ведь когда в армии диверсантом служил — пил как лошадь, ведрами! Эх его жизнь на чужбине сморила!

Ладно, пусть дрыхнет, так спокойней. Ну не вязать же его и не заклеивать ему рот скотчем? Лучше — так... С пьяных — с них везде спрос меньше.

Сзади завывла сирена. Легковушки ссыпались с третьей полосы, освобождая дорогу полицейской машине.

Уж не за ними ли?

Водитель внимательно наблюдал за полицейскими в левое зеркало.

И тут что-то произошло!

Что-то, чего никак нельзя было ожидать!..

До того безвольно болтающий головой, пускающий на грудь слюни, прихрапывающий во сне

пассажир вдруг быстро открыл глаза и, метнувшись, потянулся к рулю. Натянувшиеся ремни безопасности отбросили его назад, но он все равно дотянулся, ухватил баранку, рванув ее в сторону. В сторону едущей справа большегрузной фуры.

Микроавтобус вильнул, устремляясь в борт грузовика!

Вот ведь сволочь!.. Да он же не пьян, он лишь играл пьяного, болтая всяческий вздор и горланя песни! Он ждал момента, который представился, — услышал сирену полицейской машины, увидел синие блики, метнувшиеся по стеклу, и решил впечатать микроавтобус в грузовик, чтобы привлечь к нему внимание полицейских. А если это не удастся и водитель даст по тормозам, то тогда идущая сзади машина непременно врежется им взад!

Так рассчитывал он!

Но все же Herr Baumgartman выпил немало, даже по масштабам полковника Городца — чуть не полтора литра шнапса — шутка ли, — и оттого неверно оценил расстояние. И не оценил реакции водителя, который успел дать по тормозам и в малое мгновение, вильнув, занырнуть в узкую щель меж двумя грузовиками, давая путь идущему сзади «Фольксвагену»! Так опасно вильнул, что краску с бамперов содрал!

Грузовики возмущенно заревели сигналами.

«Фольксваген» тоже!

Полицейские оглянулись, но ничего такого криминального не заметили. Машины неслись по автобану, словно они составляли единый монолит!

— Ты что творишь?! — свирепо рявкнул водитель.

Но пассажир продолжал выворачивать руль, другой рукой шаря по ремню, чтобы отстегнуть его и, отстегнув, освободиться и вцепиться в глотку врагу. Но отстегнуть ремень не мог, так как тот предусмотрительно был заклинен в защелке.

Полковник Городец рвал на себя руль, водитель с большим трудом удерживал машину, не имея возможности даже затормозить, потому что сзади напирал пятнадцатитонный ревущий грузовик.

— Убери руку!..

— Дурак — они все равно тебя возьмут! Лучше сам сдайся! — совершенно трезвым голосом вопил пассажир.

Но водитель с ним больше разговоров не говорил — хватил правой рукой по шее, отчего тот обмяк и осел в кресле.

Микроавтобус выровнялся...

И сдал к обочине.

Все — довольно гуманизма!.. На запястьях пассажира, завернутых за спину, защелкнулись наручники. И был он усажен на собственные руки, так, чтобы завонять их своим мощным торсом. И притянут к спинке сиденья привязными ремнями.

Вот так — теперь никуда не денется!..

Но как он играл!.. Как убедительно изображал пьяного!

Непростительный прокол!

Водителю было тошно — не от того, что он только что чуть не попал в аварию, а потому что расслабился поверил в чужую игру, подставился. Он — профессионал!

Не прост оказался «клиент» и фанатичен, коли жизнь свою на кон поставил! Впредь надо держать с ним ухо остро!..

Э-эх!.. Да кабы в нем было дело — кабы в пассажире!

А, впрочем, и в нем!

Катит по дорогам Германии черный микроавтобус, за рулем которого сидит Карл Маркс. Который хоть и башковит, но все же — дал маху. Да не в марксизме с последующим ленинизмом, а в том, что счел себя хитрее всех, как тот колобок из сказки, что от бабушки ушел, и от дедушки, и от медведя даже. И катится сам собой довольный... прямо в пасть лисе!

Сам — катится!..

Глава 45

Вот летит вертолет. Над страной Германией. Не абы как летит — разрешенным воздушным коридором, вдоль автобанов. Отсюда, с высоты, управлять движением легче, вот и пересадили полицейских на винтокрылые машины.

Рубит вертолет лопастями ночную темноту неба, а кажется, будто неподвижно висит, потому что земли не видно — только цепочки огней, которые текут вниз! сливаясь, расходясь, образуя на заправках и стоянках небольшие огненные озера.

Красиво — черт побери!

Но им не до красот.

Второй час в небе! Пилот сосредоточен, стараясь выдерживать маршрут строго вдоль автобана, вписываясь во все его повороты.

Вот два огненных потока внизу сошлись вместе, переплелись полукружьями развязок, напоминающих сверху гигантские цветки.

— Куда? — спрашивает взглядом пилот.

— Туда! — указывает человек в наушниках, выбирая направление.

И ведь угадал, паршивец!

Встрепенулся!..

— Есть сигнал!

Слабенький, еле слышный, но сигнал!

Где-то там, внизу, в потоке, несется машина, в которой работает вшитый в одежду микрофон. В

наушниках ничего не слышно — только какой-то ровный гул. Но это не помехи — это рокот работающего двигателя!

Затих!..

Снова появился!..

— Туда! — показывает человек в наушниках, уточняя направление.

Пилот закладывает вираж, и полицейский вертолет, проскакивая перекресток, несется вдоль автобана над потоком текущих в бесконечность машин.

— Ну что? — взглядом спрашивает пилот, потому что голосом без толку, все равно ничего не услышать.

— Отлично! — вскидывает вверх большой палец человек в наушниках, радостно улыбаясь.

Сигнал проходит ясно, устойчиво.

Машет пальцем вниз — мол, снижайся.

Пилот кивнул, завалил машину к земле...

В наушниках отчетливо ревет движок, и кажется даже, слышен гул проезжающих мимо автомобилей.

— Небо-семь вызывает Землю-два.

— Земля-два на приеме.

— Есть сигнал! Кажется, мы нашли его!..

— Где вы находитесь?

— В сороковом квадрате.

Где это?..

Отлично!

— Сопровождайте сигнал десять минут, мы высылаем на перехват машину.

Какую бы — из тех, что ближе?

— Двадцать пятый?.. Слышишь меня?..

Где вы находитесь?

— В сорок третьем квадрате.

Да, верно, сорок третий ближе всего!

— Немедленно перемещайтесь в сороковой квадрат. Выйдете на связь с Небом-семь, они вас сориентируют по месту.

Как поняли?

— Понял. Выполняю!

Вот и закрутилась погоня — затыкали взявшие след борзые, пошли по запаху, потянулись к чащобе загонщики, крутя трещотки. Скоро некуда будет деваться матерому, скоро лежать ему бездыханному, истекающему кровью на траве.

Пропал матерый, хоть о том еще не знает! Хоть несется стремглав, продираясь сквозь кусты, думая, что оторвался, что ушел, что спасен!..

Рубит ночную темноту невидимыми лопастями вертолет, летит, приседает к земле, будто вынюхивает чего — в точности борзая, разве что в азарте погони не гавкает!..

Ату!.. Ату его!..

Глава 46

Что это?.. Что за звук, которого раньше не было? Будто стрекот?.. Вертолет?

Да, верно — он! Стрекошет, мелькает во тьме бортовыми огнями, летит почти над самым автобаном. Чего он тут разлетался? Ночью-то?.. Богато, видно, живет Германия, коли ее гаишники пересели на малую авиацию!

Ну да черт с ним — пусть себе летит! Лишь бы не по его душу. Но — не по его — откуда им знать, где он теперь находится?.. А правил он не нарушает...

Несется во тьме не бросающийся в глаза микроавтобус, который ведет невзрачный на вид немец, везущий пьяного в дым приятеля. Будто бы домой.

А ведь и верно — домой!..

Все тихо и спокойно — мерно урчит двигатель, сопит перебравший лишнего пассажир. А отчего-то все же тревожно!.. Зудит то место, на котором он сидит. Которое — вещун!..

Глянуть, что ли?

Раз фары.

Два.

Три.

Четыре...

Дальше ничего уже не видно, дальше — темнота.

А ну как если теперь притормозить?

Сбросить газ, пойти накатом, постепенно гася скорость.

Первые фары, мигнув поворотником, пронеслись мимо.

Вторые...

Третьи...

Четвертые...

Никто не притормозил, не ушел в правый ряд. Нет, на слезку все это не похоже.

А все ж таки — береженого бог бережет!

Резко вильнуть, свернуть на стоянку, остановиться, не глуша двигатель, не снимая ноги с педали газа. Оглядеться.

Ну что, притормозит кто-нибудь?..

А ведь притормозил!.. Черный джип. Но не здесь, а далеко, метров за четыреста, где его не увидеть! Притормозил, встал, прижавшись к самому шумоотражающему забору, включив аварийку.

Зачем ему соваться ближе, когда он по радиосигналу идет!

Скоро другие машины подспеют — вместе, навалившись, они русского диверсанта в два счета скрутят! А пока высовываться не резон, пока беглец пусть считает себя невидимкой.

Взревел в наушниках движок!..

Нет, никто не остановился, не завернул на стоянку, даже не притормозил... Все тихо и спокойно как... на кладбище.

Можно трогаться...

Микроавтобус, из которого так никто и не вышел, сорвался с места, влился в поток машин. Поехал...

Хоть ехать ему оставалось всего ничего!..

— Двадцать пятому и Двадцать четвертому сопровождать гостя до ближайшего поворота. Высылаем туда полицейские машины!

Как поняли?

— Понял!..

— Двадцатый вызывает Двадцать пятого!..

Мы на подходах... видим вас!

А вот и еще подмога подошла — третья машина! Быстро они собрались, съехались в одно место! Ну точно — свора!

— Что нам делать?

— Двигайтесь за Двадцать вторым в хвосте колонны, дистанция пятьдесят метров, повторяйте все его маневры!

— Яволь!..

Сошлись вместе три без мигалок и опознавательных знаков машины, встали в хвост друг другу. Едут...

И все равно что-то не то! Ну — не то!.. Надо уходить... Не сказать почему, не понять, но надо уходить!.. Куда-нибудь в сторону, по второстепенным дорогам. Лучше всего на ближайшем же перекрестке.

Сколько до него?.. Сорок километров! Но тут уж ничего не попишешь, с автобана, коль на него попал, так легко не съедешь, это тебе не российские шляхи, где через каждые сто метров какая-нибудь грунтовка!

Ничего — как-нибудь... Сорок километров — это не так уж далеко!

Несется микроавтобус!

Водитель напряженно смотрит... Да не вдаль, а в зеркала заднего вида, потому что опасность, коли она есть, выльнет из-за спины.

Чует он, хоть ничего не видит!..

А ну-ка — резко затормозить, пусть даже с риском принять в зад машину, сдать к обочине, встать, включив аварийные огни. Уж больно место хорошее — дорога ровная, без поворотов — километра четыре прямой обзор, да и машин по ночному времени немного. А главке, джип... Вон тот!.. Приметный, потому что с гирляндой огней на крыше!

Ну-ка глянем!

Хм... Фары, те и еще другие... И третьи тоже! Что были не близко, но были впереди приметного джипа. Были да вдруг — сплыли! Джип вот он — мимо проскочил, спасибо ему, что он такой весь яркий и приметный, что позволяет вести отсчет с него. Джип-то проскочил, а те три машины где? Ведь перед джипом было девять машин, а стало шесть! Где еще три? Куда они подевались, когда отсюда некуда деваться и нельзя останавливаться без крайней на то нужды?

Уж не слежка ли это? Тогда очень профессиональная слежка, пропускающая между собой и «объектом» чуть не дюжину машин! А ну как теперь по газам!

Но не сразу, а дождавшись, когда сзади никого не будет. Совсем никого, на два-три километра! И сразу, движка не щадя, рвануть до сотни, а после до двухсот!..

Ага, появились голубчики — пара фар! Тех самых!

И третьи за ними метрах в пятидесяти!

Ох, не нравятся они ему — активно не нравятся.

Чем?

Тем, что идут с одной скоростью. С его скоростью!

И останавливаются, когда он тормозит!

И гонят под двести, когда он гонит!

А если вновь остановиться? Да не просто остановиться, а задом сдать? Что противоречит всем

правилам! Что на автобане почти самоубийство, потому что навстречу по правой полосе несутся большегрузы, которые, если боднут, мокрого места не оставят!

Но все равно поехать, чтобы сблизиться и поглядеть, что они делать будут.

Что?.. Метнулись к обочине, встали, аварийку включив. Типа — сломались? А чего же тогда стоп-сигнал за сто метров, как положено, не вынесли? А?

Стоите? Ну-ну...

А мы стоять не будем, мы задком, задком попятимся, как рак. Нам незазорно!.. Что, не ожидали такого маневра, занервничали, не знаете, что делать?

А ничего, коли вы просто добропорядочные немцы — стоять себе да ждать, когда мимо вас сумасшедший водила, едущий задом наперед, проскочит! А вам что-то не стоитя — попятиться, дав задний ход!

Нет, сообразили, что тем выдают себя со всеми своими потрохами.

Первая машина рванула с места.

А вот другие две запоздали!

Ой — мамочки мои!..

Заскрежетали, завизжали страшно тормоза, и огромный с тентованным полуприцепом грузовик, который шел по правой полосе да вдруг выскочил на несколько пятящихся задом машин — что за невидаль! — вывернул в сторону, зацепил бортом последнюю легковушку, сбросив ее с обочины, пошел юзом, встав поперек всех полос, вломился в ограждение, что разделяет автобан на две половины, снес его к чертовой матери, выскочив на «встречку»!

А-яй!

Что, ребятки, — доигрались?

Ну да это к счастью! Не к вашему — к моему. Которого, точно, не было бы, кабы несчастье не помогло!

Теперь — ходу!.. Потому что все ясно — не ясно только, как они на него вышли?

Черный микроавтобус вдруг развернулся поперек полосы и, пользуясь тем, что движение застопорилось из-за аварии, понесся против потока! Вмиг домчал до пролома в ограждении, выскочил на встречную полосу, шарахнувшись от нескольких легковушек, и, вильнув помчался, как улетающий заяц. В сторону, откуда только что приехал!

И вот этого уже никто предположить не мог, потому что не ожидал, что можно вот так, запросто, развернуться на немецком автобане, который от края до края разделен металлическим ограждением! И потому никому в голову не пришло ставить полицейские засады позади беглеца! Только там, только — впереди!

Но не один микроавтобус правила презрел, а и еще две машины, которые тоже рванули в пролом, выскочили на встречные полосы. Две, потому что третья отдыхала в кювете, сброшенная с дороги грузовиком!

А это — уже легче, потому что две — не три!

Ну давайте — погоняем, коли так!..

Микроавтобус несся по автобану в обратную сторону, уже ничего не изображая и не соблюдая никаких правил — он обгонял, подрезал, сталкивал машины с полос! Чем больше сзади создастся неразберихи, которая затормозит погоню, — тем лучше! Время тихой езды закончилось, теперь нужно оторваться, нужно как можно быстрее, пока они не сообщили полиции и те не выставили пикеты, добраться до ближайшего поворота, куда свернуть, нырнуть и раствориться на второстепенных дорогах!

Что творит, что творит!

Несется микроавтобус, вбиваясь в узкие щели меж автомобилей, подрезая их так, что бамперы трещат, что зеркала — вдребезги! Испуганные легковушки шарахаются от сумасшедшего водилы во все стороны, съезжают с полос, отчего идущие сзади тоже тормозят, идут юзом, встают поперек полос, задерживая идущий позади них поток. Какие-то легковушки сталкиваются, образуя на дороге труднопреодолимые заторы, которые приходится объезжать на малой скорости. Не ему — им объезжать!

Ну что, как вам такая езда?

Это вам не «Формула-один», это гонки на выживание. Физическое!

Руль вправо... Влево... Дать по газам!.. И тут же по тормозам!..

Бах...

Посыпалось чье-то зеркало!

Но это не смертельно, это ерунда, пустяк!

Кто-то, уходя от столкновения, вильнул вправо, зацепил параллельно идущую машину, и обе они ткнулись в третью.

Тем и плох автобан, что, коли две машины столкнутся, то в них еще пять впечатаются!

Но тем и хорош!

Там позади возникал совершенный хаос и неразбериха. Он словно кегли за собой ронял, перегораживая, загромождая ими дорогу!

И погоня скоро увязла, потерялась в автомобильных заторах. Им бы сразу ему на хвост сесть, вцепиться в задний бампер, прилипнуть, чтобы идти в его кильватерной, чистой от машин струе, тогда бы они его догнали, ибо имели перед собой чистую дорогу, а он — препятствия в виде впереди идущих машин.

Но они не сумели — не смогли!

Вот он, долгожданный поворот!..

С ходу нырнуть в него, оторваться, вновь свернуть на первом же повороте, и еще раз, и тут же поехать чинно-благородно, чтобы никто не мог опознать в помятом микроавтобусе того дорожного хулигана, что покалечил несколько десятков машин! А вмятины что — они в

темноте не так уж заметны! А где-нибудь через пару десятков километров можно будет попробовать сменить этот отслуживший свое микроавтобус на что-нибудь другое.

Ну что — ушел?

Ушел!..

Глава 47

— Он ушел! Мы потеряли его!

— Ну так ищите!

— Ищем!..

Ищут... Все ищут!..

— Есть сигнал! Я слышу его!

Нет, не ушел. Да и не мог уйти, потому что хоть и бегают, но на поводке бегают! И полсотни немецких машин зря побил-покалечил! Нет, никуда тебе, милок, не деться!..

Потому что работает, посылая в эфир сигналы, микрофон.

— Всем двигаться в квадрат сорок один.

Девятнадцатому со стороны автобана номер...

Двадцать девятому от города...

Двадцать третьему...

Десятому...

Не вырваться волку, не скрыться от идущей по его пятам своры, хоть и ловок и хитер он! Не уйти, потому что тащит он на себе погремушку, что гремит, гремит, гремит, привлекая к нему со всех сторон загонщиков. И куда он ни кинется, отовсюду его слышат! И стягивают вокруг него петлю облавы!

А все равно — ату!..

Глава 48

Полковник Городец не спал. И не был пьян, потому хмель из него лучше всякого антипохмелина выбил страх. И ярость! Его, заслуженного диверсанта, орденоносца, бравшего на учениях вымпелы министра обороны, повязали, как последнего штафирку!.. И кто — какой-то на вид хлюпик! И как — в одиночку, потому что никаких бойцов подле него он не заметил!

Взял — повязал — напоил и везет неизвестно куда, как мешок с!

Да лучше бы он его прикончил!

Теперь полковник Городец только о том и мечтал, как ему вырваться. Ну или хотя бы угробить их обоих. Хрен с ним — пусть до смерти, — но пусть и его тоже! Пусть — обоих!

Только теперь это сделать было куда сложнее, потому что его руки были застегнуты за спиной наручниками, а сам он прижат к сиденью привязными ремнями.

Так он, сволочь, с ним распорядился!

Вмазать бы ему хорошенько, да жаль, руки связаны. Пнуть бы — да только ноги под приборной доской зажаты! Боднуть?.. Ремень не пускает.

Можно только материться! Что полковник и делал! С удовольствием!

— Ах ты мразь такая, эдакая и мама твоя, и папа с дедушкой!.. Чтоб тебе туда и сюда, и опять туда, и все это без вазелина, с песочком и ведром скипидара залить и раскаленным свинцом законопатить, чтоб век помнил! И чтоб ты!..

Но даже и полковник затих, как стал его похититель задом на автобана сдавать! Подумал только — все, как-то, немцы на такой маневр ни за что не среагируют! И хоть желал до того помереть вместе, а тут весь испариной покрылся.

На автобана медленней шестидесяти километров ехать запрещено... вперед, а этот — задом пятится!

Быть беде!..

И точно, заскрежетало сзади, завизжало, и какая-то легковушка на что-то наскочила. Да только не на них! А на кого тогда?..

А тот псих, вместо того чтобы полицию дожидаться чтобы виниться и бланки заполнять, через пролом в ограждении рванул и, газу дав, стал немцев как доминушки расталкивать, себе дорогу расчищая! Да ловко как!

И хоть был полковник зол, а поймал себя на том, что рад тому, как соотечественник его немецких шавок во все стороны расшвыривает!

Молодец — гад! Хоть — все равно гад, и буде только представится такая возможность, он его собственными руками удавит — не поморщится!

Вырвались — съехали с автобана, нырнули в немецкие заасфальтированные проселки.

Ну что — куда теперь, парень?

Лихач-то ты, может, и лихач, да только немецкие порядки плохо знаешь — приметы машины твоей и номер давно в полицию сообщены, теми же самыми водителями, что имеют дурную привычку друг на дружку по мобильным телефонам стучать, в отличие от наших, которые фарами мигают, встречных водил о милицейских засадах предупреждая. И где свернул ты — сообщено. И куда поехал — тоже!

— Слышь, ты, урод! — подал голос полковник Городец. — Буде лихачить, буде в казаков-разбойников играть! Я верно тебе говорю — от них не смоешься. Это тебе не Россия-матушка! Здесь каждый столб глаза и уши имеет, и всякая живая тварь в полицию стучит! Некуда тебе деваться!

— Заткнись! — рявкнул «чистильщик».

Хоть, верно, чувствовал себя не в своей тарелке, потому что ехал не по плану, а наугад, чего

страсть как не любил.

— Давай по-хорошему — давай ты не им, ты мне сдашься, чтоб не так унизительно! А я тебе жизнь гарантирую и кусок хлеба с маргарином! Может, еще и пиво выторгую!

— Замолкни, я тебе сказал!

Потому что не до болтовни пассажира ему теперь было, так прицепились к нему сзади фары! Да что ж такое делается — ведь ушел он, смылся, улизнул!.. Откуда ж они вновь взялись? Или это не они, а всего лишь его страхи?

— Слышь, ну хочешь я тебе выход подскажу, — гундел плененный предатель. — Возьми меня в заложники — мне один хрен — да поторгуйся с ними, может, тебе через то срок скостят. Хотя за побитые машины один хрен с тебя взыщут — это дело святое. Можешь десять человек задушить — это одно, а за порчу личного имущества взыскать — другое. Засудят они тебя — как пить дать!

Ну, что скажешь?

Водитель зло глянул на разболтавшегося пленника.

— Только ты это — не дерись — нечестно так, — обидчиво крикнул полковник. — Связанных не велика доблесть бить. Ты мне руки развяжи, тогда поглядим, кто кому рожу начистит!..

Фары, те, что сзади, не отставали. А тут еще впереди замельтешили мигалки. Неужто засада?.. Когда ж они успели?

Точно — засада! Поперек дороги стоят две полицейские машины, возле которых, вытянув вперед руки, стоят полицейские.

Чтоб их!..

— Я же тебе говорил! — радостно проорал пленник. — От этих не смоешься.

Позади мелькали, приближаясь, фары.

Что ж делать?

Справа — обрыв. Слева — какой-то забор. Хлипкий, немецкий.

Он рванул влево, через забор, протаранив его и выскочив на какую-то отходящую дорожку. Понесся по ней, выжимая всю возможную скорость.

— Эй, ты что! Это частная собственность, — орал полковник. — Они ж тебя теперь со всем твоим дерьмом сожрут не поперхнутся! Ты лучше полицейского убей, который никому не принадлежит!

Куда... куда теперь?!

Свернул куда-то в сторону, сшиб столб, вывалился на новую дорогу, припустил по ней.

Но скоро, подозрительно скоро, его нагнали фары. Не те, другие — полицейской машины.

Ах ты черт — нет, так не уйти!

И «чистильщик» потянул из кармана оружие.

— Ни хрена себе! — ахнул полковник, увидав «маузер». — Ты где такую хреновину раскопал? Она же вся мхом взялась!

— А вот я сейчас пальну тебе в башку, и ты узнаешь, взялась она мхом или нет, — грозно сказал «чистильщик».

— Молчу, молчу! — закивал пленник, потому что «маузер» выглядел впечатляюще. Особенно в передней проекции.

«Чистильщик» опустил стекло, высунул наружу руку и на мгновение высунулся сам. Поймал на мушку дергающийся во все стороны полицейский автомобиль и пальнул, не очень надеясь попасть в цель, больше для остротки.

Отдача была сумасшедшая — такая, что «маузер», который сам Геринг держал, чуть из руки не вывернуло!

Машина преследователей вильнула, и оттуда застучали частые выстрелы.

— Ну и на хрена, на хрена ты их злил! — крикнул, пытаясь пригнуться, полковник. — Они же все трусы, они же теперь из нас с перепугу решето сделают!

И верно, по обшивке, сочно чавкая, застучали пули.

Уходя с траектории выстрелов, он стал мотать машину в стороны, рискуя слететь с обочины.

Нет, пронесло, уроки экстремального вождения без дорог, правил и тормозов пригодились. Сколько машин они на том побили, зато сколько голов благодаря тому уцелело!

Знак!

Выскочил на какую-то большую дорогу.

И тут же к нему пристроился полицейский джип. Догнал, заорал что-то через динамики по-немецки. Что-то угрожающее... Будто его словами остановить можно!

Дорога была прямая и пустая, что было очень плохо, так как полицейские, имея перевес в лошадиных силах, нагнали его, пытаясь пролезть вперед. Он повилял, загораживая им дорогу, но было понятно, что так от них не отвязаться.

Микроавтобус вильнул влево, вправо, выровнялся на мгновение, и полицейский джип, воспользовавшись этим, воткнулся в образовавшуюся брешь, притершись к нему правым бортом. Понесся рядом, так, что хорошо видны были одетые в форму полицейские, которые тыкали в окна револьверами.

Стрелять в них было невозможно, так как нельзя было отпустить руль. Но можно было попытаться сбросить с дороги.

Резко вывернуть влево, ткнуть их бампером в бок.

Нет — устояли, выровнялись! Слишком тяжелая машина, чтобы можно было так запросто столкнуть ее в кювет!

Ну ничего — это их и погубит!

Он еще раз, повернувшись всем корпусом, крутанул руль, чтобы ударить джип, но полицейский водитель, упреждая его маневр, тоже вывернул руль ему навстречу.

Машины боднулись, как два барана на мосту. Устояли.

Ну что, пообвыкся толкаться? Ну тогда — держись!..

Две машины — микроавтобус и джип — неслись параллельно друг другу. Совсем рядом! Полицейские видели водителя в кабине, как он, пригнувшись к рулю, еще раз, резко поведя плечами, крутанул его влево, намереваясь боднуть их в бок. Но они к этому уже были готовы! Уже знали, что надо делать!

Водитель-полицейский тоже крутанул руль, но вправо, чтобы таким образом отбить удар, а если удастся, сбросить преступника с шоссе.

Но только вдруг микроавтобус куда-то делся, и джип, резко мотнувшись вправо и не встретив никакого сопротивления, которое удержало бы его на дороге, на полной скорости покатился вбок, в темноту, свалившись с обочины в какие-то, которые отчаянно затрещали, кусты!

Что — купились?.. Однако хреново вас учат — прием-то простецкий — сделать вид, что собираешься вывернуть руль, чтобы сбить с дороги соседнюю машину, соорудить физиономию пострашнее, плечами дернуть, а руль-то даже и не тронуть! — крутануть руками поверх баранки, пальцы разжав, и тут же дать по тормозам, чтобы путь преследователям освободить. В тартары! Адью!..

— Ну ты, Шумахер хренов! — почти восторженно крикнул Городец, который болел не понять за кого! Не за него! Но и не за них!.. — Как ты их туда спровадил?

— Молча!

От этих он отделался... Но все равно ни черта было непонятно — откуда они все берутся, откуда сыпятся, как из рога изобилия? Не может это быть погоней — погоня идет по следу, а эти упреждают его маневры, выскакивая наперерез!

Как?

Как — черт их всех возьми, — они разгадывают его путь?..

Он убегает — его догоняют. Всегда!

Или не догоняют, а поджидают в месте, куда он еще только едет!

Выходит, что он бежит от них будто по кругу, как цирковая лошадь по арене. Очень быстро, но бессмысленно. Скоро он выдохнется, а в микроавтобусе кончится бензин, и тогда они возьмут его голыми руками!

И никакой героизм ему не поможет.

Потому что создается такое впечатление, что погоня держит его на поводке. На очень коротком, хоть и невидимом поводке!..

Он оторвался от погони еще раз, когда услышал стрекот. И увидел в небе огни.

Вертолет! Опять — вертолет!

Выходит, и тот был не случаен! Вертолет-то как его находит? Или его на цель полицейские по рациям выводят? А он — полицейских?..

По рациям?!

Ну да!..

Ах, какой же он был болван!

По рациям!.. Вот в чем суть! Вот почему он от них убежать не может, вот почему они упреждают каждый его шаг!

По радиомаяку. Поэтому — каждый раз от них отрываясь, он от них никак уйти не может, болтаясь, как на привязи!

Но как, когда они могли пришпандорить к его машине маяк?.. Выстрелили из вертолета?

Нет — чушь. Да и появился он позже!

Но как тогда?

А, может, дело не в машине, а в нем самом?..

Нет, тоже невозможно — он был в огнезащитном костюме, от которого давно избавился...

А от чего тогда не избавился?

И «чистильщик» обалдело уставился на полковника Городца. Который под его свирепым взглядом даже как-то весь съежился.

— Ты что? Ты что удумал, паразит?..

Ах ты дьявол!.. Вот от чего, вернее, от кого он не избавился. Вот кто неотлучно находится при нем! Все это время!

Он резко свернул и загнал машину в какие-то кусты.

Благо, пока преследователи на него не вышли.

Остановился, выскочил, обежал машину, открыл дверцу, наклонился к пленнику, рванул с него ремни безопасности.

— Повернись!

Расстегнул наручники. Крикнул:

— Раздевайся!

Пихнул в бок «маузером».

Ну точно — псих! Или он дурных киношек посмотрелся, где перед расстрелом жертвы обязательно раздевают до исподнего?

— Ты что — охренел?! Хочешь стрелять — стреляй как есть. Меня после — в морге разденут! Чего мне самому трудиться! — зло сказал полковник.

— Раздевайся — я сказал!

Вскинул «маузер», пальнул над самым ухом пленника, так что у того чуть перепонка не лопнула.

— Убью падлу!

Ну так бы сразу и сказал!

Не на шутку перепуганный и злой как черт полковник Городец стал стаскивать с себя одежду.

— Трусы — тоже!

— Ты что, совсем съехал? Или извращенец?

— Скидай я сказал!

Выставил «маузер», щелкнул курком.

— Считаю до двух... Раз!..

Между жизнью и трусами умный человек выбирает трусы.

Полковник шустро спустил на пятки трусы, оставшись в чем его родила сорок лет назад мама.

— В машину!

Прикрываясь горстью, будто на медосмотре, полез в машину. Без одежды он чувствовал себя не так уверенно, как раньше.

— Руки!

Протянул вперед руки. На правом запястье защелкнулись наручники. Другое кольцо — на руле.

— Сиди смирно!

Голой Городец сидел смирно, удивленно глядя на своего похитителя. Он что — смыться решил, а его здесь оставить? Голого?

Но тот никуда смываться не собирался — выскочил из машины, задрал вверх голову. Где-то там, в небе, стрекотал вертолет, от которого спасения не было — как от всевидящего ока. Как в сказке про Машу и медведя — высоко сижу — далеко гляжу!

И что с ним делать?..

Может, точно — сдать?..

Русский диверсант вышел на дорогу и поднял вверх руки. В любой стране мира этот жест читался одинаково — я сдаюсь.

— Небо-семь вызывает Землю-два.

Он сдаётся!..

— Соблюдайте осторожность — он может быть вооружен!

Чтобы проверить, вооружен ли он, нужно было спуститься ниже.

Вертолет просел на пятьдесят метров, врубив мощный, на который смотреть было невозможно, прожектор!

Да нет, вроде не вооружен — в руках ничего нет!..

В луче света стоял одинокий, с вскинутыми к небу руками человек.

Вертолет ревел, зависнув на месте, как гигантская железная стрекоза, собирающаяся сожрать маленького, жалкого червяка.

Но червяк вдруг изогнулся, выдернул откуда-то из-за спины огромный, каких в природе-то не бывает, пистолет и, замерев, будто статуя, стал палить в прожектор, всаживая в него пулю за пулей. Потому что там, где был прожектор, там и был вертолет!

Вот и «маузер» пригодился! Потому что никакой иной пистолет заменить его в такой ситуации не мог. Древнее — сто лет в обед, — но чрезвычайно мощное, способное стрелять на километр оружие запросто добивало до стальной птицы.

Знал бы Герман Геринг, кто будет стрелять из его пистолета и во что! Русский — в немецкого аса из оружия маршала немецкой авиации! Ну — не дурдом?

Пуля ударила в прожектор, разбив стекло.

Мгновенно стало темно.

Только там, в небе, рокотал двигатель и мигали бортовые огни.

А внизу вспыхивали огненно-красными звездочками выстрелы.

Бах!

Бах!..

Поправка два градуса... Чтобы попасть туда, где расположена кабина.

И снова...

Бах!

Бах!..

Пули легли в цель, отчего один из приборов, дрогнув, уронил вниз стрелку.

«Маузер» выплюнул последние патроны. Перезаряжать его было делом хлопотным.

«Маузер» был отброшен, и в руку удобно лег «кольт», некогда принадлежавший Аль Капоне.

Б-бах!

Б-бах!

Б-бах!.. Ахнули новые выстрелы.

Одиннадцатимиллиметровые пули устремились ввысь. «Кольт» был, конечно, похуже «маузера», но одна пуля все ж таки угодила в пилотскую кабину. Что-то, подобно кувалде, ударило в обшивку, так что весь вертолет ощутимо тряхнуло!

Ни черта себе!..

Пилот дернул ручку, и вертолет, кренясь, будто утлый челн в штормовом море, лег на обратный курс!

Не привыкли немецкие пилоты, чтобы по ним палили из боевого оружия, дырявя обшивку их в общем-то гражданских, без всякой брони, винтокрылых машин.

Улетел вертолет!..

Ну, значит, и им пора. Потому что где-то далеко уже замигали синенькие вспышки сирен...

Ходу!..

Глава 49

— Небо-семь, ответьте Земле-два.

Что у вас, почему прекратили преследование?

Потому — прекратили!

— Я подбит!

— Что?! Как подбит? Кем подбит?

— Теми, кого я преследовал! Они стреляли в меня! И попали. Машина повреждена, я немедленно возвращаюсь на базу!

Вот ведь врет и не краснеет. Ну или краснеет, просто в темноте не видно! Ничего он не подбит — подумаешь — прожектор, пара приборов и кое-где обшивка попорчена — вполне еще можно летать! Наши асы времен Второй мировой войны, да и немецкие тоже, бывало, с сотней пробоин, не чета этим, на аэродромы садились — и хоть бы что! Заштопаются на скорую руку и снова летели под огонь вражеских зениток. А этот — какого-то древнего «маузера» испугался! Пусть даже принадлежавшего Герману Герингу!..

Но это ничего, что авиация в этом деле больше не участвует — обойдемся как-нибудь без них. Есть еще наземные «части».

— Девятнадцатый!

Двадцать девятый!

Двадцать третий!

Десятый...

Фас!

Все — фас!..

Глава 50

Несется, мотается из стороны в сторону мятый, будто только что из-под пресса вышел, микроавтобус. А был — как новенький...

Несется по дороге, уходя от погони.

Вскочил на мост. Под мостом железная дорога. По рельсам катит небольшой, по российским меркам просто микроскопический — всего-то из десяти вагонов, — грузовой состав!

Встала машина!

Чего встала, когда погоня на хвосте?!

С водительского места сорвался человек, подбежал к ограждению моста, размахнулся, что-то швырнул вниз. Что-то — что упало на вагон и, зацепившись, поехало по железке.

— Попал?

— Попал!..

Водитель отбежал назад, прыгнул в кабину, рванул с места, сжимая сцепление...

Поворот...

Другой...

Третий...

Мечется черный микроавтобус, будто заяц-русак по полю. А и русак — хоть не заяц. Выскочил на большую дорогу — припустил во всю мощь движка. Догнал какой-то «опелек».

Вроде ничего «опелек», подходящий.

Метров десять ехал рядом. А после, обогнав, вильнул на полосу «Опеля», будто ему места не хватило на пустой дороге. Обогнал, да никуда не поехал — стал притормаживать, а после и вовсе встал как вкопанный!

Ах ты!..

Водитель «Опеля» среагировал, дал по тормозам и тоже остановился, мало что понимая. Хотел было объехать неожиданное препятствие, да не успел! Потому что микроавтобус вдруг резко сдал назад, ткнувшись в «Опель» задом! Не сильно, так, чтобы радиатор и фары не повредить, но все равно чувствительно толкнув своим задним бампером передний бампер «Опеля»!

Бум!..

Выгнулся бампер! Отчего в кабине, ухнув, надулись подушки безопасности, ударив в лицо водителя и пассажира.

Ай-ай!.. Авария!

Из остановившегося микроавтобуса выскочил испуганный водитель, бросился к потерпевшим. Которые не пострадали, но были серьезно контужены. Взрывом подушек безопасности.

— Вы живы? — участливо крикнул водитель.

— Вроде — да.

— Тогда пересаживайтесь на заднее сиденье. Да побыстрее!

— Почему?

— Потому что дальше вы ехать не можете по медицинским показаниям — я поеду!

И показал жуткого вида пистолет!

Водитель с пассажиром, опасливо переглядываясь, полезли назад. На переднее сиденье сел другой пассажир — в наручниках.

Микроавтобус отправился отдыхать от трудов несправедливых на обочину.

«Опель» шустро взял с места.

Через километр свернул.

Через три — еще раз.

Через пять — снова...

Выскочил на ту самую дорогу, с которой десять минут назад съехал, и чинно поехал в противоположную той, откуда приехал микроавтобус, сторону.

Пару раз навстречу ему пронеслись полицейские машины с включенными мигалками.

Куда это они так спешат — может, какое-нибудь ДТП? Но к «Опелю» это никакого отношения не имеет — тот едет тихо, соблюдая все правила...

Еще через пятьдесят километров угонщик ссадил хозяев «Опеля». В чистом поле.

Еще через два десятка километров завернул на какую-то автостоянку, где отстоялось несколько машин.

Припарковался.

Обошел стоянку.

Поднявшись на ступеньки, постучал в дверцу здорового грузовика. Крикнул:

— Achtung!

Что возымело свое действие. Потому что всегда имеет на немцев действие. Нужное.

За окном замаячило чье-то удивленное лицо.

В которое сквозь стекло ткнулось дуло «кольта». С очень большой дырочкой посередке.

Дверца немедленно открылась.

— GutenTag!

Хотя вообще-то уже — Guten Morgen.

— Бензин есть?

— Есть...

— Ну тогда — поехали.

Водитель никуда не поехал. Водитель, охнув, залег на спальное место. Досыпать.

За руль сел другой водитель.

На место рядом — пассажир. Который недовольно сказал:

— Ну все — теперь тебя будут судить еще и за угон!

— Ладно, — согласился новый водитель.

Грузовик, взревев двигателем, вырулил со стоянки.

«Опель» с растрескавшимся бампером и болтающимися в салоне обрывками подушек безопасности остался на стоянке. Ждать своих хозяев.

К утру грузовик, намотав на колеса триста километров, пересек границу Германии, въехав в Голландию. Слава богу, что никаких границ там, кроме вывески на двух языках, нет! И никаких пограничников. И никаких досмотров.

Дальше грузовик не поехал.

— Danke! — поблагодарил водителя угонщик, лица которого тот так и не увидел, так как лежал лицом в стенку, прикрытый с головой одеялом.

И должен был лежать еще минимум час, прежде чем сможет развязаться и вытащить кляп изо рта.

— Ну и что дальше? — недобро усмехнулся полковник Городец.

— Дальше?.. Дальше ты у меня, мил человек, поедешь грузобагажом.

— Ну ты все же — гнида!..

Как видно, полковник решил, что над ним издеваются, что с ним шутки шутят! Ничего подобного — никто с ним не шутил. До шуток ли в их непростом положении!..

Дальше полковник Городец поехал грузобагажом...

Глава 51

— Есть сигнал!

Ну наконец-то...

Сигнал был устойчив и был близок. Микрофон работал. Микрофон передавал какие-то равномерные стуки.

Тук-тук... Тук-тук...

— Где «объект»?

— Объект движется по железной дороге.

— На чем движется — на машине? Вы что там, с ума спятили?

— Найн, не на машине. По всей видимости, он бросил машину и запрыгнул на проходящий товарный состав, который движется в сторону...

— Почему товарный, а не пассажирский?

— Эта ветка используется только для грузового движения.

— Перехватите его на ближайшей станции. Только живым!..

— Яволь, мой... — ну неважно кто.

На ближайшей станции наблюдалось непривычное скопление людей — которых не было видно. Потому что они не высывались, ползая по придорожным кустам и канавам.

Подошел поезд.

По вагонам побежали вооруженные, в черной форме, бойцы с пистолетами-пулеметами наизготовку.

Они прыгали на подножки, взбирались на борта вагонов, заглядывая внутрь, заглядывая меж колес.

Никого!

— Как никого?

— Так никого!

Неужели он успел спрыгнуть раньше?

Но сигнал?..

Сигнал был. Причем микрофон передавал какой-то топот и крики, похожие на команды. А после слова:

— Это что такое там валяется?

— Где?

— Да вон, на вагоне, за скобу зацепилось.

Верно — что-то там болтается.

Ухватили. Дернули. Сорвали...

Какие-то обноски. Да нет, не обноски, а почти новая одежда, только вся рваная. И даже трусы!..

— Кто сказал трусы?!

Ах, это бойцы сказали!

Те, что нашли какие-то обноски...

В том числе трусы...

Тогда — отбой. Всем — отбой!..

Глава 52

Коробка была скреплена капроновыми обручами и была из-под холодильника. Потому что в ней был холодильник. Двухкамерный. Из которого были выброшены все внутренности и выломаны все перегородки. Потому что внутри холодильника были не продукты, а был полковник Городец. Связанный. С залепленным пластырем ртом. В состоянии крепкого, не сказать что здорового, наркотического сна.

Такая вот русская на голландский лад матрешка — из обертки, картона, холодильника и живого человека.

Вернее — полуживого. Да и не человека вовсе — а предателя!

Была коробка, и коробка ехала в салоне микроавтобуса. Не того — другого, грузового, но тоже взятого на прокат. На имя какого-то немца. Очередного...

Микроавтобус с голландскими номерами немножко покатался по Германии и прибыл в славный город Гамбург. В порт. Где под погрузкой стоял российский сухогруз. А в недалеком кабачке гуляли матросы.

К которым подсел незнакомец. Никакой внешности. В усах. И темных очках.

— Здорово, ребята! — весело сказал он. По-русски. Хотя с небольшим акцентом. Видно — эмигрант первой волны.

— В компанию примете?

И выставил на стол бутылку шнапса.

— А ты кто такой будешь?

— Свой. В доску.

— А не врешь?

Незнакомец не врал, потому что с ходу выставил еще десять бутылок. И закуску.

— Тогда садись — коли свой.

Он сел.

Когда выпили и закусили, захмелевший эмигрант сказал:

— А слабо вам в Россию, к примеру, коробку утащить?

— Как два пальца об кнехт! — похвастались матросы. — Большая коробка-то?

— Вот такая, — показал он руками. — Из-под холодильника.

Слабо?

— Как не хрен делать! Хоть три раза туда-обратно! На спор!

— Ну да! — не поверил эмигрант. — А как же таможня?

— Ты на судне когда-нибудь бывал?

— Нет.

— То-то и видать! Судно, к примеру, наше, — это ж целый город, его чтобы обыскать — полгода убить нужно. И один хрен — ничего не найдешь! Там знаешь, сколько закутков, куда ни одна сволочь нос не сует? Кроме боцмана.

— Не знаю!

Но хотел бы узнать. И поподробней...

— К примеру, твою коробку можно в якорный ящик затырить. Или в машинное отделение сволочь. Там сам черт ногу сломит, не то что таможня... Или в мачту, она ж, зараза, пустая... Или вдвойную обшивку заварить, а после обратно выварить. А то еще — в груз зарыть. А что?.. Вот мы, к примеру, теперь зерно везем — пятьдесят тысяч тонн — кто его ворошить станет? А коли станет — разве докопается! Хошь, мы так, в трюме, тебе «мерс» «шестисотый» отсюда прикатим?.. Хоть автобус!.. Как два пальца в клюз!

Ну хочешь?

— Не-а — не хочу!..

Хотя хотел!.. Но не «мерс». И не с этими. И не на этом судне, потому что договариваться с компанией — дело гиблое. Обязательно кто-нибудь проговорится или прихвастнет. Посвященных должно быть не больше двух человек.

Других.

И один из них, желательно, боцман...

И уже не в этом, в другом кабачке, в другом порту, к другим матросам подсел гражданин никакой наружности.

— Есть дело. На десять тысяч. Каждому!

— Евро?

Ну конечно, евро, раз разговор идет в еврозоне.

— Чего надо?

— Груз в Россию доставить.

— Мимо таможни?

— Точно так.

— Большой?

— Да нет — так себе, холодильник.

— Пятнадцать. Каждому.

Потому что на названную цену всегда имеет смысл накинуть половину. А после уж начать торговаться.

— Нет, пятнадцать не пойдет — пятнадцать много!..

— Много?.. Ну ты сам подумай, куда мы такую дуру сунем?

— Как куда? Например, в якорный ящик. Или в мачту. Или в переборку вварить, а после выварить. А лучше всего в трюм и сверху грузом присыпать, — ответил проситель.

Дьявола морского такого обманешь!

— Ладно, доставим в лучшем виде!

Скажи только — кому груз передать.

— Тому, кто за ним придет...

Глава 53

Российский сухогруз «Академик Михайлов» шел полным грузом, рекомендованным курсом по Балтийскому морю. Из Германии — в порт приписки, в Калининград. Штормило. Но не так чтобы очень — баллов на пять, не больше. Команда, сменяясь, несла вахты рулевой — рулил, штурман прокладывал курс, механики скребли мазут в машинном отделении, палубная команда — драила палубу и медяшки, кок — кошеварил, капитан нес груз ответственности... Все были на своих местах, и были при деле.

Узнать, кто конкретно протащил на судно контрабанду, было невозможно. Потому что каждый протащил — но все по мелочи, а кто-то — по-крупному! Но даже он не знал, что он протащил!..

В трюме, на глубине двух метров, если мерить от палубы, утопленный в насыпной груз, стоял ящик. Картонный. Перехваченный капроновыми обручами. Обмотанный несколькими слоями звукоизолирующего материала. С холодильником внутри. Немаленьким. Двухкамерным.

В холодильнике был человек.

Тоже не крохотный.

Живой.

Пока...

Нет, задохнуться он не мог, потому что внутрь холодильника была воткнута трубка, через которую поступал свежий воздух. Таково было условие отправителя груза.

И получателя. В одном лице. Хотя и с разными лицами.

Холодильник был хоть большой — но тесный. Без всяких удобств — без душа, гальюна, кухни и бара.

Но его постояльцу все эти роскошества были ни к чему — ему и так было хорошо. Он спал. Неправедным сном. И должен был проспать еще двое суток. Как раз до прихода в порт приписки.

Но даже когда он спал — он мучился от морской болезни. Потому что его качало.

Вверх-вниз-вверх-вниз-вверх-вниз!..

И мутило. Сильно!

Отчего несчастный стонал. Во сне!

Спал — и стонал!

— М-м!.. Ох!.. М-м!.. Ох!..

И хоть стонал он в закрытом холодильнике, обмотанном в несколько слоев звукоизоляционным материалом и зарытом в сыпучий груз, его все равно было слышно!

Отчего к боцману явился палубный матрос.

— Слышь, боцман, там в трюме какие-то звуки.

— Какие?

— Наверде мычания. Будто мычит кто. Или воет. Или рычит. Жуть.

Может, это привидение?

Вообще-то моряки — ребята суеверные, во всякую мистику верят — в Летучих Голландцев, в огни Святого Эльма, в крыс, бегущих с корабля. Но на этот раз матрос точно что-то слышал.

И боцман догадывался, что.

Потому что понял, с чем связался.

И дал себе зарок — что в последний раз!..

— Иди — проспись! — шуганул боцман матроса. — Салага! Все тебе что-то мерещится!

А сам пошел послушать.

Точно — воет! Похоже, эти паразиты набили ящик ворованными породистыми собаками! Или

макаками.

Или еще чем! Кабы в другую сторону плыли, в Германию, он бы заподозрил, что это воют русские проститутки. Или вьетнамцы — которых в такую коробку человек двадцать набить можно. Но они плыли в Россию где эмигрантам делать было нечего! Ну не немцы же туда без виз в ящичке пробираются!

Значит — собаки.

Или — макаки...

Но это были не собаки — это был полковник Городец!

Который выл, как целая стая макак!

— М-м!.. Ох!.. М-м!.. — доносились глухие стенания из-под палубы, будто там черти кого на масле жарили.

Лучше бы они жарили, чем качали!

— М-м!.. Ох!..

Ну ничего — двое суток не вся жизнь — как-нибудь перетерпит! В смысле — перебьется!

Точно — макаки! — окончательно решил боцман...

Но чем бы они тот ящик не набили, лучше побыстрее доставить его на место, чтобы избавиться от опасного груза и получить остаток денег. Немаленьких!

В конце концов, даже если ящик найдут — он ничем не рискует, потому никто не сможет доказать, чей это груз!

И корабль — плыл...

Или, если сказать по-морскому, — судно шло. В порт приписки. В Калининград. До которого осталось всего-то двести миль...

Глава 54

Осмотр судов пограничниками и таможенниками — дело ответственное. Судно с закрытой границей встает на внешний рейд. К нему подваливает катер. Воеет сирена. С судна сбрасывают сходни. По которым на борт ловко карабкается пограничная стража. По судовой трансляции звучит:

— Команде разойтись по своим каютам. Никому не выходить, приготовиться к пограничному и таможенному контролю.

После чего начинается осмотр судна!

Пограничники и таможенники идут в кают-компанию, где кок тащит на стол фирменный пирог. И фирменное спиртное. И ставит какую-нибудь расслабляющую музыку.

Пограничники с таможенниками сидят на диванах, пьют, едят и смотрят видюшник, послав на проверку документов и осмотр помещений каких-нибудь, каким за стол садиться пока еще

рано, нижних чинов.

А сами строго спрашивают:

— Контрабанду — оружие, драгоценности, наркотики — везем?

— Нет! — отвечает капитан. И смотрит честными глазами. — Только немного незадекларированной валюты.

— Сколько?! — настораживаются таможенники.

— Точно не помню. Вот — сами посчитайте, — винится капитан, протягивая конверт.

Таможенники пересчитывают незадекларированные доллары.

— А что так мало? — спрашивают они.

— Рейс короткий.

В это время нижние чины проверяют документы команды и ходят по палубам с зеркальцем. Одним-единственным. И тоже спрашивают, не менее грозно, чем их старшие товарищи:

— Контрабанда есть — шнапс, сигареты, джинсы?

— Сигареты. Два блока.

— Давай!..

И — все. И досмотр закончен. Граница открыта!

А говорят, чтобы судно осмотреть — недели мало будет. Какой недели — пятнадцать минут, и все в порядке!

А насчет того, что кто там воеет в трюме, это никому не интересно. Эти свои байки пусть моряки слабонервным дамочкам травят, чтобы побольше жути нагнать!..

Подняты сходни.

— Машина?.. Малый вперед...

Под разгрузку...

Открыли трюм.

Опустили стрелу.

Включили лебедку.

Потянули...

Вот он ящик — целехонек!

А из соседнего трюма какая-то зараза в это время кран-балкой мотоцикл тащит. Ладно хоть не «Мерседес»...

Опустили.

Поставили ящик в подогнанную «Газель».

Поехали...

И всех делов!..

Глава 55

Вот уж не думал полковник Городец, что когда-нибудь на Родину вернется.

В холодильнике! Как какой-нибудь мороженный окорочок!

А вишь как вышло — вернулся!

Пали оковы с коробки. Раскрылся картон. Распахнулась дверца холодильника.

— Ну — здравствуй, что ли, Родина! — мрачно пошутил полковник Городец. — Принимай своего блудного сына!

— Давай шагай, не юродствуй! — прикрикнул на него «чистильщик».

Тоже, понимаешь, — артист! Нашкодил, а теперь комедию ломает, будто бесталанный провинциальный актеришка.

— И куда мы теперь путь держим? — спросил полковник Городец.

А действительно — куда? Куда девать доставленного на Родину предателя? С собой его таскать не станешь. В милицию не сдашь — не того полета птица. Он ведь даже и не гражданин России, он — иностранный подданный. Милиция от него шарахнется как черт от ладана!

Отдать его своим, которые по военному ведомству, — так они с ним чикаться не станут: шлепнут — и поминай как звали!

Остаются чекисты. Предатели Родины по их части...

В любом случае путь один — в Москву! Как у чеховских сестер. Но не сразу...

В Калининграде поселились в гостинице, потому что нужно было еще разжиться документами.

— На, выпей!

— Опять? — занервничал полковник Городец. — Ты что, из меня наркомана хочешь сделать?

— Это всего лишь снотворное. Ляжешь поспишь.

А нет — буду колоть!

Полковник собрал в горсть таблетки, бросил их в рот.

— Глотай!

Сглотнул.

— Открой рот!

Открыл.

Вроде пусто — ничего под язык и за зубы не запрятал.

— Спокойной ночи.

То есть дня...

Полковник Городец лег на диван и, несмотря на жару, был укутан и подоткнут со всех сторон одеялом, чтобы никто не задавался вопросом, отчего у отдыхающего постояльца руки завернуты за спину и пристегнуты наручниками к ногам.

— Не беспокойте нас — мой приятель приболел, и ему нужен покой, — попросил «чистильщик» дежурную по этажу.

Сам отправился на рынок, где купил красные корочки с гербом России. Купил ноутбук с принтером. И купил штемпельную краску.

Вернулся в номер, сел, закрыл дверь. Набрал на ноутбуке внутренности удостоверения, распечатал, вклеил в корочки, по-быстрому «нарисовал» все необходимые печати и штампы.

Сойдет. Все равно никто его удостоверение на экспертизу не потащит. Тут ведь главное не удостоверение, а манеры. Манеры следователя по особо важным делам с Петровки — вальяжные, как у всех москвичей, чуть загадочные, как у любого «важняка», слегка пренебрежительные, как это принято у милиционеров, и немного покровительственные, когда милиционер имеет чин подполковника.

Ну как у вас тут?.. А нас текучка заела — то министра под микитки берем, то генерала в Матросскую Тишину спрашиваем. Тоска...

Да — примерно так.

Ноутбук, принтер и краску новоиспеченный «важняк» расколошматил молотком, сбросил куски в пакеты и выкинул в несколько мусорных баков...

Когда полковник Городец, зевнув, проснулся, его похититель сидел за столом, чего-то там мудря.

— А, выдыхся, — довольно миролюбиво сказал он. — Ну-ка присядь. Повернись... Еще чуток... Улыбнись...

— Ты чего?

— Фотографировать тебя буду. На паспорт. Станешь ты у нас теперь гражданином Петровым Сергеем Аркадьевичем. Запомнишь или на бумажке написать?

Странно все это было. Честно говоря, полковник был уверен, что на Родине его ждет конвой и этап. А этот какие-то фотографии делает.

— На хрена мне паспорт?

— Ну не с немецким же аусвайсом тебе путешествовать!

В самолет шли, как поется в песне — «скованные одной цепью». Чтобы наручники были не видны, на цепочку набросили плащ. Все должны были считать, что особо важный следователь везет в Москву особо опасного преступника.

Напуганные удостоверением, но больше манерами пассажира, бортпроводницы посадили «сладкую парочку» в самом конце салона, одних, согнав всех пассажиров вперед.

Теперь можно было и поговорить.

Хотя вряд ли из этого хоть что-нибудь получится...

— Ничего не хочешь мне сказать? — спросил «важняк».

— Про что?

— Например, про «крота»?

Особо опасный рецидивист никак не прореагировал. Даже не моргнул.

— Про какого такого «крота»? Я не зоолог.

— Не ломай дурочку. Ты знаешь, про кого я спрашиваю. Про того, кто вас предупредил.

Полковник Городец усмехнулся.

— Вот, значит, зачем ты меня сюда поволок?

Не дурак был полковник.

— Только коли так — то зря поволок — ничего я не знаю... Я ведь про «крота» тебе не говорил, я лишь сказал, что тебя ждали!

Не знает — или врет?

Может, и не знает. Но что-то все равно знает! Что-то, что можно сопоставить с другими источниками и так докопаться до истины.

— Как же ты докатился до жизни такой? — сочувственно вздохнул «важняк».

Черт, кажется, он слишком вжился в милицейскую шкуру, отчего пытается общаться с подследственным «без протокола», навязывая ему свою «дружбу». Может, еще сигаретку предложить с бутербродами?

— Никуда я не докатился. Потому что не катился. Подставили меня!

— Кто?

— А хрен его знает!

Видно, и полковник тоже начал свыкаться с ролью зэка, коли начал строить из себя невинную жертву.

— Никого я не предавал — мне приписали то, что я не делал!

— Ну да, оклеветали беднягу, списав на него чужие грехи. Знаем — слышали.

— Только не надо упрощать, — вскинулся полковник, выпав из эковского образа. — Я свою вину знаю. Я предал, но после, когда был уже в Германии, потому что все им рассказал. А кто бы не рассказал, кабы к нему, как ко мне, применили спецсредства? Я и так вертелся, как вошь под сапогом — только что толку, когда меня химией по самую маковку накачали!

Но это было не здесь — а уже там!

Да и не знал я всего того, что на меня после повесили. Ну хоть убей!

«Надо было! — подумал „важняк“. Надо было убить, и всех дел! А теперь возись с ним!..»

— Я потом не раз думал, — продолжал полковник Городец, — кому — этим или тем — захотелось сделать из меня козла отпущения. Но кому-то захотелось — факт. Вот я и заблеял!

Ты мне веришь?

Отчего-то полковнику хотелось, чтобы его собеседник ему поверил.

— Веришь?

«Конечно — не верю!» — подумал «важняк».

— Конечно — верю! — сказал он вслух.

Черт его разберет — чужая душа потемки. А чужая душа, вышедшая из спецслужб, это — потемки в потемках!

Ладно — время покажет.

Лично он свое дело сделал. Сделал больше, чем должен был. Его послали только убить, а он притащил предателя на Родину, чтобы отдать в руки правосудия.

Кто может сделать больше — пусть попробует!..

Прилететь — сдать его с рук и выбросить все это из головы!..

Моторы мерно гудели.

Испуганные бортпроводницы в задний салон почти не совались.

Самолет летел в Москву...

Глава 56

В приемную Федеральной службы безопасности позвонили.

— Вам нужен предатель?

— Что?.. Какой предатель? Кто это говорит?

— Неважно кто... Я спрашиваю — вам нужен предатель Родины, скрывавшийся от возмездия за границей?

— Что вы там несете? Это приемная ФСБ.

— Я знаю. Поэтому вам и позвонил.

Так вам нужен предатель?

— Какой?

— Бывший офицер Главного разведывательного управления, бывший гражданин России, а теперь Германии — полковник Городец.

— Кто?!

Голос в трубке напрягся, потому что тот, кто отвечал, что-то такое вспомнил. Да, кажется, был такой и, кажется, точно — Городец. Предатель и перебежчик. Который сбежал лет пять назад, о чем им зачитывали соответствующий приказ, а после оглашали вынесенный ему заочный приговор.

— Если вам нужен Городец, то можете его забрать.

Как забрать?!

Где забрать?!

И что все это, черт побери, значит?

— Я не понимаю вас. Что вам нужно?

— Мне — ничего. Надеюсь — нужно вам! Если вам нужен предатель Родины полковник Городец, то можете забрать его.

— Когда?

— Сейчас.

Что за ерундовина? Или это опять какой-нибудь сумасшедший голову морочить позвонил?

— Где он?

— Здесь — недалеко. Он стоит против входа в ваше бюро пропусков. Ждет вас. Можете взглянуть.

Возле бюро пропусков?

Дежурный бросился к окну, отодвинул в сторону штору, выглянул на улицу.

Против входа в бюро пропусков на другой стороне улицы точно кто-то стоял! Какой-то мужчина. Стоял себе и стоял, никуда не уходя, понуро свесив голову, привалившись грудью к фонарному столбу и обхватив его, будто ствол дерева, руками.

Пьяный, что ли?

Или это кто шутки шутит?

Дежурный хотел было опустить шторку и отматюкать по телефону шутника, но вдруг заметил, как взблеснула цепочка. Наручников, которыми мужчина был прикован к столбу.

Если это чья-то глупая шутка, то эта шутка зашла слишком далеко!

Дежурный схватил трубку, но отмотать никого не успел.

— Вы видели? — спросил незнакомец. — Только не вздумайте его отпускать, когда он вам начнет плести про то, что его так разыграли приятели, или корчить из себя блаженного.

Это полковник ГРУ Городец — дезертир и предатель.

Спасибо...

— Кто вы? — успел крикнуть вдогонку дежурный.

— Доброжелатель...

Последующая проверка установила, что «доброжелатель» звонил из телефона-автомата, от которого просматривалась улица, просматривался вход в бюро пропусков и стоящий против него столб.

Трубка и поверхность аппарата были тщательно вытерты, а видеозапись с камер, сканирующих подходы к зданию ФСБ, ничего не прояснила, так как человек возле столба возник, будто из-под земли выскочил, в момент, когда мимо проходила какая-то толпа оживленно гомонящих экскурсантов, заслонивших собой на мгновение камеры.

Когда они прошли — он уже был там.

И был он, точно, — полковником Городцом.

Тем самым — предателем и перебежчиком!

Подаренным чекистам неизвестным доброжелателем!

Вот такие чудеса!..

Глава 57

Восторженной встречи не было.

И оркестров.

И рукопожатий.

И орденов...

Ничего такого.

Встреча проходила в узком кругу, в непринужденной обстановке, с глазу на глаз. И участвовало в ней два человека — «чистильщик» и его куратор.

— Ты должен был провести зачистку... — сказал куратор. Не выражая никаких эмоций. — Ты выполнил задание?

— Я сделал больше — привез его сюда! — сказал «чистильщик».

— Ты должен был провести зачистку! — с сожалением повторил куратор. — Почему ты не

выполнил приказ?

— Он мог знать имя «крота».

— Мог или знает?

— Даже если не знает, его можно вычислить. Надо лишь выяснить, кто знал о цели моей поездки, сузить круг подозреваемых и так выйти на «крота».

— Хорошо, — кивнул куратор. Без всякого энтузиазма.

— Я сделал что-то не так? — поинтересовался «чистильщик».

— Все, — ответил куратор. — Ты все сделал не так! Теперь будет назначено служебное расследование.

Ты должен был провести зачистку... Должен был его убить. Просто — убить, и ничего более...

— Но «крот»!

— Возможно, это тебе зачтется.

— Что мне делать дальше? — спросил «чистильщик».

— Сейчас?.. Уехать, снять где-нибудь квартиру и ждать. Мы найдем тебя.

И куратор сказал, в какой газете следует искать объявление насчет продажи бездомных беспородных дворняжек по цене чистопородных, королевских кровей ротвейлеров...

Все!..

Или еще не все?..

Глава 58

И месяца-то не прошло...

Эта газета попала ему на глаза не случайно, потому что он имел привычку ежедневно просматривать прессу, читая ее по диагонали и читая меж строк.

К чему он привык, потому что это вменялось в обязанности резидентов.

В заметке, вернее, в сообщении ИТАР-ТАСС сообщалось, что в одной из европейских стран задержаны наши соотечественники, которым инкриминируется покушение на бывшего ответработника Внешней разведки, сбежавшего за границу. У них было изъято оружие, его фотографии и планы местности. Задержанные дали показания, что направлены для ликвидации предателя Родины.

Так было написано.

И еще было написано, что, скорее всего, это провокация недружественных России сил...

Никто из читателей на эту заметку, конечно, никакого внимания не обратил, потому что это тебе не мордобой, публично учиненный перепившимися в дым звездами эстрады.

Он — обратил!

И не поленился залезть в Интернет.

И скоро нашел то, что искал. Еще один, на околодипломатическом уровне, скандал.

Еще в одной стране, совсем другой, по другую сторону Атлантики повязали других наших агентов, которые покушались на жизнь еще одного, бывшего нашего высокопоставленного разведчика, на чем и попались!..

Что ж это за поветрие такое пошло, что все кинулись предателей изничтожать? Или кому-то в правительстве шлея под хвост попала?

Вначале — он...

Теперь — они...

Вместе?.. Или он сам по себе, а те — сами по себе?.. Чем-то ему все это не понравилось. Категорически!

Чем?.. Схожестью задания!

И еще масштабами изничтожаемых «объектов».

Тот, другой, последний, тоже был полковником. Правда, ФСБ. Причем очень сомнительным, потому не свежим, сбежавшим еще лет двадцать назад. Кому он мог понадобиться, этот пенсионер?!

«А кому его подопечный — полковник Городец?» — сам себя спросил он.

Если честно — если по гамбургскому счету?.. Что он мог знать такого, что не выболтали сто раз нынешние политики? Какой ценной информацией обладал, что его понадобилось устранять?

Только если про «крота»...

Но о нем, когда его посылали на задание, никто еще не знал.

Хм...

Что-то во всем этом было. Что-то такое неосязаемое, ускользящее, но очень важное!

Ну-ка — еще раз!

Немцы знали о его визите заранее. Это — факт. Который, кстати, полковник не отрицает. Они знали и были готовы к встрече, что доказывает наличие в недрах российских спецслужб «крота». Но он к «объекту» напрямую не сунулся, а провел контрслежку, выявив наблюдателей, которые должны были выявить его!

Хотя поначалу не все шло гладко, и что-то ему тогда показалось странным.

Что?..

Масштабы слежки! Слишком они были не по чину.

Но после, когда он узнал, что немцы были предупреждены о визите «чистильщика», все встало на свои места!

Все ли?..

А если все же вернуться к тем своим подозрениям, забыв на минуту о дне сегодняшнем. Из которого все так очевидно. Что его тогда так смутило?

Ну-ка припомним еще раз диспозицию...

Он быстро воспроизвел в уме план местности.

Здесь — дом объекта.

Здесь — первое НП.

Здесь — другое.

Здесь — припаркованная машина...

Действительно — перебор!

А если взглянуть на все это с иной стороны, не с чердака пятиэтажки, где он залег, а с их стороны? Со стороны врага!

Интересно... Что они могли оттуда видеть?

Мысленный чертеж пересекли воображаемые линии.

Ну и что получается?..

Фасад дома с окнами квартиры, где прятался объект, — раз. Подъезд — два. Двор — три. Часть улицы — четыре...

Ну да, все так и есть.

А если попробовать мысленно определить секторы обзора?

Вначале — здесь.

После — там.

Хм!.. Даже так!.. То есть и с того, и с другого НП они наблюдали примерно одну и ту же картинку? Плюс-минус градус!

Но зачем тогда им понадобилось второе НП, когда все то, что они хотели видеть, они могли видеть с первого? Ведь они фактически дублируют друг друга! Что они могли здесь выиграть? Ладно бы сместили других наблюдателей чуть в сторону, чтобы они могли охватить больший кусок улицы. Так нет же!

На немцев это не похоже — они деньгами не сорят. Вряд ли бы они раскошелились на дубляж, тем более что они знали о предстоящем визите и были к нему готовы!

Непонятно...

Или эти НП были разных хозяев, одно — контрразведки, а другое, к примеру, — полицейских?

Почему бы нет — диверсанта все словить хотят...

Но откуда полиции могло стать известно о «чистильщике»? У них ведь своего «крота» нет, а контрразведка с ними информацией делиться не станет. Хотя бы для того, чтобы они под ногами у нее не путались.

Нет, полиция исключается.

Тогда кто, если не они?

Может, кто-нибудь из союзничков? Например, по НАТО? Какая-нибудь французская или американская разведка?

Но почему бы им не работать в связке?

Или они друг другу не доверяют?

Опять непонятый!..

Что ему еще показалось странным? Не теперь — тогда?

Реакция филеров на провокацию! Когда на квартиру заявился подсадной диверсант, на первом НП наблюдатели раскрылись, а на втором почти ничем не выдали себя — высунулись было и тут же занырнули обратно и замерли, будто мертвые.

А до того ни разу не выбирались из своего логова. А их коллеги из первого НП бегали туда-сюда с завидным постоянством, как на работу.

Теперь это тоже вызывает подозрение!

Стиль наблюдения. Разный. Не похожий один на другой!

Попробуем подвести итог: НП — два, видят они одно и то же, но в одном сидят тихо, в другом позволяют себе вольности. Что наводит на мысль, что это две совершенно разные, разного подчинения бригады.

Как все это можно объяснить?..

Значит, все-таки союзники?..

А если предположить невозможное, предположить, что это были не немцы, но и не французы тоже. И не американцы. А... к примеру, свои...

Тем более что почерк уж больно схож — зарылись в свою берлогу, носа из нее не показывая, даже за продуктами не выходили, лопая втихушку запасы тушенки!

А?.. Как такая идея?

Да ну — не может быть — полный бред!.. Своим-то зачем сажать там наблюдателей? Чтобы следить за «чистильщиком»? Делать им больше нечего! Они и так о нем все знают, зачем им за ним следить?!

Нет, и эта версия не проходит.

Как, впрочем, и все другие.

Ни одна!

Нет в них логики. Недостает какого-то важного звена.

Какого?

А если вспомнить про «крота»? Того, который предупредил?

Ну при чем здесь «крот»? «Крот» — сам по себе, а предатель сам по себе. Как котлеты и мухи! Без всякой надуманной связи!

А кто сказал?.. Почему нет связи?

Ну, хотя бы потому, что о «кроте» стало известно много позже.

Ну да — позже. «Чистильщику» стало известно позже! Но кто сказал, что и пославшим его сюда начальникам тоже?

А ну-ка — стоп!

Да, верно, вот он, дефект — он мыслит со своего шестка, отталкиваясь от того, что знает сам. А может, другие знают больше него? Ну вдруг?..

Например, знают про «крота». Вернее, знали — с самого начала, уже тогда, когда его послали на ликвидацию?

А?!

Но тогда при чем здесь предатель?..

Да при том — что как раз предатель-то здесь и причем!.. Никому он не нужен, этот мелкий перебежчик, все секреты которого за давностью лет утратили всю свою ценность. А его вдруг решили убить! Что сразу внушало сомнения.

Ну на хрена его убирать, рискуя нарваться на международный скандал?..

Только в одном случае, в случае, если там, в Москве, сидит «крот». И соответствующие инстанции знают, что сидит, — да только никак его из норки выцарапать не могут, а только слышат, как он в закромах шуршит!

И вот тут-то всплывает предатель, которого отчего-то обязательно нужно прикончить — ну просто зуд по коже идет, как надо! Хотя есть куда более значимые и насолившие отечеству фигуры.

И к нему посылают «чистильщика».

И не только к нему, а, если судить по сообщению ТАСС, то и к другому тоже! Который, честно говоря, вообще ни в какие ворота! Потому что того и гляди сам по себе от старости загнетса...

А все ж таки посылают! К нему!

А может, и еще к кому.

К третьему.

И четвертому...

И тогда — все понятно!

Ах он балбес!.. Как же он сразу всего этого не сообразил, когда еще только пригляделся к «объекту» и понял его ничтожность?

И как его глаза не открылись, когда он второй НП вычислил! Который не немецкий вовсе — а свой! И не для наблюдения за предателем поставлен, а для слежки за «чистильщиком», о котором сообщил немцам «крот».

Вот и весь нехитрый расклад!

Не было никаких приговоров!

И предатели были сомнительные, потому что мелюзга!

И «чистильщиков» не было — были подставы. Которые должны были отправиться убивать никому не нужных предателей с единственной целью, чтобы их там повязали! А наблюдатели, засевшие на НП, нужны были для того, чтобы убедиться, что их взяли! И больше ни для чего!

А дальше все просто, как пареная репа!

Их послали, зная, что их схватят, вернее, надеясь, что схватят. И как схватят, тут все сразу станет ясно. Станет ясно — где окопался «крот»!

Потому что утечка информации была не одна — их было много, и у каждого своя! Кто-то услышал краем уха, что готовится покушение на предателя А. А кто-то — на Б. Или — на В! И так хоть до конца алфавита. И по всем этим адресам от А до В или до Я послали «чистильщиков», а вперед них послали наблюдателей. И наблюдатели наблюдали за «чистильщиками» — кого из них враги поджидают?

Его — ждали!

И, выходит, «крот» тот, кому шепнули про ликвидацию полковника Городца!

А «чистильщик» — он так, неизбежная жертва. Пешка в большой игре, где его подставили, чтобы убрать с поля ферзя!

Вот как все было!

И это увязывает все противоречия и сомнения воедино. В один, который уже не развязать, узелок.

Его — подставили.

Послали на смерть!..

И то, что он выбрался оттуда живым, не более чем случайность!

Что, конечно, ужасно... Для него. Но, наверное, правильно с точки зрения целей. Ибо «крот» — величина, а он — рядовой сотрудник. За «кротами» иной раз десятилетиями охотятся, а тут был соблазн прихлопнуть его в айн момент!

Так?

Скорее всего — так!..

Кроме одного маленького «но»...

Как же тогда быть с теми, с другими «чистильщиками»? Которые тоже попались?

А вот это уже не понятно!

Или «крот» не один — или их в наших спецслужбах завелся целый выводок? Или уже не осталось честных генералов, а одни сплошные «кроты»?

Или... Или противник, когда получил наводку, просчитал такую возможность и на всякий случай установил контрслежку за всеми, которые сбежали за последние полвека за кордон, предателями? Списочно. Чтобы поймать не одного, а нескольких вышедших на охоту «чистильщиков». И тем отвести подозрения от своего «крота», сведя на нет «противокротовую» игру. Ведь если поймали нескольких убийц, то можно заподозрить в предательстве не одного, а нескольких высокопоставленных из спецслужб чиновников. А их и так подозревают многих!

Так?..

Если так — то они сыграли верно. Перебив чужого, вытащенного из потайного кармана козырного туза своим крапленным покером!

И, выходит, «чистильщики» зря рисковали своими шкурами. И он — зря. Потому что нельзя сказать наверное, под какую облаву он угодил — случайную или заказную.

Но даже если неслучайную, то те, другие, — под случайную, что сразу же уравнивает его с ними! А догадки и личные амбиции — к делу не пришьешь. Ему кажется, что его «крот» — настоящий «крот». Но и всем другим кажется так же!

И коли так — то выходит, что он вообще ничего путного не сделал — не выявил «крота» и не убил предателя! Много бегал, много прыгал, немного пострелял, помял кучу немецких машин — и все ради чего? Ради того, чтобы умыкнуть с чужого поля пешку? Такую же, как он сам!

Пешка — ловит пешку!

А короли и ферзи — смеются!

Так?..

Пусть — так!

Но себя ему упрекнуть не в чем. Он сделал все, что от него зависело. От пешки... За все остальное пусть отвечают гроссмейстеры, которые двигали по доске фигуры.

Им он — не судья.

И — уже не помощник.

Он вышел из игры!

Его — срубили!

Глава 59

На столе лежали заявления ИТАР-ТАСС.

С которых все и началось.

И которыми все и закончилось.

Одни были свеженькими, только что с «телеграфной ленты» — по поводу задержания на территории одной из суверенных стран русских агентов, которые якобы готовили покушение на бывших своих соотечественников, некогда сбежавших из России, но теперь являющихся иностранными подданными, защищаемыми законами стран, где они проживают...

Другие заявления были постарше и уже изрядно подзабыты. Всеми. В них сообщалось об обмене нотами между нашим и их МИДом относительно контактов российских спецслужб с представителями ряда террористических организаций, действующих на территории Европы.

Их МИД упрекал нас в потворстве терроризму.

Наш МИД решительно отметал бездоказательные обвинения, ответственно заявляя, что Россия всегда была в первых рядах борцов против международного терроризма, в свою очередь обвиняя Европейское сообщество в поддержке радикальных партий и течений, используемых ими в борьбе против интересов России...

Хотя контакты, верно, были!

И они о них каким-то образом узнали, хоть никаких фактов в нотах не привели. Но в частных беседах высказывались более определенно, намекая, что в случае, если к их мнению не прислушаются, то они обнародуют имеющиеся в их распоряжении документы, представив их общественности, что чревато большим международным скандалом.

Из всего этого следовало два вывода.

Первый — что опасные контакты следует до времени свернуть, либо видоизменить их форму.

Второй — что «не все благополучно в Датском королевстве», раз столь конфиденциальная информация становится достоянием чужих разведок! Из чего следовало, что, по всей видимости, утечка идет из силовых ведомств, коим эти контакты и поручены.

Но вот откуда конкретно?..

Что очень хотелось узнать.

Значимому лицу, перед которым лежали заявления ИТАР-ТАСС и копии мидовских нот.

— Есть какая-нибудь новая информация по операции «Манок»?

Информация была.

К сожалению, негативная.

— Задержаны еще два исполнителя.

Еще два. И до того — четыре. Итого уже шесть!..

Отсюда вывод...

Выводы делать не хотелось, так как из всего из этого вывод мог быть только один. И совершенно безрадостный. Из направленных на задание исполнителей провалилась треть! Уже — треть! Что спутало все карты!

Ладно хоть они не были посвящены в суть операции, так как использовались втемную. В качестве подстав... И очень хорошо, что в большинстве своем они не числились за силовыми ведомствами, так как были загодя выведены за рамки кадрового состава, чтобы можно было от них в любой момент откреститься.

Что теперь и надобно делать — надо сдавать рядовых бойцов.

Ради сохранения репутации генералов.

Чистоты мундиров.

И имиджа страны, исповедующий демократические принципы и общеевропейские ценности. Ничем другим тут положения не исправить.

Значимое лицо захлопнуло папку.

— Будем считать операцию «Манок» завершенной.

Исполнителей отзывайте немедленно.

Дело сворачивайте по запасному варианту!

Так распорядилось значимое лицо.

— Что делать с исполнителями?

А что с ними делать?

Что делают с одноразовыми агентами, которые выполнили возложенную на них миссию? Или провалили ее. К ним теряют всяческий интерес.

— Кого возможно вытащить так, чтобы избежать скандала, — вытащите и отправьте в отставку помидоры на грядках окучивать.

Тех, кого нельзя вытащить, — сдайте со всеми заготовленными против них на этот случай потрохами, легализовав дисциплинарные и уголовные дела и осудив в прессе как перерожденцев, позорящих честь работников правоохранительных органов.

Тех, что знают больше других, сошлите куда-нибудь в Забайкальский военный округ на точки и держите там до тех пор, пока все не утихнет. Лет пять или шесть. Или... решите вопрос кардинально. На ваше усмотрение.

Вы свободны!

И значимое лицо переложило бесполезную уже папку в другую стопочку.

Все, отзвучал «Манок»!.. И осекся...

Жаль, многообещающая была комбинация.

Ну да ничего — в этом деле не повезло, в другом повезет! Потому что где-то должно!..

Глава 60

И опять ему повезло!..

Потому что все, наконец, выяснилось!

Негг Kuznezov были принесены официальные извинения, и он был отпущен под подписку о выезде. Незамедлительно, в течение ближайших двадцати четырех часов, — на свою новую Родину в Германию.

Негг Kuznezov сел на самолет, помахав на прощание провожавшим его следователям.

— Auf Wiedersehen!

«Боинг» компании Люфтганза разбежался по взлетной полосе и оторвался от бетонки.

Ну вот и все...

Хотя это еще как сказать?..

В Германии Кузнецова встречали официальные лица.

— Ваш аусвайс, пожалуйста.

Кузнецов предъявил справку об освобождении, по которой запросто улетел из Москвы, по протекции следователей. Других документов у него при себе не было, так как вообще не было, потому что его аусвайс пропал!

— Nein! — сказали ему немцы. — Вы не можете въехать в Германию по такой бумаге!

Бумага и впрямь выглядела сомнительно — какие-то размазанные, синие печати и корявые подписи.

— Вы должны вернуться назад. Туда, откуда явились!

— Да кто меня туда пустит! Я гражданин Германии! — нервничал Кузнецов, который устал доказывать, что он не насильник, не убийца, а теперь, что он немец.

— Я немец!

— Тогда предъявите ваш аусвайс!

Чтоб вас всех!

— Я же вам как людям объясняю — меня обокрали, а после посадили!

Herr Kuznezov кричал так громко, что пограничники вынуждены были пригласить полицейских. Которые вбили имя Кузнецова в компьютер.

— Herr Kuznezov?

— Я!..

Не в смысле — я, а в смысле — да!

— О!.. Gut-gut! — обрадованно закричали немецкие полицейские, надевая на него наручники. — Вам надо пройти с нами!

Они ухватили Кузнецова за руки и потащили к машине. Полицейской.

— За что?! — кричал, упирался что было сил Herr Kuznezov.

Оказалось, было за что! Оказалось, что Herr Kuznezov такого в Германии понатворил!..

Во-первых, взял напрокат машины, которые до сих пор не вернул.

Во-вторых, снял квартиры, за которые до конца не расплатился.

В-третьих, многократно нарушал правила дорожного движения, превышая скорость, проскакивая на красный свет, паркуясь в неположенных местах, игнорируя запрещающие знаки и разворачиваясь на встречной полосе. В общей сложности он нарушил правила семьдесят пять раз, за что ему были выписаны штрафы на двадцать четыре тысячи евро, плюс начисленные за несвоевременное внесение платежа пени.

Итого...

— Да вы что — это не я! — благим матом орал Herr Kuznezov.

— Но машина была ваша!

И ему показали три десятка фотографий номеров его машины, сфотографированных автоматическими камерами.

— Но это не моя машина!

У меня вообще нет машины!

— Но вы купили ее, согласно купчей, оформленной...

— Я ничего не покупал! И никуда не ездил! Я сидел в Матросской Тишине. В СИЗО. В тюрьме. В России.

— Почему вы сидели в России в тюрьме? Вы совершили какие-то противоправные действия? В чем вас обвиняли?

— В грабежах, изнасиловании и убийстве, — тихо ответил Herr Kuznezov.

— О! Я-я!.. — воскликнули полицейские, подумав, что поймали крупную рыбу из русской мафии. — Мы задержим вас до установления вашей сомнительной личности. Мы пошлем в Россию запрос...

Тут Кузнецов вовсе сник, поняв, что сидеть ему теперь минимум полгода, потому что раньше бумага из России ни за что не придет...

И Herr Kuznezov сел в тюрьму. На этот раз в немецкую.

Не повезло Herr Kuznezov...

А все потому, что вначале сильно повезло!..

Послесловие

Радость была нежданная и несказанная — блудное дитя вернулось в свой дом!

Хотя давно уж не дитя.

И вернулось не в свой дом — а в чужой.

Но — вернулось!

Анна Михайловна была счастлива до слез. Вернее, до рыданий. Точнее — до истерики!

— Где... где ты был?

— Ну что ты в самом деле, ну был и был. Вернулся ведь, — успокаивал ее как мог Николай Петрович. — Вот он я.

Но Анну Михайловну все равно грыз червь сомнения. Чисто женский.

— Скажи... Признайся... Ты был не один, ты был с бабой? Только честно!

— Ну с какой бабой? Я был с мужиками!

— Но почему ты не позвонил, не написал?

— Потому что оттуда, где я был, — не позвонить! — загадочно отвечал Николай Петрович.

— А где ты был? — вновь начинала подозревать худшее Анна Михайловна.

— А ты никому не скажешь? — понижал тон до шепота Николай Петрович.

— Ну конечно — нет, — так же шепотом отвечала Анна Михайловна.

Значит, скажет!.. И пусть скажет. Лучше пусть скажет она, чем он сам. Ей поверят больше, чем ему. Сплетням всегда верят больше, чем признаниям.

— Я был в тюрьме.

— Где?!

— В тюрьме. Вернее, в следственном изоляторе.

— Ты кого-то изнасиловал? Бабу?! Ты с ней жил, а она написала на тебя заявление?

Ну вот, опять она про свое! Про одно и то же!

— Никого я не насиловал. И не грабил! И не убивал! Хотя на меня хотели повесить пару дел. Ты ведь знаешь, как это у нас делается — взяли по пустяку, по пьянке и стали крутить, добиваясь признаний.

— Бедный ты мой! — всплеснула руками Анна Михайловна. — Тебя, наверное, били?

Он промолчал. Видно, ему не хотелось вспоминать о том, что он пережил. Тем более рассказывать. Чтобы не сбиться. И не сказать лишнего. Лучше уж ему оставаться молчуном.

— Ой, прости меня, дуру! Я ведь, грешным делом думала, что это она, разлучница, что баба!..

— Нет — не баба...

Не баба — мужик — офицер — полковник Городец!

— Ну все, все, пошли спать...

Но только что-то не спалось Николаю Петровичу — лежал он, обняв спящую Анну Михайловну, да все думал.

О чем?

О разном — о Германии, о полковнике Городце, о себе...

Почему ему разрешили вернуться назад, сюда? Почему не послали куда-нибудь в тридевятые края на Камчатку или Сахалин?.. Непонятно! Не должны были!.. Не по правилам это... Не по их правилам...

А ему вдруг сделали поблажку!..

Как все это понять? Или не понимать — даже не пытаться? Потому что все равно — не понять!.. А просто жить до следующего в местной газете объявления. Жить и ни о чем не думать, как живут миллионы сограждан.

Счастливы живут, хоть о том не догадываются.

Жить и надеяться, что его оставили в покое, что о нем забыли!

Просто жить!

В полное свое удовольствие.

Радуюсь каждому новому дню.

А там...

А там — будь что будет!.. Потому что то, что он прожил — у него уже не отнять. Никому!..